

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Государства-цивилизации –
разные аспекты феномена*

*Civilization-States:
Various Aspects Explored*

ТОМ 17 • НОМЕР 4 • 2024

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 17 • NUMBER 4 • 2024

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.00

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2024

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.00

Содержание

Панорама Африки и Ближнего Востока

БЕЛОВ В.И. Цивилизационные основания государства в Иране 6–19

Азия: вызовы и перспективы

АВАТКОВ В.А., ГУЗАЕРОВ Р.И. Евразийство в Турции:
взгляд на Россию и формирование собственной парадигмы 20–34

ТРЕГУБОВА Д.Д. Графическая основа монгольского мира:
языковая политика и современное положение монгольского
вертикального письма 35–49

Китайский глобальный проект для Евразии

РОЖКОВА З.П. Инициативы Китая в рамках диалога цивилизаций. 50–63

США: новые реалии

ИМАНГУЛОВ Л.Р. Этнорасовый состав населения макрорегионов США
в начале XXI века: количественный анализ межгруппового
взаимодействия. 64–86

Российский опыт

АВЕРЬЯНОВ В.В. О «догоняющей» модели самосознания России как
цивилизации 87–104

КАРАТУЕВА Е.Н. Экологические протесты и национальная идентичность
в многонациональном государстве: зеленый национализм в СССР
и современной России. 105–121

В рамках дискуссии

ФЕОФАНОВ К.А. Концепция «государства-цивилизации»
как направление в развитии цивилизационной теории 122–135

СОКОЛОВ С.В. Цивилизационный подход и исследование
цивилизаций в библиотечном и наукометрическом анализе 136–154

Вокруг книг

АЛФЕРОВА Е.В., СКУРКО Е.В. Китайское право и его
международная проекция 155–166

DOI: 10.31249/kgf/2024.04.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efrementko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.00

Contents

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

BELOV V.I. Civilisational Foundations of the State in Iran 6–19

Asia: Challenges and Perspectives

AVATKOV V.A., GUZAEROV R.I. Eurasianism in Turkey:
A Look at Russia and the Formation of Its Own Paradigm 20–34

TREGUBOVA D.D. The Graphic Basis of the Mongolian World:
Language Policy and the Current Situation of Mongolian Vertical Writing 35–49

The Chinese Global Project for Eurasia

ROZHKOVA Z.P. China's Initiatives Within the Framework
of the Dialogue Among Civilizations 50–63

USA: New Realities

IMANGULOV L.R. Ethnoracial Composition of US Macroregions
Population in the Early 21st Century: Quantitative Analysis
of Intergroup Interaction 64–86

Russian Experience

AVERIANOV V.V. On the “Catching Up” Model of Self-awareness
of Russia as a Civilization 87–104

KARATUEVA E.N. Environmental Protests and National Identity
in a Multinational State: Green Nationalism in the USSR
and Modern Russia 105–121

Under Discussion

FEOFANOV K.A. The Concept of “Civilization State” as a Direction
in the Development of Civilizational Theory 122–135

SOKOLOV S.V. The Civilizational Approach and the Study of Civilizations
in Library and Scientometric Analysis 136–154

Spotlight on New Academic Arrivals

ALFEROVA E.V., SKURKO E.V. Chinese Law and Its International
Projection 155–166

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 321(55)

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.01

Цивилизационные основания государства в Иране

Владимир Иванович БЕЛОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения и африканистики

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198

E-mail: vyou@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6112-5550

ЦИТИРОВАНИЕ: Белов В.И. Цивилизационные основания государства в Иране // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 6–19.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.01

Статья поступила в редакцию 09.10.2024.

Исправленный текст представлен 06.11.2024.

АННОТАЦИЯ. В настоящей исследовании автор стремится выявить и проанализировать цивилизационные основания и характеристики государства в Исламской Республике Иран (ИРИ). Специальное внимание уделено рассмотрению взглядов лидеров ИРИ (Р. Хомейни, А. Хаменеи), исламских идеологов на природу власти и управления в исламе, на предназначение и приоритеты исламского государства, анализу иранской инициативы «Диалог цивилизаций» и места Ирана в мировых интеграционных процессах, таких как БРИКС. Показано, что в эпоху глубинной трансформации миропорядка устаревают действующие парадигмы и инструменты государственной власти, растет востребованность цивилизационного подхода. В этом контексте актуализируется вопрос о природе государства и пределах его участия в глобальных процессах. В центре внимания

статьи находится проблема соответствия формы государства как инструмента реализации изначальной миссии иранского народа его предназначению. Методологической основой исследования является комплексный подход, исторический, сравнительный и сопоставительный методы анализа применены для выявления особенностей государства и цивилизации в Иране в контексте рассмотрения основных культурных и религиозных характеристик этой страны. Сделан вывод о том, что достижение целостности (тоухидности) в комплексной стратегии развития страны – это один из вызовов, стоящих сегодня перед Исламской Республикой Иран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иран, миссия, ислам, власть, государство, цивилизация, цивилизационная идентичность, внешняя политика.

Миссия Исламской Республики Иран

История Персии, с 1935 г. – Ирана, насчитывает более 2500 лет. В периоды расцвета Большой Иран простирался от берегов Красного и Средиземного морей до вод Каспийского моря и Индийского океана, пустынь Средней Азии. Здесь возникли древнеиранские религии (зороастризм, манихейство) и с VII в. распространился ислам. Произведения искусства, богатейшее архитектурное наследие, труды великих мыслителей и поэтов Ирана, таких как Саади, Хафиз, Низами, Омар Хайям, Сухраварди и Ибн Сина, вошли в сокровищницу мировой культуры, а персидский (фарси) на много веков стал языком дипломатии в Азии.

Иранцы помнят о веках былого величия. В 1979 г. в результате Исламской революции была провозглашена Исламская Республика Иран (ИРИ) и дан «второй старт» ирано-исламской цивилизации [Юртаев, 2018, с. 5–6, 22–25]. Имам Рухолла Хомейни, Высший руководитель (Рахбар) ИРИ и лидер Исламской революции (1979–1998), повел Иран по пути развития исламской шиитской цивилизации. Завершилась более чем 2000-летняя эпоха монархического Ирана, развеялся миф о том, что «Персия – бессмертное царство». Рухнул светский режим власти, при котором страной управлял шахиншах¹, как носитель некой высшей благодати («абр фар-э шахиншахи» – «шахиншахский сверхфар»).

Анализ положенной в основание государственного курса ИРИ концеп-

ции исламской власти имама Р. Хомейни показывает, что Рахбар ИРИ видел будущее Ирана как лидера мира ислама, ведущего участника Исламской революции, подающего пример следования исламским путем к объединению мира, где место глобального государства (*Pax Americana*, *Pax Britannica*) займет всемирная община мусульман – *Pax Umma Islamica*². В начале XXI в. Иран был нацелен на создание условий для становления «всемирной справедливой власти» (хокумат-э `адл-е джахани) путем нового возвышения исламского государства [Программа..., 2005; Юртаев, 2018]. Таким образом, миссия Исламской Республики Иран есть следование путем [божественной] справедливости во имя «полноты веры и нравственности» (Р. Хомейни) с целью построения всемирной Уммы.

О завершении первого и начале второго 40-летнего этапа Исламской революции в день победы над шахским режимом 11 февраля 2019 г. заявил Верховный лидер страны Али Хаменеи в речи по случаю 40-летия Исламской Республики Иран [Хаменеи, 2019]. Оценивая роль ИРИ в мировой политике, можно отметить, что в условиях переустройства мира Иран является одним из глобальных центров, обеспечивающих стратегический баланс геополитических интересов разных цивилизаций Востока и Запада, Севера и Юга как оплот движения к справедливому миропорядку. 24 сентября 2024 г. президент ИРИ Масуд Пезешкиан с трибуны ООН сделал заявление о вступлении

1 Шахиншах – царь царей – титул персидских владык со времен первой иранской династии – Ахеменидов (705 (?) – 330 гг. до н. э.). В Иране при династии Пехлеви (1925–1979) звучал как «Шахиншах ариамехр» («царь царей – душа ариев»). Согласно шахской идеологии, «шахиншахский строй» в идеале – это строй политической и социальной демократии, особое состояние единства нации, на основе которого должен сложиться «избранный народ» (мардом-э салари), строитель «великой цивилизации» [Лехлеви, 1968] («народ-мессия» в лексике руководства ИРИ второй половины 2000-х годов).

2 Иран стал первым участником Исламской революции, экспорт которой во имя создания всемирной мусульманской Уммы (общины), согласно Конституции ИРИ, является обязанностью правительства страны [Конституция..., 1979, ст. 11].

Ирана в эру перехода к «эффективной и конструктивной роли» в меняющемся мире³.

Цивилизационные основания и государственность

Понятие «государство-цивилизация» появилось в 1990-е годы и использовалось для характеристики таких стран, как Китай, Индия, Россия, Иран, Турция, Египет, США. Споры о корректности применения этого понятия продолжают хотя бы в силу несовпадающего смыслового значения двух включенных компонентов – «государство» и «цивилизация». В том же XX в. было определено, что государство – это «аппарат насилия» (марксизм), а цивилизация – это «стиль жизни» (Э. Валлерстайн). Не случайно Китай называли «цивилизацией, притворяющейся государством», а Россию – «особой цивилизацией» с триадой «государство – гражданское общество – церковь». Утверждается также, что «Государство-Цивилизация всегда больше, чем просто государство и в пространственном, и во временном (историческом) выражении» [Дугин, 2022], хотя глубокое изучение данного аспекта еще требует своего исследователя.

Однако если использовать в качестве первого компонента понятие «страна», то проблема проясняется. Тем более что изучение вопроса о создании государства-цивилизации показало, что основными субъектами данного процесса выступают как верховная власть, так и народ [Государство-цивилизация..., 2023, с. 80, 86], а акцент делается на исторической устойчивости страны и культурном единстве в большом географическом регионе. Основу цивилизации

онной идентичности страны-цивилизации, от полноты реализации которой зависит ее историческая устойчивость, определяет духовное ядро (А.И. Липкин), или цивилизационное ядро/матрица (Н.Н. Моисеев, А.С. Панарин).

В отличие от светского национального государства, продукта европейского Нового времени, государственный строй (власть и управление) в исламской стране-цивилизации формируется на конфессиональной (исламской) основе, что обеспечивает включенность цивилизационного измерения в правовое пространство возникшего государства. Иранские ученые говорят, что «цивилизация должна быть рассмотрена с учетом приобретенного ею нового системного качества в процессе “интегрального эффекта”. <...> Для исламской цивилизации таким “интегральным эффектом” выступило Божье Слово» – Священный Коран [Санаи, 2002, с. 25]. Действительно, свойственная исламу целостность (тоухидность) является идеальным состоянием для исламского государства, когда его независимость и самодостаточность обеспечены. Пример Исламской Республики Иран указывает именно на это – развитие страны после 1979 г. происходит под лозунгами «независимость и свобода», «опора на собственные силы и самообеспеченность». Из истории известно, что Иран никогда не был колонией.

Государство и власть

Вопрос о власти в исламе на протяжении многих веков входит в круг наиболее актуальных, обсуждением которого заняты лучшие умы мира ислама. Имам Хомейни подчерки-

3 Iran's President Tells the UN That His Country Wants to Play a 'Constructive Role' in World Affairs // U.S. News. – 2024. – September 24. – URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2024-09-24/irans-present-tells-the-un-that-his-country-wants-to-play-a-constructive-role-in-world-affairs> (дата обращения: 25.09.2024).

вал: «Закон ислама, или закон Бога, имеет абсолютную власть (хокумат-э там) над всеми индивидами и исламским правительством (доулат)» [Хомейни, 1971, с. 54; Степанянц, 1982, с. 172]. Исполнительная власть представляется как средство построения предписанного «справедливого строя ислама». О.В. Андреева и В.И. Юртаев отмечали, что вопрос об управлении начатой Мохаммадом миссией по строительству на Земле справедливого теократического государства возник со всей остротой сразу же после преждевременной смерти пророка и решения принимались на основании понимания текстов Корана и прецедентов, имевших место при Мохаммаде [Андреева, Юртаев, 2019, с. 142–143]. В этом проявилась специфика сознания людей, принимавших решения, или природа мусульманства, поскольку из всех мировых религий ислам через мусульманское право (фикх, шарият) наиболее тесно сопрягается с государством [Сюкияйнен, 1986, с. 3]. Основополагающую догматическую специфику миропонимания ислама, заключающуюся в единстве, целостности мира и личности как проявлений божественного, выделил известный арабский ученый и мыслитель М. Аль-Джаноби, который отметил, что вопрос о власти имеет теологическое, а не светское понимание и смысл, а идеальный тип государства, общества и человека предполагает их объединение на основе фундаментальных принципов ислама [Аль-Джаноби, 2015, с. 19].

На уровне институтов власти и управления главной задачей закономерно становилась деятельность в соответствии с исламскими обязанностями

и недопущением отклонений на этом пути, что определено кораническим предписанием «приказывай дозволенное и удерживай от запрещенного». Принцип веры «тоухид» (признание единого Бога – Аллаха), который интерпретируется как обоснование равенства и единства всех мусульман перед Аллахом, предопределяет миссию государства, общества и человека как частей целого, реализуемого в рамках парадигм исламского правопорядка и справедливости.

Государство и справедливость

По мысли лидера шиитов мира (марджа ат-таклид) имама Хомейни, с утверждением в мире истинного ислама создается общество власти всеобщей справедливости на земле [Хомейни, 1971, с. 63.] под управлением (велейат) справедливого факиха⁴ [Хомейни, 1971, с. 22, 63, 101].

Как отмечали российские иранисты, «жажда справедливости» наполняет высоким смыслом историю иранской цивилизации и воспета в произведениях великих иранских поэтов, философов и ученых. Эпические герои древнего Ирана совершают подвиги во имя справедливости, могучие владыки получают наставления и обращаются к потомкам с заветами идеального правления, а простые люди смеются над потерявшими совесть богатыями и радуются постигнутому их справедливому наказанию [Юртаев, 2012, с. 60–61]⁵. С принятием ислама понятие «справедливость» ('адл) входит в мировоззренческую пентаматрицу мусульман-шиитов как один из пяти основополагающих «принципов веры»⁶ (осул-е дин).

4 Факих – получивший религиозное образование знаток мусульманского права – фикха.

5 В арабо-мусульманской культуре справедливость толкуется как «воздаяние должного» или «утверждение истины» [Степанянц, 2008].

6 Пять «принципов веры» у мусульман-шиитов – вера в единственность Аллаха (тоухид), божественную справедливость ('адл-е аллахи), пророческую миссию Мухаммеда (нобовват), миссию святых имамов (имамат), Страшный суд и воскресение из мертвых, загробную жизнь (мо' ад); подр. см.: Ислам. Энциклопедический словарь. – Москва: Наука, 1991. – С. 255.

В принятой при Р. Хомейни Конституции ИРИ (1979 г.) зафиксировано, что все государственные институты, в том числе, например, судебная власть, руководствуются в своей деятельности соблюдением и развитием справедливости [Конституция..., 1979, ст. 61]. Справедливость, как указывал Р. Хомейни, в истинном значении есть программное условие социального контракта между правительством и народом, реализуемое в сфере судебно-исполнительной власти и при управлении общим доходом [Хомейни, 1971, с. 73–74]. Пределы справедливой власти определяют закон ислама и предписания шариата [Хомейни, 1971, с. 109].

Одной из исторических особенностей иранского народа является, наряду с любовью к справедливости, готовность пожертвовать жизнь за ее торжество (культура Ашура). Когда Исламская Республика в опасности, граждане страны готовы к участию в священной войне (джихад меча), патриотизм неразрывно связан с героизмом и готовностью к самопожертвованию. Официальным лозунгом ИРИ является «Независимость. Свобода. Исламская Республика»; важнейшим принципом внешней политики – «Неугнетенность и неугнетение. Величие». В период президентства М. Ахмадинежада (2005–2013) внешняя политика Ирана проводилась под лозунгом справедливости в рамках доктрины созидательного взаимодействия (с 2009 г.).

Значимость принципа независимости была особенно подчеркнута переходом ИРИ к реализации долгосрочной программы построения самодостаточной и способной противостоять давлению извне «экономики сопротивления», начатой 21 марта 2014 г. По сути, концепция опоры на собственные силы и самообеспече-

ния в современном Иране трансформировалась в принцип «опоры на внутренний рынок», когда национальное производство, внутреннее производство должны стать «особым ключом» к успешному развитию Ирана [Хаме-неи, 2017].

Цивилизационная парадигма и государство в Иране

Цивилизационная идентичность является, пожалуй, главным фактором, интегрирующим современный Иран. На фоне разрушающих торговлю и экономику страны внешних санкций, направленных на смену режима исламской власти в Иране, всё заметнее, что в конечном итоге Исламская Республика отстаивает свою цивилизационную идентичность. ИРИ противостоит «коллективному Западу» как ирано-исламская цивилизация, противопоставляя западной христианской цивилизации свои символы, мировоззренческие и морально-этические принципы, идейные установки, язык, правила, обычаи и нормы, институты и ритуалы, которые устойчиво передаются от одного поколения к другому. Иран и иранская государственность веками развиваются на основе принципов преемственности и традиции, а государство выступает как способ воплощения потенциала страны-цивилизации. Персидский философ и мистик Яхья ас-Сухраварди «объединил древнюю персидскую мудрость, греческую рационализм и исламское интуитивное знание» [Address..., 2000]. В XX в. последний шах династии Пехлеви предпринял попытку построить в Иране государство-нацию по европейскому образцу в ее восточной монархической модификации, одновременно объявив о продвижении к «великой цивилизации» [Пехлеви, 1977]. Однако достичь

синтеза двух исторических начал иранской цивилизации (имперской традиции «Иран vs Туран» и исламской шиитской традиции имамата) под зонтиком западного светского рационализма не удалось, что, конечно, заслуживает специального глубокого исследования. В условиях реализуемой в Иране с 1979 г. концепции исламской власти, предложенной имамом Р. Хомейни, заметно усилилась исламская составляющая и в XXI в. Исламская Республика Иран дистанцируется как от Запада (США, ЕС), так и от Востока (России, Индии, Китая), предлагая миру исламскую идентичность, основанную на ирано-исламской (шиитской) цивилизации.

Можно заключить, что в эпоху глубинной трансформации миропорядка устаревают действующие парадигмы организации государственной власти, прежде всего геополитическая, актуализируется вопрос о природе государства и пределах его участия в глобальных процессах. Центральной становится проблема соответствия формы/матрицы государства его предназначению как инструмента реализации изначальной миссии государствообразующего этноса/группы этносов.

Этнически гетерогенное государство в стране-цивилизации надэтнолично и может быть представлено как «мир миров», где ядром выступает государствообразующий этнос или этносы. В Иране исторически таким этносом являются персы⁷.

Ключевые особенности Ирана как страны-цивилизации – наличие зоны пограничья и взаимодействия одновременно с Западом, Востоком, Севером и Югом (географический фактор), срединное расположение на пересечении важнейших торго-

вых путей (матрица Шелкового пути, Путь из варяг в персы, современный Международный транспортный коридор «Север – Юг» и др.) и маршрутов нефтегазопроводов в Евразии (стратегический фактор), этническое многообразие и высокая моноконфессиональность населения (90% – мусульмане-шииты с центробежными и центростремительными тенденциями) (интеграционный фактор), тяжелые в целом природные условия, неплодородность почв и нехватка воды (природно-экологический фактор). Отсюда проистекает подчас решающая роль государства, общины, лидера в истории иранской цивилизации. Внешние вызовы также играют значимую роль как фактор формирования иранской цивилизации, начиная с греко-персидских войн до санкционной войны Запада против ИРИ.

Как страна-цивилизация Иран нуждается в цивилизационно-системной государственности, организованной вокруг цивилизационной матрицы. Государство при этом в идеале должно обеспечить целостность воплощения и безопасность иранской цивилизации. Поддержание единства, сплоченности и целостности полиэтнического Ирана как цивилизации и государства, народа и правительства воспринимается иранскими идеологами как высший политический приоритет и рассматривается как ключевая задача правительства ИРИ.

Для характеристики Ирана как страны-цивилизации важны традиционные духовно-нравственные ценности. Уникальность Ирана раскрывается прежде всего через такие понятия, как благочестие (тагва), свободолюбие, разум, совесть, чувство справедливости, способность к дости-

7 По данным на 2023 г., этнический состав Ирана был следующим: 61% населения – персы, 16% – азербайджанцы, 10% – курды.

жению истинного совершенства; эти и другие качества, данные человеку в качестве «божьего дара», образуют природу (фэтрат) человека [Мотаххари, 1980, с. 131–132].

Ведущий идеолог Исламской революции аятолла М. Мотаххари, определяя основные черты объединенного под всемирной единой властью исламского идеального общества, говорил об окончательной победе добродетели, благочестия, мира, справедливости, свободы и правды над насилием, высокомерием, порабощением, гнетом и лжемахдизмом (ложью и обманом), а также о ликвидации войн, установлении мира, чистосердечности, любви и взаимопомощи, гармонии человека с природой [Мотаххари, 1989, с. 60–61].

Мессианское по сути иранское государство в моменты своего возвышения всегда было ориентировано вовне, на распространение своей ценностно-мировоззренческой модели, которая, в свою очередь, являлась оригинальной и исторически преемственной системой ценностей и смыслов. Так, в эпоху монархической (шахиншахской) традиции в Иране Персидская империя при Ахеменидах и Сасанидах, Сефевидях и Пехлевидах выполняла роль собирателя разрозненных и различных (по разным критериям) территорий, этносов и сообществ, предлагая собой своеобразный следующий этап общественной динамики для обществ, обладающих устойчивым многолетним опытом государственности и самобытного культурного развития. Культурная дипломатия как форма экспорта Исламской революции

(1979), в свою очередь, стала важным направлением внешнеполитической деятельности современной Исламской Республики Иран.

Идея диалога цивилизаций и Иран

Отметим, что вся история цивилизаций связана с поиском способов и форм совмещения и соединения разнородных по происхождению, темпам развития, по множеству других параметров общностей людей (этносов и др.). С началом на рубеже XX–XXI вв. процесса глобализации произошла актуализация цивилизационной парадигмы, ставшей вызовом привычным системообразующим началам миротрансформирования, таким как геополитика и геоэкономика⁸, опираясь на которые «коллективный Запад» начал построение монополярного мира под эгидой США. В результате консолидации «коллективного Запада» вокруг проекта монополярной глобализации конкуренция между этими тремя парадигмами мироустройства стала более явственной, а споры вокруг связанных с этим проблем перешли уже в плоскость дискуссии о глобальном цивилизационном транзите. Важно, что «государство как живой организм», созданный в рамках геополитической парадигмы, в условиях глобализации всё более теряет свою конструктивную созидательность как инструмент достижения изначальной цели государствообразующего этноса/группы этносов, реализуя вовне свою геополитическую матрицу. Кризис основанного на геополитических содержательных принципах государства уходящей эпохи модерна

8 Значимость этого вызова была подчеркнута попыткой расширить предмет геополитики через адаптивное восприятие цивилизационного подхода («цивилизационная геополитика» и др.). Подобным же образом ранее в геополитику были включены ключевые категории и элементы геоэкономического подхода. В современных международных отношениях и новейшей геополитике идея Больших пространств (К. Шмитт) лежит в основе создания *государств-цивилизаций* с доминирующей либерально-демократической идеей (Американская цивилизация, Объединенная Европа).

заставляет обращаться к иным основаниям государственности, таким как цивилизационная парадигма. Защищая старую парадигму, ее сторонники противопоставляют потенциалу диалога цивилизаций⁹ угрозу вероятного глобального межцивилизационного разлома, трактуемого как столкновение государств-цивилизаций.

В конце 1990-х годов широкий международный резонанс получила идея «диалога цивилизаций», с которой выступил в 1997 г. президент ИРИ М. Хатами (1997–2005): «Диалог между цивилизациями – необходимое условие существования в современном мире» [Вагин, 2001, с. 107]. Внесение в мировую повестку дня глобальной инициативы «Диалог цивилизаций» можно оценить как ответ мира ислама на вызов концепции «Столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон). В поддержку позиции ИРИ Организация Объединённых Наций объявила 4 ноября 1998 г., что 2001 г. станет Годом диалога цивилизаций.

М. Хатами предложил вести диалог на трех уровнях: внутри мира ислама; между исламской и западной (христианской) цивилизациями; между всеми цивилизациями и конфессиями. Каждому из вышеуказанных направлений М. Хатами посвятил публичные выступления и теоретические работы (выступления на сессии Организации исламского сотрудничества (ОИК) в Тегеране в 1997 г. с обращением к народам и правительствам мусульманских стран, на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1998 г. с обращением к народам мира, на сессии ЮНЕСКО в 1999 г. с призывом к диалогу с народами и правительствами западного (христианского) мира). Диалог внутри мира

ислама, полагал М. Хатами, необходим для сближения и объединения всех мусульманских народов в единую Умму. Их возвращение в «общий исламский дом» станет главной предпосылкой для возрождения величия исламской цивилизации [Юртаев, 2012, с. 170–172]. Новый этап во внешней политике Ирана начался с заявления М. Ахмадинежада летом 2005 г. о «втором старте» ирано-исламской цивилизации. Миссия ИРИ была определена как «создание условий для установления всемирной справедливой власти путем нового возвышения исламской цивилизации» [Программа..., 2005, с. 22–25]. Квинт-эссенцией стратегии развития ИРИ, нацеленной на построение глобального общества социальной справедливости на основе «великих традиций исламской цивилизации», стала атомная программа Ирана.

После 2005 г. тема «диалога цивилизаций» практически исчезает из политического дискурса Исламской Республики Иран, которая находилась под всё возрастающим внешним санкционным давлением. По оценке выдающегося востоковеда и государственного деятеля академика Е.М. Примакова, возникла ситуация кризиса диалога между цивилизациями [Примаков, 2009]. Рубежным в этом контексте стало выступление Рахбара ИРИ А. Хаменеи в декабре 2012 г., заявившего, что в мире произошло великое событие – исламское пробуждение [Встреча лидера, 2012]. По сути, А. Хаменеи заявил о холодной войне на межцивилизационном уровне и готовности в свою очередь опустить между народами новый «железный занавес» [Юртаев, 2012, с. 333].

9 В ноябре 1998 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций объявила 2001 г. Годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН. Последующая резолюция (резолюция 54/113), принятая в феврале 2000 г., подтвердила положения резолюции GA/RES/53/22. В дальнейшем отмечалось: «Под лозунгом столкновения цивилизаций межцивилизационному диалогу был нанесен огромный ущерб» [Россия в многообразии..., 2011, с. 860].

Столкнувшись с консолидированной негативной в целом позицией стран Запада, что особенно было подчеркнуто отзывом тогдашним американским президентом Д. Трампом подписи США под СВПД в 2018 г., Тегеран всё заметнее стремился к расширению своих отношений с ключевыми странами Азии, такими как Китай и Индия, Саудовская Аравия.

В целом в условиях глобализации диалог и партнерство цивилизаций становятся императивом нового этапа развития человечества, чтобы «достойно ответить на вызовы XXI в., успешно решить узловые глобальные проблемы» [Яковец, 2002]: демографическую, экологическую, технологическую, экономическую, геополитическую, социокультурную.

Цивилизационный формат диалога Иран – БРИКС

Вступление в БРИКС стало важным достижением ИРИ и ее восточной дипломатии. Находясь под внешним давлением, Иран перешел с 2013 г. к реализации политики «поворот на Восток». Вступление в БРИКС Ирана, как и ряда арабских государств, позволяет говорить о возможности создания на Ближнем и Среднем Востоке региональной платформы для диалога и сотрудничества между странами. Расширение состава БРИКС подчеркнуло стремление региональных лидеров к миру, безопасности, развитию и сотрудничеству как результату взаимных усилий по укреплению доверия, углублению взаимовыгодного сотрудничества и расширению гуманитарных обменов.

Выделим три аспекта:

Первый. БРИКС представляет собой и цивилизационную площадку диалога, и «мост» на пути к формированию более справедливого и гармоничного мира. Если рассматривать значимость

Ирана для стран БРИКС, то прежде всего следует назвать его соседей – страны, расположенные в Южной и Восточной Азии, – Индию и Китай соответственно. Это связано с процессом кристаллизации «континентального рынка» и стремлением БРИКС к созданию системы справедливых экономических и международных отношений. В рамках политики поворота на Восток Иран целенаправленно формирует геостратегический пояс с участием Китая, Индии, Пакистана, Афганистана, Саудовской Аравии, Турции, Египта и России. Политика «экономики сопротивления», проводимая в Иране, направлена на создание в стране независимых от внешних поставок отраслей, «опоры на внутренний рынок». Становясь участником БРИКС, Иран получает доступ к объединенным ресурсам, технологиям и рынкам стран-участниц, что открывает новые перспективы для реализации заявленных целей национального развития.

Второй. Приоритетной задачей БРИКС является обеспечение связности мирового пространства через построение модуля нового мира во всей его полноте. Квинтэссенцией этого, как представляется, становится лозунг «жить с опорой друг на друга». Цивилизация Ирана прошла путь в 27 веков, сохранив при этом среду обитания, преумножив население, развив язык, традиции и культуру. При поддержке Ирана перспективным направлением развития БРИКС может стать цивилизационная инициатива «Экологическая цивилизация для устойчивого развития мира во всем его биоразнообразии» [Белов, 2024b, с. 121]. Предназначение новой инициативы, которая может исходить от Ирана и/или России, например, – объединить национальные экологические повестки стран БРИКС и всего человечества. Это необходимо для обеспечения комплексной безопас-

ности, понимаемой как переход к экологической, или тоухидной, безопасности и цивилизации.

Третий. Страны Азии, Африки и Латинской Америки, как правило, молоды по составу населения и, следовательно, наиболее открыты для современного высокотехнологичного инновационного развития. В связи с этим Иран¹⁰ и страны БРИКС призваны дать ответ на глобальный вызов – формирование новой среды обитания человека – нанотехнологичной, с искусственным интеллектом, новыми сферами деятельности, иными продуктами питания, другой одеждой и медициной; резким сокращением традиционных видов труда. Страны БРИКС призваны стать активными участниками мирового процесса и возглавить работу над глобальной повесткой, встать на защиту принципов многосторонности, справедливости, соблюдения этических принципов в киберпространстве, в космосе, в вопросах экологии, среды обитания и воспроизводства.

В эпоху политической турбулентности, экономической нестабильности и, как следствие, болезненной трансформации миропорядка [Белов, 2024а] моделирование эффективных подходов к развитию сотрудничества между странами-цивилизациями предполагает совмещение парадигм, в которых происходит формирование государств. Для Ирана это ирано-шиитская цивилизационная парадигма, в рамках которой возникает матрица целостного (тоухидного) государства как идеального инструмента воплощения миссии справедливости иранского народа. Достижение целостности (тоухидность) в комплексной стратегии развития

страны – это один из вызовов, стоящих сегодня перед Исламской Республикой Иран.

Следование путем реформирования системы светского государственного управления с целью создания эффективной и конкурентоспособной модели, обеспечивающей устойчивое развитие мусульманской Уммы, входит в число критических задач, стоящих в повестке дня для мира ислама.

Список литературы

Аль-Джаноби М. Ислам. Цивилизация, культура, политика. – Москва : ООО «Садра», 2015. – 407 с.

Андреева О.В., Юртаев В.И. Метафизика власти в исламе: истоки и предназначение // Метафизика. – 2019. – № 3. – С. 142–151. – URL: http://lib.rudn.ru/file/19_1111_Метафизика%203%2033%20посл.pdf (дата обращения: 18.09.2024).

Белов В.И. Международные мультимодальные транспортно-логистические хабы – будущее Каспия (Глава 2. П. 2) // Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений : монография / под ред. К.П. Курылева. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2024а. – С. 47–64.

Белов В.И. Стратегические вызовы безопасности Ирана на Ближнем и Среднем Востоке // Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире. Материалы международной конференции «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире» (Москва, 25 апреля 2023 г.). – Москва : Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2024b. – С. 115–122.

Вагин М.В. Президент М. Хатами и его концепции «исламского гражданского общества и «диалога цивилиза-

10 По оценкам, численность населения в 2024 г. превысила 88,7 млн человек. Средний возраст населения составляет 33,6 лет.

ций» // Иран: Ислам и власть / отв. ред. Н.М. Мамедова, М. Санаи. – Москва : Крафт+, 2001. – С. 103–113.

Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура / Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 80–88. – DOI: 10.24412/2076-1503-2023-9-80-88.

Дугин А. Государство-цивилизация // Геополитика. – 2022. – 30 мая. – URL: <https://www.geopolitika.ru/article/gosudarstvo-civilizaciya> (дата обращения: 13.09.2024).

Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – Москва : ИИК «Российская газета», 2009. – 239 с.

Россия в многообразии цивилизаций. Серия : Старый Свет – новые времена / под ред. Н.П. Шмелева. – Москва : Издательство «Весь мир», 2011. – 896 с.

Санаи М. Диалог цивилизаций и исламский фактор // Диалог цивилизаций: исторический опыт и перспективы XXI века. Доклады и выступления. Российско-иранский международный научный симпозиум, 1-2 февраля 2002 г. / под ред. Ю.М. Почты. – Москва : Изд-во РУДН, 2002. – С. 25–28.

Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX веков. – Москва : Наука, 1982. – 248 с.

Степанянц М.Т. Россия в диалоге культур Восток – Запад // ВИПЕРСОН. – 2008. – 13 марта. – URL: <https://viperson.ru/articles/m-t-stepanyants-rossiya-v-dialoge-kultur-vostok-zapad> (дата обращения: 19.09.2024).

Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. – Москва : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986. – 256 с.

Хаменеи А. Встреча лидера Исламской революции А. Хаменеи с участниками Международного совещания уни-

верситетских профессоров исламского мира и движения исламского пробуждения // Информационный блок офиса Великого Лидера Сейида Али Хаменеи. – 2012. – 11 декабря. – URL: <https://www.leader.ir/ru/content/10214> (дата обращения: 13.09.2024).

Хаменеи А. Накануне новой эпохи Исламской Республики. Полный текст заявления Лидера исламской революции // Информационный блок офиса Великого Лидера Сейида Али Хаменеи. – 2019. – 13 февраля. – URL: <https://www.leader.ir/ru/content/22738/Заявление-по-случаю-40-летия-революции> (дата обращения: 20.09.2024).

Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. Москва : Аспект Пресс, 2018. – 160 с.

Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). – Москва : РУДН, 2012. – 387 с.

Яковец Ю.В. Диалог между цивилизациями – императив XXI века // Диалог цивилизаций: исторический опыт и перспективы XXI века. Доклады и выступления. Российско-иранский международный научный симпозиум, 1-2 февраля 2002 г. / под ред. Ю.М. Почты. – Москва : Изд-во РУДН, 2002. – С. 29–31.

Address by H.E. Mr Mohammed Khatami, President of the Islamic Republic of Iran. Round Table: Dialogue Among Civilizations United Nations, New York. – 2000. – September 5. – Provisional verbatim transcription. – URL: <https://web.archive.org/web/20070310224647/http://www.unesco.org/dialogue2001/en/khatami.htm> (дата обращения: 20.09.2024).

Конституция Исламской Республики Иран. – Тегеран, 1979. = Ганун-э аса-си-йе джомхури-йе эслами-йе иран. – Тегеран, 1358. – Перс. яз.

Мотаххари М. Восстание и революция Махди с позиций философии

истории. Приложение: Шахид, 9-е изд. = Мотаххари Мортаза. Гийам ва энглаб-э махди аз дадгах-э фальсафэ-йе тарих. Замимэ: Шахид. Чап-э нохом. – Тегеран : Садра, 1989. = Техран: Садра, 1368, бахар. – 134 с. – Перс. яз.

Мотаххари М. Знакомимся с Кораном. – 2-е изд. Т. 2. = Мотаххари Мортаза. Ашнаи ба Коран. Чап-э доввом. Джелд-е доввом. – Кум : Садра, 1980. = Ком: Садра, 15.01.1359. – 184 с. – Перс. яз.

Пехлеви М.Р. На пути к великой цивилизации. = Пехлеви М.Р. Бе су-йе тамадонн-э бозорг. – Тегеран : Центр исследований и публикаций политической культуры эпохи Пехлеви в сотрудничестве с библиотекой Пехлеви, 1977. = Техран, 1355. – 345 с. – Перс. яз.

Программа девятого Правительства / Секретариат Совета по информации

Правительства. = Барнаме-йе доулат-э нохом / Дабирхане-йе шоура-йе эттел`а расани-йе доулат // Руководство Исламской Республики Иран [официальный сайт]. – 2005. = 1384. – URL: <http://www.president.ir/fa/> (дата обращения: 18.09.2024). – Перс. яз.

Хаменеи А. Выступление в хорраме Резави. 2017 г. = Хаменеи Али. Байнат дар эджтэма-э заеран ва моджаварон-э хоррам-э мотахар-э резави // Информационная база, посвященная лидеру ИРИ. – 2017. = 1396. – URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=36091> (дата обращения: 14.09.2024). – Перс. яз.

Хомейни Р. Исламская власть. Правление факиха. 3-е изд. = Хокумат-э эслами. Велайат-э факих. Чап-э севвом. – [Б. м.], 1971. = 1391. – 208 с. – Перс. яз.

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.01

Civilisational Foundations of the State in Iran

Vladimir I. BELOV

Dr. Sc. (History), Professor of the Oriental and African Studies Department
Peoples` Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Miklukho-Maklaya Street, 6, Moscow, Russian Federation, 117198

E-mail: vyou@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6112-5550

CITATION: Belov V.I. (2024). Civilisational Foundations of the State in Iran. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 6–19 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.01

Received: 09.10.2024.

Revised: 06.11.2024.

ABSTRACT. *In this study, the author seeks to identify and analyze the civilizational foundations and characteristics of the state in the Islamic Republic of Iran (IRI).*

Special attention is paid to the views of IRI leaders (R. Khomeini, A. Khamenei), Islamic ideologists on the nature of power and governance in Islam, the purpose and priorities

of the Islamic state; analysis of the Iranian initiative 'dialogue of civilizations' and Iran's place in the world integration processes, such as BRICS. It is shown that in the era of profound transformation of the world order, the current paradigms and instruments of state power, primarily geopolitical, are becoming obsolete, and the demand for a civilizational approach is growing. In this context, the question of the nature of the state and the limits of its participation in global processes is actualized. In the centre of attention is the problem of conformity of the state as an instrument for the implementation of the original mission of the Iranian people. The methodological basis of the study was a comprehensive approach, historical, comparative and comparative methods of analysis were applied to identify the peculiarities of the state and civilization in Iran in the context of considering the main cultural and religious characteristics of this country. It was concluded that achieving integrity (Tawhid) in the comprehensive development strategy of the country is one of the challenges facing the Islamic Republic of Iran today.

KEYWORDS: Iran, mission, Islam, power, state, civilization, civilizational identity, foreign policy.

References

- Address... (2000). Address by H.E. Mr Mohammed Khatami, President of the Islamic Republic of Iran. *Round Table: Dialogue Among Civilizations United Nations, New York*. September 5, provisional verbatim transcription. Available at: <https://web.archive.org/web/20070310224647/http://www.unesco.org/dialogue2001/en/khatami.htm>, accessed 20.09.2024.
- Al-Janabi M. (2015). *Islam. Civilization, Culture, Politics*. Moscow: Sadra LLC, 407 pp. (in Russian).
- Andreeva O.V., Yurtaev V.I. (2019). Metaphysics of power in Islam: origins and purpose. *Metaphysics*. No. 3, pp. 142–151 (in Russian). Available at: http://lib.rudn.ru/file/19_1111_Метафизика%203%2033%20посл.pdf, accessed 09.18.2024.
- Belov V.I. (2024a). Chapter 2. Item 2. International multimodal transport and logistics hubs – the future of the Caspian Sea. In: Kurylev K.P. (ed.). *Central Asia as an Emerging Subsystem of International Relations: Monograph*. Moscow: Aspect Press Publishing House, pp. 47–64 (in Russian).
- Belov V.I. (2024b). Strategic challenges to Iran's security in the Near and Middle East. In: *Russian-Iranian Cooperation in a Changing World. Proceedings of the International Conference "Russian-Iranian Cooperation in a Changing World"* (Moscow, April 25, 2023). Moscow: Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS Countries), pp. 115–122 (in Russian).
- Dugin A. (2022). The State-civilization. *Geopolitics*. May 30 (in Russian). Available at: <https://www.geopolitika.ru/article/gosudarstvo-civilizaciya>, accessed 09.13.2024.
- Gosudarstvo-tsvivilisatsiya... (2023). Zhuravleva L.A. et al. State-civilization: concept, essence, structure. *Education and Law*. No. 9, pp. 80–88 (in Russian). DOI: 10.24412/2076-1503-2023-9-80-88.
- Khamenei A. (2012). Meeting of the Leader of the Islamic Revolution A. Khamenei with participants of the International Meeting of University Professors of the Islamic World and the Islamic Awakening Movement. *Information Block of the Office of the Great Leader Sayyid Ali Khamenei*. December 11 (in Russian). Available at: <https://www.leader.ir/ru/content/10214>, accessed 09.13.2024.
- Khamenei A. (2017). Speech in Raza- vi's khorram. *Information Base Dedicated to the Leader of Iran* (in Persian). Available at: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=36091>, accessed 14.09.2024.
- Khamenei A. (2019). On the eve of a new era of the Islamic Republic. The full text of the statement of the Leader of the Islamic Revolution. *Information Block*

of the Office of the Great Leader Sayyid Ali Khamenei. February 13 (in Russian). Available at: <https://www.leader.ir/ru/content/22738/Заявление-по-случаю-40-летия-революции>, accessed 09.20.2024.

Khomeini R. (1971). *Islamic Power. The Reign of the Fakih*. 3rd ed. S.I., 208 pp. (in Persian).

Konstitutsiya... (1979). *The Constitution of the Islamic Republic of Iran*. Tehran (in Persian).

Motakhhari M. (1980). *Getting Acquainted with the Quran*. 2nd ed. Vol. 2. Qom: Sadra, 184 pp. (in Persian).

Motakhhari M. (1989). *The Mahdi Uprising and Revolution from the Standpoint of the Philosophy of History. Application: Shahid*. 9th ed. Tehran: Sadra, 134 pp. (in Persian).

Pahlavi M.R. (1977). *Towards a Great Civilization*. Tehran, 345 pp. (in Persian).

Primakov E.M. (2009). *A World Without Russia? What Does Political Short-sightedness Lead to?* Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 239 pp. (in Russian).

Programma... (2005). Program of the Ninth Government. Secretariat of the Government Information Council. *The leadership of the Islamic Republic of Iran: official website* (in Persian). Available at: <http://www.president.ir/fa/>, accessed 18.09.2024.

Rossiia v mnogoobrazii... (2011). Shmelev N.P. (ed.). *Russia in the Diversity of Civilizations*. Moscow: Ves' Mir, 896 pp. (in Russian).

Sanai M. (2002). Dialogue of civilizations and the Islamic factor. In: Pochta Y.M. (ed.). *Dialogue of Civilizations: Historical Experience and Prospects of the 21st Century*. Reports and presentations. Russian-Iranian International Scientific

Symposium, February 1-2, 2002. Moscow: RUDN Publishing House, pp. 25–28 (in Russian).

Stepanyants M.T. (1982). *Muslim Concepts in Philosophy and Politics of the 19th–20th Centuries*. Moscow: Nauka, 248 pp. (in Russian).

Stepanyants M.T. (2008). Russia in the dialogue of East-West cultures. *VIPERSON*. March 13 (in Russian). Available at: <https://viperson.ru/articles/m-t-stepanyants-rossiya-v-dialoge-kultur-vo-stok-zapad>, accessed 09.19.2024.

Sukiyanin L.R. (1986). *Muslim Law. Questions of Theory and Practice*. Moscow: Main Editorial Office of Oriental Literature, Nauka Publishing House, 256 pp. (in Russian).

Vagin M.V. (2001). President M. Khatami and his concepts of “Islamic civil society and the dialogue of Civilizations”. In: Mammadov N.M., Sanai M. (eds.). *Iran: Islam and Power*. Moscow: Kraft+, pp. 103–113 (in Russian).

Yakovets Yu.V. (2002). Dialogue between civilizations is an imperative of the 21st century. In: Pochta Y.M. (ed.). *Dialogue of Civilizations: Historical Experience and Prospects of the 21st Century*. Reports and presentations. Russian-Iranian International Scientific Symposium, February 1-2, 2002. Moscow: RUDN Publishing House, pp. 29–31 (in Russian).

Yurtaev V.I. (2012). *Features and Implementation of the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran (1979–2010)*. Moscow: RUDN University, 387 pp. (in Russian).

Yurtaev V.I. (2018). *Islamization as a Factor of Iran's Foreign Policy*. Moscow: Aspect Press, 160 pp. (in Russian).

Азия: вызовы и перспективы

УДК 94:130.2(560)

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.02

Евразийство в Турции: взгляд на Россию и формирование собственной парадигмы

Владимир Алексеевич АВАТКОВ

доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего

и Постсоветского Востока

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: v.avatkov@gmail.ru

ORCID: 0000-0002-6345-3782

Разиль Илшатович ГУЗАЕРОВ

младший научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: guzaerov99@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0006-9975

ЦИТИРОВАНИЕ: Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Евразийство в Турции: взгляд на Россию и формирование собственной парадигмы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 20–34.
DOI: 10.31249/kgt/2024.04.02

Статья поступила в редакцию 21.05.2024.

Исправленный текст представлен 03.07.2024.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу развития евразийской мысли в Турции. Анализ работ турецких специалистов, посвященных российскому евразийству, демонстрирует, что они обращают особое внимание на ряд моментов. Во-первых, указывается естественность подобной идеологической мысли для России, которая стремится стать ведущим государством Евразии и противопоставить себя западным странам. Во-вторых, отмечается важная роль прихода к власти В.В. Путина, под руководством которого страна начала трансформировать свою внешнюю*

политику, уделяя всё больше внимания постсоветскому пространству. Отличительной чертой анализа российского евразийства турецкими исследователями стала попытка представить его в негативном ключе. Видна тенденция на представление евразийской политики России как «неоимперской», а самой России – стремящейся взять под контроль данные территории. Очевидна проблема непонимания евразийства турецкими исследователями и неправильная трактовка действий и посылов России по отношению к Евразии. Развитие евразийской мысли в самой Турции

обусловлено узким пониманием Евразии в рамках Кавказа и Средней Азии. Был сформирован ряд течений евразийства, среди которых выделены националистическое, мультикультуралистское и западное. Превалирующим в турецком научном дискурсе стало националистическое понимание евразийства, в результате чего оно начало ассоциироваться с пантюркизмом и политикой Турции по отношению к тюркским государствам и народам. Турецкие исследователи подчеркивают важность тюркских государств в рамках Евразии и их ключевую роль в этом географическом пространстве, что может стать основой увеличения их роли в регионе. Данное обстоятельство обуславливает более активную политику Турции в «тюркском мире» для обретения в нем регионального лидерства. Турецкое евразийство, лишённое основных концепций и принципов, не смогло сформироваться в вид адекватной идеологии страны в рамках ее внешней политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Турция, евразийство, Евразия, пантюркизм, тюркские государства, идеология, национализм.

Турция – одно из наиболее активных государств на международной арене. Продолжительное время политика Анкары была направлена на развитие тесных отношений с западным миром и следованию в фарватере США. Однако при Р.Т. Эрдогане Турция начала менять свою стратегию и отходить от исключительно прозападного вектора. Страна перешла к формированию нового видения собственного места на международной арене не как части западного мира, а как важного звена Евразии. В данном ключе в Турции начала обретать популярность идея евразийства, которая могла стать новой основой внешнеполитического позиционирования.

Турецкие исследования российского евразийства

Евразийство как политическая мысль пришло в Турцию из России. В связи с этим турецкое экспертное сообщество уделяет большое внимание анализу евразийства в политической жизни России. Данные исследования демонстрируют, как евразийская мысль и евразийская политика России воспринимаются в турецких аналитических кругах.

Исследователь Я.К. Таштан отмечает, что понятие «евразийство» представляет большую значимость для России, которая исторически нацелена на расширение территорий и претендует на статус мировой сверхдержавы [Таштан, 2012]. Появление евразийства в России (при условии, что большая часть территории страны находится в Азии, а страна в полной мере считается европейской) представляется как естественный исторический процесс. А расцвет евразийства связывается с началом XX в., когда данное течение начало обретать характер национальной идеологии [Акгюль, 2009].

При этом примечательно, что, анализируя истоки появления евразийства, ряд турецких экспертов (например, [Коркмаз, 2020; Ишьяр, 2018]) пытаются продемонстрировать «нерусскость» данного течения. Так, в частности, акцентируется внимание на то, что такие основатели евразийского течения, как Савицкий, Флоровский, имели украинские корни, а Трубецкой и вовсе происходит из рода литовского князя Гедимины. Также указывается на то, что окончательное складывание евразийской мысли Савицким пришлось на время его пребывания в Крыму, который был последним оплотом Белой Армии [Коркмаз, 2020; Ишьяр, 2018]. Создается ощущение, что авторы стремятся отделить идеи евразийства

и Россию, упуская или умалчивая тот момент, что указанные ими территории в те времена были частью единого государства.

Рост популярности евразийства в настоящее время турецкие исследователи связывают с развалом Советского Союза и естественным процессом развития новых идеологических течений внутри страны. Так, подмечается, что, наряду с западниками, националистами (панславянистами), на передний план выходят евразийцы, ставящие во главу угла свою евразийскую идентичность. Евразийство преподносится как теоретико-политическая мысль, которая противостоит идее моноцентричного мира во главе с США. Евразийство в данном контексте воспринимается как политическая мысль, направленная на возвращение России статуса мирового центра силы через сотрудничество с европейскими и азиатскими странами [Хекимоглу, 2007].

Важной вехой в становлении и развитии нового евразийства считается приход к власти В.В. Путина, демонстрирующего умеренный подход к данному течению и проводящего политику, направленную на усиление влияния страны на мировой арене и укрепление национальной экономики. В то же время основу для пересмотра идей евразийства и возвращения к ним заложили неудачи Москвы в ходе его попыток наладить отношения с западным миром, а также растущие противоречия с НАТО [Курт, 2019]. Помимо этого, указывается, что с приходом к власти В.В. Путина у России появилась цель снова превратить страну в империю. Среди символических шагов на пути к этому отмечается возвращение гимна под музыку А. Александрова, утверждение флага, использовавшегося в имперские времена. В целом отмечается, что в путинскую эпоху началось оживление идеи создания великой России

[Йылмаз, 2015]. Всё это привело к переосмотру и активизации политики страны на постсоветском пространстве.

При этом, говоря о подобной активизации, турецкие авторы зачастую стремятся продемонстрировать гегемонистский характер евразийства, который ставит Россию в центр противоборства с Атлантическим альянсом во главе с США [Озкан, Атай, 2022]. Более того, указывается и то, что создание евразийского проекта под руководством России приведет к сдерживанию развития евразийской мысли, которая может возникнуть в других государствах [Анджак, 2020]. Под пристальным взглядом в первую очередь находится постсоветское пространство, где в рамках евразийства Россия снова должна стать сильной державой и проводить более эффективную политику в данной географии [Bassin, 2016].

Большую роль в развитии современного российского евразийства турецкие специалисты отводят «имперской идентичности страны». Выбор данного идеологического течения объясняется стремлением России сохранить свое влияние на ближнем зарубежье. Потеряв влияние на европейском направлении и обретя большие проблемы во взаимоотношениях с Украиной, контроль Кавказа и Средней Азии, по выражению М. Татлы, позволит Москве доказать, что она всё еще является могущественным государством [Татлы, 2023].

Ведущим специалистом в области евразийства в России признается А. Дугин. Именно с ним, а зачастую и только с ним ассоциируется российское евразийство. Так, турецкие специалисты утверждают, что А. Дугин смог найти ответы для политической мысли России в области внешней политики и создать эклектическую основу теории евразийства. [Анджак, 2020; Ялчынкая, 2010]. А. Дугина именуют советником

В.В. Путина¹, «мозгом Путина»² и т.д. Именно неоевразийство А. Дугина характеризуется как экспансионистская идеология, отходящая от принципов классического евразийства, в рамках которой единственной суверенной державой в Евразии выступает Россия [*Сербест*, 2017]. А так как евразийство в турецкой среде в первую очередь ассоциируется с Дугиным, то и в целом политика России на евразийском пространстве воспринимается в рамках данной «экспансионистской» идеологии.

Помимо прочего, А. Дугин тесно связан с партией «Ватан» во главе с Д. Перинчекем, взаимодействовал с левыми ненационалистическими и пророссийскими группами в Турции, а также с некоторыми исламскими группами³. Активное участие в конференциях, интервью обусловили известность А. Дугина в турецком обществе, что способствовало закреплению за ним звания главного идеолога евразийства в современной России. При этом турецкие исследователи при анализе работ Дугина особо обращают внимание на то, что в своих ранних работах он представлял Турцию в негативном ключе, а перемены в дискурсе российского философа по отношению к Анкаре не вселяют доверия у некоторых экспертов, считающих подобные изменения обусловленными лишь конъюнктурой мировой политики и содержанием российско-турецких отношений [*Курт*, 2019].

Неоевразийство воспринимается как геополитическая мысль, в основе которой лежит антизападничество и стремление к восстановлению великой России. При этом выделяются два направления в рамках неоевразийства: умеренное и радикальное. Так, умеренные неоевразийцы привержены демократическим ценностям и развитию отношений с западным миром. В рамках радикального неоевразийства выделяются еще два течения: модернизистское – умеренное распространение влияния на постсоветском пространстве; экспансионистское – быстрое и широко-масштабное распространение влияния в том числе за пределами постсоветской географии [*Кая*, 2013]. Подобные противоречия создают проблемы для внешнеполитического курса страны и могут стать причиной ее нестабильности.

Несмотря на то, что большинство научных трудов турецких специалистов стремятся продемонстрировать имперскую и экспансионистскую сущность евразийства в России, изредка появляются и альтернативные мнения. Так, в статье Фонда исследований международных отношений (*TUIÇ*) отмечается «мессианский» характер российского евразийства. Стремление России доминировать в Евразии обусловлено не идеей возвращения статуса сверхдержавы, а желанием освобождения Азии и Европы от Запада и его негативного влияния на регион⁴.

1 Советник Путина Дугин рассказал закулисную историю сочинской встречи. Putin'in danışmanı Dugin, Soçi görüşmesinin perde arkasını anlattı // Memurlar.net. – 2021. – 04 Ekim. – Турец. яз. – URL: <https://www.memurlar.net/haber/993925/putin-in-danismani-dugin-soci-gorusmesinin-perde-arkasini-anlatti.html> (дата обращения: 18.12.2023).

2 «Мозг Путина» Дугин указал на Ближний Восток, сказав: «Апокалипсис грядет!» Будет великая война, Израиль рухнет. Putin'in beyni' Dugin 'kiyamet şimdi kopacak' diyerek Orta Doğu'yu işaret etti! Büyük savaş gelecek, İsrail çökecek // Türkiye. – 2023. – Турец. яз. – URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/dunya/putinin-beyni-dugin-kiyamet-simdi-kopacak-diyerek-orta-dogu-1011349> (дата обращения: 18.12.2023).

3 Conman or Madman: Curious Case of Alexander Dugin, unsolved riddle on his daughter's killing // Middle East transparent. – 2022. – September 12. – URL: <https://middleeasttransparent.com/conman-or-madman-curious-case-of-alexander-dugin-unsolved-riddle-on-his-daughters-killing/> (дата обращения: 18.12.2023).

4 «Евразийство» в российской национальной идентичности и политике. Rus Milli Kimliğinde ve Siyasetinde «Avrasyacılık» // TUIÇ Akademi. – 2021. – 24 Mart. – Турец. яз. – URL: <https://www.tuicakademi.org/rus-milli-kimliginde-ve-siyasetinde-avrasyacilik/> (дата обращения: 10.01.2023).

В данной же статье отмечается, что евразийство стало частью национальной идентичности России. Обусловлено это тем, что данная политическая мысль объединила российский народ без разделения на этносы и представила возможность формирования общей национальной идентичности. Имперское прошлое играет большую роль для России, а статус сверхдержавы – естественный образ страны для ее жителей⁵.

Анализ трудов турецких специалистов и научно-исследовательских центров демонстрирует, что турецкие исследователи не до конца определили для себя, что такое российское евразийство. Практически в каждой статье анализируются труды А. Дугина, изредка Л. Гумилева (например, [Сербест, 2017]), что безусловно не дает полного представления о развитии евразийской мысли в России. Очевидна попытка представить российскую политику в Евразии экспансионистской, имперской и т.д., то есть создается негативный образ российского евразийства и евразийской политики России, особенно в тех регионах, где Турция претендует на лидерство. Таким образом, создается противопоставление деятельности Москвы и Анкары в регионе, где политика Анкары очевидно направлена на всеобщее развитие, справедливость, стабилизацию региона, что стало важным элементом внешнеполитического дискурса страны [Аватков, Гузаеров, 2022].

Развитие турецкого евразийства

В турецком политическом дискурсе характеристика Турции в качестве евразийской державы использовалась крайне редко, что было в первую оче-

редь связано с тем, что Анкара проводила прозападную политику. Это привело к тому, что Турция привила себе западноевропейскую идентичность и игнорировала свою восточную идентичность. Однако распад Советского Союза и открытие новой географии для внешнеполитической деятельности, которая была недоступна ранее для Анкары, привели к пересмотру ею своего места и роли как на международной арене, так и в Евразии. Также Анкара была обеспокоена тем, как партнеры по НАТО и Запад в целом воспримут важность Турции в их стратегии, что потребовало от турецких властей обратить внимание на новые регионы [Erşen, 2022].

Евразийская мысль пришла в Турцию из России. Рост популярности данного течения был обусловлен развитием российско-турецких отношений и политическими и интеллектуальными преобразованиями в Турции, которая, по сути, оказалась в ряду «отвергнутых маргиналов Евро-Атлантики» [Межуев, 2019] и которой была необходима новая идеологическая основа внешней политики после неудач в развитии отношений с ЕС.

Большой вклад в распространение идей евразийства в Турции внес Д. Перинчек, в том числе благодаря личным контактам с А. Дугиным. Благодаря его активной деятельности высказывания в духе евразийства начали звучать из уст различных политиков. Так, в 2003 г. Генеральный секретарь СНБ Турции Т. Кылынч заявил о необходимости для страны развивать отношения с Россией и Ираном, «перестав стремиться в ЕС, куда их никогда не примут»⁶.

В Турции важность высказывания Т. Кылынча связывают с ростом про-

5 Ibid.

6 Турции следует искать союз с Россией и Ираном. Türkiye, Rusya ve İran'la ittifak arayışında olmalı // Sabah. – 2002. – 8 Şubat. – Турец. яз. – URL: <https://arsiv.sabah.com.tr/2002/03/08/p01.html> (дата обращения: 19.12.2023).

российской группы в вооруженных силах страны. Публикация мюнхенской речи В.В. Путина на официальном сайте Вооруженных сил Турции⁷ стало свидетельством того, что части турецких военных импонировали дискурс и идеи российского президента о многополярном миропорядке, развитии евразийских институтов и т.д. В результате после ареста ряда высокопоставленных военных, участников организации *Ergenekon* (где в рамках разбирательства книги А. Дугина были представлены как одно из доказательств наличия планов смены режима⁸), начали говорить о возможном конце идеям евразийства в турецком политическом дискурсе⁹.

Из-за того, что евразийская мысль пришла в Турцию из России, возникли определенные проблемы с ее интерпретацией в рамках турецкой научной и политической мысли. Так, евразийство начало трактоваться исходя из политических предпочтений человека. П. Шлыков отмечает, что ультралевые националисты (Д. Перинчек) близки к идеям объединения с российскими неоевразийцами и создания антизападного блока. Правые националисты придерживаются антироссийской версии евразийства, тесно связанного с тюркским национализмом и направленного на увеличение влияния Анкары на регионы Кавказа и Средней Азии [Шлыков, 2017]. Так, Д. Бахчели, лидер пантюркистской Партии националистического движения, и вовсе характеризовал евразийство как «еврос-

сийство» (*Avrusyacılık*) – новую форму российского империализма¹⁰.

В рамках неоосманской логики евразийство представляется как уход от традиционной внешней политики Турции, несмотря на географическую схожесть двух идеологических течений¹¹. С этой точки зрения неоосманизм может принести развитие на постосманские территории, а евразийская мечта Турции так и останется в тени России [Tüfekçi, 2015].

Турецкий исследователь О. Тюфекчи [Tüfekçi, 2015] выделяет три вида турецкого евразийства:

- *Националистическое евразийство*. В основе данного течения лежит мысль о том, что Турция должна стать лицом Востока и активнее развивать отношения с Ираном, Россией, Индией и другими странами. Однако ни с одной из стран отношения не должны доходить до уровня союза, кроме как с тюркскими государствами и Ираном (автор пишет, что для националистов Иран воспринимается как тюркская страна [Tüfekçi, 2015]; вероятнее всего, имеется в виду наличие большого количества тюрков, проживающих на территории Ирана). В данном случае евразийский союз выступает инструментом противостояния западному империализму. Роль России в рамках данного союза вторична. Для них Россия представляет угрозу, так как может противостоять складыванию союза во главе с Турцией ввиду своих амбициозных целей, противоречащих интересам Анкары. По сути, речь идет

7 Турецкий эксперт: «Если бы мировая общественность прислушалась к предупреждениям Путина». Türk uzman: Dünya kamuoyu keşke Putin'in uyarılarını dikkate alsaydı // Kafkassam. – 2017. – 11 Şubat. – Турец. яз. – URL: <https://kafkassam.com/turk-uzman-dunya-kamuoyu-keske-putinin-uyarilarini-dikkate-alsaydi.html> (дата обращения: 23.12.2023).

8 Турецких генералов изобличили трудами Дугина // Газета.ру. – 2013. – 5 августа. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2013/08/05_a_5540933.shtml (дата обращения: 06.01.2023).

9 Отношения между Турцией и Россией в контексте евразийства. Avrasyacılık Bağlamında Türkiye-Rusya İlişkileri // Perspektif. – Турец. яз. – URL: <https://www.perspektifonline.com/avrasyacilik-baglaminda-turkiye-rusya-iliskileri/> (дата обращения: 06.01.2023).

10 Ibid.

11 Kinikloğlu S. «Neo-Ottoman» Turkey? // Project Syndicate. – 2009. – December 3. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/-neo-ottoman-turkey?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 18.12.2023).

о создании тюркского/турецкого союза, о чем мы пишем в статье чуть ниже.

- *Мультикультуралистское евразийство*. Основная цель сторонников данного течения – объединение всех людей Евразии созданием обширного союза Турции, России, Ирана, Индии и других стран как альтернативы Западу. Данное евразийство видится способом создания многополярной системы, где полюсами стали бы Атлантика и Евразия. При этом любое государство в мире, кроме, конечно, США, может стать членом данного союза.

- *Западное евразийство*. Представители данного течения выступают за равное развитие отношений как со странами западного мира, так и с государствами Евразии. Данные направления не могут быть разделены, и Анкара должна соблюдать баланс между ними, не отдавая кому-то из них предпочтение. По сути, данное течение представляет из себя многовекторную политику.

Также выделяется *исламистское евразийство*, которое представляет собой синтез неосманских и исламистских идеологий. Главной особенностью этого течения является то, что в ней религиозная идентичность ставится выше этнической. В рамках данного направления происходит синтез османской истории страны и глобальной роли современной Турции при руководстве Р.Т. Эрдогана. Моральным долгом Анкары, согласно сторонникам этого течения, является защита мусульман во всем мире. Для выполнения данной роли стране необходимо стремиться к сотрудничеству со странами-единомышленниками, такими как Россия, Иран и т. д. [Kınkoğlu, 2022].

На современном этапе можно утверждать, что превалирующим направлением евразийства в Турции является националистическое евразийство. Так как евразийская мысль пришла в Турцию из России, у турок отсутствует

теоретическая база для формирования собственной евразийской мысли, что приводит к ее слиянию с различными идеологическими концептами. Идеи пантюркизма, в свою очередь, имеют, наоборот, большую историю развития, школу в Турции. Поэтому происходит подмена понятий, что обусловлено также совпадением географий развития данных идеологем.

Под Евразией в современной Турции понимаются Кавказ и Средняя Азия [Теллал, 2005]. Современное турецкое евразийство для многих обывателей заключено в рамки «тюркского мира». Провал политики вступления в Европейский союз и ухудшение отношений с западными странами, сложности проведения политики в рамках региональных кризисов и другие факторы обусловили жизненную необходимость развития нового вектора внешней политики, которая пришлось на Евразию в узком турецком видении, включающую в себя Постсоветский Восток или, по выражению турецкого исследователя, российскую Евразию. Евразийство видится как путь к независимой и рациональной политике, не привязанной к США и ЕС, что соответствует национальным интересам страны [Ozgoкер, Мерм, 2021].

Развал Советского Союза и образование шести новых тюркских государств были позитивно восприняты в турецкой политической среде [Япыджы, 2015]. С одной стороны, Анкара могла стать примером развития для новых государств. Этническая, религиозная и языковая близость государств давали определенные преимущества для Турции в развитии политики в данной географии. Можно предположить, что именно этот всплеск романтизма пантюркизма обусловил узкое восприятие Евразии в турецкой политической мысли. С другой стороны, Анкара могла вернуть свою

Таблица 1. Сравнение основных течений турецкого евразийства
Table 1. Comparison of the main trends of Turkish Eurasianism

	Националистическое евразийство	Мультикультуралистское евразийство	Западное евразийство	Исламистское евразийство
Представители	А. Кулеби (глава <i>TUSAM</i>), Н.К. Зейбек (экс-министр), А. Чечен (профессор)	А. Ильха (поэт), Д. Перинчек (глава Партии Родины), М. Перинчек	Э. Темел (профессор), С. Туглу (экс-министр), А. Сувер (председатель фонда «группы Мармара»), Х. Фидан (глава МИД Турции)	А. Давутоглу (экс-министр), Ф. Алтун (глава отдела СМИ и коммуникаций при президенте Турции), Ф. Эрбакан (глава партии)
Основная цель	поворот Турции на Восток, создание союзного блока с тюркскими государствами	создание альтернативы Западу, союз с евразийскими государствами, образование двух полюсов: Атлантика vs Евразия	развитие многовекторной политики, где Западу будет уделяться больше внимания	защита мусульман в мире, Турция – лидер исламского мира
Идейные течения	антиимпериализм, пантюркизм, панисламизм, пантуранизм, неоосманизм	мультикультурализм, панъевразийство, антиимпериализм, антизападничество	многовекторность, прозападность, протурецкость	панисламизм, неоосманизм
Главные государства для Турции в рамках Евразии	тюркские государства, западно-азиатский союз (Азербайджан, Иран, Сирия)	Россия, Иран, Индия, Китай	западные государства	исламский мир
Роль России	вторична, Россия как угроза для лидерства Турции в Евразии	Россия – важная часть большого союза	должны быть усилены отношения с Россией, как и с США и ЕС	контакты с Россией повышают международный статус Турции
Границы Евразии	«тюркский мир»	Евразийский континент без западных стран	Евразийский континент	исламский мир

значимость для западных партнеров, став проводником их интересов в регионе.

Тюркский вектор внешней политики представляет собой важное направление для Турции. С трансформацией Организации тюркских государств Анкара стремится продвигать интеграцию на тюркском пространстве. Главная цель в рамках данного процесса – это формирование «тюркского мира», где во главе будет стоять Турция. Для этого создаются различные организации,

которые должны способствовать универсализации всех сфер общественной жизни в тюркских странах на основе турецкого примера [Аватков, Сбитнева, 2022]. При этом Турция активно использует различные подходы к конструированию подобной системы [Аватков, Гузаеров, 2023].

Важно понимать, что в рамках националистического дискурса определение «тюркский мир» зачастую не ограничивается 6 независимыми тюркскими государствами (турецкие эксперты

пишут о 7 государствах, включая туда еще непризнанную Турецкую Республику Северного Кипра). В широком плане география «тюркского мира» расширяется от Балкан до Тихого океана, от Тибета до Северного Ледовитого океана, включая территории компактного проживания тюркских народов в составе других государств, например, Татарстан, Тыву, Гагаузию и др. [Топал, Сезер, 2016].

Также существует иной подход к определению «тюркского мира». Представители данного подхода большое внимание уделяют моральным элементам данного понятия, утверждая, что «тюркским миром» считается любое место, где проживают тюрки. В данном случае националисты активно применяют концепт «география сердца», который активно используется турецкими властями в контексте поддержки Турцией мусульман во всем мире [Цибенко, 2022].

Важность Турции и тюркских государств в рамках турецкого евразийства обусловлена структурными изменениями, которые произошли в Евразии с развалом Советского Союза. Тюркские государства Южного Кавказа и Средней Азии стали самостоятельными акторами в евразийской геополитике. Турция в данном контексте обрела возможность наладить взаимоотношения с данными странами и распространить на них турецкую модель развития. При этом относительная безуспешность данной политики признается и турецкими исследователями [Эрол, 2018]. Развитие евразийских институтов по типу Шанхайской организации сотрудничества, программы «Один пояс – один путь» дает тюркским государствам преимущества в виде возможности увеличения собственного веса в рамках Евразии и влияния на процессы в нем [Эрол, 2018].

Более того, выдвигаются идеи и о создании Панъевразии под лидерством Турции. Возможности подобного проекта исходят из мыслей турецких исследователей о том, что к 2050 г. Турция станет самой большой экономикой Европы с растущим населением. Россия, в свою очередь, будет переживать не лучшие времена из-за продолжения противостояния с западным миром, утраты привлекательности для транзита, снижения доли русского населения и роста тюркского в демографии страны [Озкан, Атай, 2022].

Турецкое евразийство, лишенное основных концепций и принципов, не смогло сформироваться в виде адекватной идеологии или концепта в рамках внешней политики страны. Различные группы начали использовать евразийскую мысль как антизападную систему мышления – в виде реакции на стремительные перемены в системе международных отношений. При этом, критикуя евразийскую мысль, Р. Йылмаз пишет, что последователи евразийства так и не смогли выйти за рамки националистического дискурса, или «структур российской гегемонии». Не произошло развития новых идей евразийства в части географии, философии, видения социально-экономической и политической систем и т.д. [Йылмаз, 2012].

Заключение

Евразийская мысль, которая пришла в Турцию в 1990-е годы, привлекла внимание экспертной среды как новое идеологическое течение, которое могло бы стать основой внешней политики страны. Однако развитие евразийства в Турции пошло совершенно в ином ключе, нежели в России.

Главной особенностью изучения российского евразийства стало то, что турецкие специалисты в основной

массе начали рассматривать данное явление сквозь призму «неоимперской, наступательной и экспансионистской» политики России, которая направлена не просто на лидерство страны в Евразии, но и на недопущение других государств к формированию альтернативной политики в регионе.

При этом евразийство рассматривается как исторически обусловленное для России идеологическое течение, которое долгое время стремится противопоставить себя западному миру через контроль Евразии. Развитие данной тенденции в современной России безусловно связывают с В.В. Путиным, который перешел к укреплению суверенитета страны и ее влияния в ближнем зарубежье.

Также главную ассоциацию с российским евразийством вызывает А. Дугин, на анализе работ которого основываются публикации турецких специалистов по евразийству. Подобный акцент исключительно на одном авторе создает неправильное представление в целом о современном евразийстве в России и евразийской политике страны, формируя тот самый образ «империалистского» отношения к региону.

Евразийская же мысль в самой Турции приняла довольно причудливые формы. Турки начали закладывать в евразийство собственные смыслы и видение региона на основе уже существующих и развитых идеологием. Отсутствие какой-либо собственной теоретической базы евразийства привело к тому, что оно в большей части начало сливаться с пантюркистской мыслью. По сути, евразийство в Турции стало трансформироваться под влиянием внутренних нарративов.

Интересно то, что за счет таких изменений в турецком евразийстве не осталось места России, если и осталось, то в негативной коннотации. Рос-

сия становится северной державой, соперничающей с Турцией за географию расселения тюркских народов. Конечно, есть представители евразийского течения, активно выступающие за формирование тесных отношений с Москвой. Однако их вес в политической системе страны несравним с влиянием националистов.

Таким образом, рассмотрение Евразии и ассоциация его с «тюркским миром» обусловили концентрацию данной политической мысли на националистических идеях. Турецкие евразийцы не смогли выйти за рамки националистического дискурса и сформировать новые идеи и положения, которые могли стать основой новой евразийской политики Турции. Вместо этого наблюдается явное доминирование пантюркизма как основы политики страны по отношению к Постсоветскому Востоку, представляющему для турок основу Евразии.

Список литературы

Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Конструирование социальной реальности на тюркском пространстве. Этнолингвистический аспект // Свободная мысль. – 2023. – № 4. – С. 69–76.

Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. – 2023. – № 1. – С. 194–201. – DOI: 10.31857/S0201708323010163.

Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 291–302. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.

Межуев Б.В. Турция, Россия и Европа с позиции «цивилизационного реализма» // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 53–66. – DOI: 10.17976/jpps/2019.06.05.

Цибенко В.В. Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции // *Международная аналитика*. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 130–144. – DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144.

Шлык П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции. Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 58–76. – DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.

Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia*. – Ithaca : Cornell University Press, 2016. – 380 p.

Erşen E. Turkey and the Eurasian integration: ideology or pragmatism? // *Вестник РУДН. Международные отношения*. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 111–125. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-111-125.

Kınikoğlu S. *Eurasianism in Turkey*. – Berlin : Center for applied Turkey studies, 2022. – 29 p.

Tüfekçi O. Turkish eurasianism and its impact on Turkish foreign policy in the post-cold war Turkey. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. – Coventry : Centre for Trust, Peace and Social Relations Coventry University, 2015. – 252 p.

Акгюль Ф. Евразийство в России и Турции. Akgül F. *Rusya ve Türkiye’de avrasyacılık*. – Istanbul : IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2009. – 239 p. – Турец. яз.

Анджак О. Турция и Россия на Южном Кавказе в контексте неоевразийства. Ancak O. *Yeni avrasyacılık bağlamında Güney Kafkasya’da Türkiye ve Rusya* // *SBF Dergisi*. – 2020. – Vol. 75, N 3. – P. 1113–1144. – Турец. яз. – DOI: 10.33630/ausbf.700806.

Ишьяр О.Г. Евразия и евразийство. İşyar Ö.G. *Avrasya ve Avrasyacılık*. – Bursa : Dora yayınevi, 2018. – 367 p. – Турец. яз.

Йылмаз Р. О турецкой Евразии и евразийстве. Yılmaz R. *Türk Avrasyası ve Av-*

rasyacılığı üzerine... // *TASAM*. – 2012. – Турец. яз. – URL: https://tasam.org/Files/Icerik/File/turk_avrasyasi_ve_avrasyaciligi_uzerine_4c8cf535-6db9-4ab8-87a-b-6e00f2f1e8ce.pdf (дата обращения: 18.12.2023).

Йылмаз С. Неоевразийство и Россия. Yılmaz S. *Yeni Avrasyacılık ve Rusya* // *Sosyal ve beşeri bilimler araştırmaları dergisi*. – 2015. – N 34. – P. 111–120. – Турец. яз.

Кая С. Влияние евразийства на политику России в постсоветскую эпоху. Kaya S. *Sovyet Sonrası Dönem Rus Dış Politikasında Avrasyacılığın Etkisi* // *Avrasya ve Avrasyacılık* / ed. Ö.G. İşyar. – Bursa : Dora, 2013. – P. 145–173. – Турец. яз.

Коркмаз М. Взгляд на евразийскую стратегию через понятие Евразии и подходы евразийства. Korkmaz M. *Kavram olarak Avrasya ve avrasyacılık yaklaşımları ile Avrasya stratejisine bakış* // *Avrasya Beşeri Bilim Araştırmaları Dergisi*. – 2022. – Vol. 2, N 2. – P. 90–99. – Турец. яз. – DOI: 10.7596/abbad.31122022.005.

Курт С. Место Турции в евразийстве Дугина. Kurt S. *Dugin’in avrasyacılık anlayışında Türkiye’nin yeri* // *Güvenlik stratejileri dergisi*. – 2019. – N 15 (31). – P. 425–467. – Турец. яз.

Озгокер Дж.У., Мерт Э. Евразийство как способ решения основных проблем внешней политики Турции. Özgöker C.U., Mert E. *Türk dış politikasındaki başlıca sorunlara bir çözüm yolu olarak Avrasyacılık* // *Meriç uluslararası sosyal ve stratejik araştırmalar dergisi*. – 2021. – Vol. 5, N 12. – P. 1–14. – Турец. яз.

Озкан Ч., Атай А.Г. Турецкая панъевразийская теория. Özkan Ç., Atay A.G. *Türk Panavrasya kuramı* // *Avrasya Dosyası Dergisi*. – 2022. – Vol. 13, N 1. – P. 45–68. – Турец. яз.

Сербест Б. Российское евразийство в историческом процессе: от классического евразийства к неоевразийству. Serbest B. *Tarihsel süreçte rus avrasyacılığı: klasik avrasyacılıktan Neo-avrasyacılığa* // *MANAS*

Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2017. – Vol. 6, N 3. – P. 285–307. – Турец. яз.

Татлы А. Течение евразийства, влияющее на внешнюю политику России, и его отражение во внешней политике в эпоху Путина. Tatlı A. Rus dış politikasına etki eden Avrasyacılık akımı ve bu akımın Putin dönemi rus dış politikasına yansımaları // Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2023. – N 65. – P. 317–335. – Турец. яз. – DOI: 10.29228/SOBI-DER.71346.

Таштан Я.К. От национального государства к имперскому видению: поиски идентичности в России. Taştan Y.K. Ulusal ülkeden emperyal vızyona: Rusya'da kimlik arayışları // Türk dünyası incelemeleri dergisi. – 2012. – Vol. 12, N 1. – P. 69–134. – Турец. яз.

Теллал Э. Евразийский выбор во внешней политике Турции. Tellal E. Türk dış politikasında Avrasya seçeneği // Uluslararası ilişkiler. – 2005. – Vol. 2, N. 5. – P. 49–79. – Турец. яз.

Топал Э., Сезер А. Определение уровня осведомленности студентов университета о географии тюркского мира. Topal E., Sezer A. Üniversite öğrencilerinin Türk Dünyası coğrafyasına ilişkin farkındalık düzeylerinin belirlenmesi

// Marmara Coğrafya Dergisi. – 2016. – N 33. – P. 96–113. – Турец. яз. – DOI: 10.14781/mcd.08328.

Хекимоглу А.Н. Внешняя политика России I: США, ЕС, Китай, Индия, Средняя Азия. Hekimoğlu A.N. Rusya'nın Dış Politikası I: ABD, AB, Çin, Hindistan, Orta Asya. – Ankara : Vadi Yayınları, 2007. – 311 p. – Турец. яз.

Эрол С. Тюркский мир и Турция в контексте меняющейся геополитики Евразии: какое будущее? Erol S. Avrasya'nın Değişen Jeopolitiğinde Türk Dünyası ve Türkiye: Nasıl Bir Gelecek? // TESAM III. Uluslararası Sosyal Bilimler Kongresi (11–12 Ekim 2018). – 2018. – P. 323–339. – Турец. яз.

Ялчынкая А. Независимые тюркские государства и новые евразийские рекомендации Дугина. Yalçınkaya A. Bağımsız Türk Cumhuriyetleri ve Dugin'in Yeni Avrasyacılık Önerileri // Orta Asya ve Kafkasya Rekabetten İşbirliğine. – Bursa : Marmara Kitap Merkezi Yayınları, 2010. – P. 263–294. – Турец. яз.

Япыджы У. Политика Турции на Южном Кавказе (1989–1993). Yarıcı U. Türkiye'nin Güney Kafkasya politikası (1989–1993) // Alternatif politika. – 2015. – Vol. 3, N 3. – P. 425–456. – Турец. яз.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.02

Eurasianism in Turkey: A Look at Russia and the Formation of Its Own Paradigm

Vladimir A. AVATKOV

Dr. Sc. (Political Sciences), Head of the Department of Middle and Post-Soviet East
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: v.avatkov@gmail.ru

ORCID: 0000-0002-6345-3782

Razil I. GUZAEROV

Junior Researcher, Department of Middle and Post-Soviet East
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: guzaerov99@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0006-9975

CITATION: Avatkov V.A., Guzaerov R.I. (2024). Eurasianism in Turkey: A Look at Russia and the Formation of Its Own Paradigm. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 20–34 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.02

Received: 21.05.2024.

Revised: 03.07.2024.

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the development of the Eurasian thought in Turkey. The analysis of the works of Turkish specialists devoted to Russian Eurasianism shows that they pay special attention to a number of points. Firstly, they indicate the naturalness of such an ideological thought for Russia, which seeks to become the leading state of Eurasia and oppose itself to Western countries. Secondly, the great role of V.V. Putin's coming to power, under whose leadership the country began to transform its foreign policy, devoting more and more time to the post-Soviet space, is noted. A distinctive feature of Turkish researchers' analysis of Russian Eurasianism was an attempt to present it in a*

negative way. There is a tendency to present Russia's Eurasian policy as "neo-imperial", seeking to take control of this geography. The problem of misunderstanding Eurasianism by Turkish researchers and incorrect interpretation of Russia's actions and messages in relation to Eurasia is obvious. The development of Eurasian thought in Turkey itself is due to a narrow understanding of Eurasia within the framework of the Caucasus and Central Asia. A number of currents of Eurasianism were formed, including nationalist, multiculturalist and Western Eurasianism. The nationalist understanding of Eurasianism has become prevalent in Turkish scientific discourse. As a result, Eurasianism began to be associated with

pan-Turkism and Turkey's policy towards Turkic states and peoples. Turkish researchers emphasize the importance of the Turkic states within Eurasia and their key role in this geography, which can be the basis for increasing their role in this region. This circumstance determines Turkey's more active policy in the "Turkic world" in order to gain regional leadership in it. Turkish Eurasianism, devoid of basic concepts and principles, could not form into an adequate ideology or country within the framework of the country's foreign policy.

KEYWORDS: Turkey, Eurasianism, Eurasia, pan-Turkism, Turkic states, ideology, nationalism.

References

- Akgül F. (2009). *Eurasianism in Russia and Turkey*. Istanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 239 pp. (in Turkish).
- Ancak O. (2020). Turkey and Russia in the South Caucasus in the context of Neo-Eurasianism. *SBF Dergisi*. No. 3 (75), pp. 1113–1144 (in Turkish). DOI: 10.33630/ausbf.700806.
- Avatkov V.A., Guzaerov R.I. (2023). "The world is more than five", or Turkish Justice. *Sovremennaya Evropa*. No. 1, pp. 194–201 (in Russian). DOI: 10.31857/S0201708323010163.
- Avatkov V.A., Guzaerov R.I. (2023). The construction of social reality in the Turkic area. The ethnolinguistic aspect. *Svobodnaya mysl*. No. 4, pp. 69–76 (in Russian).
- Avatkov V.A., Sbitneva A.I. (2022). New Nationalism of Turkish Republic. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 24, no. 2, pp. 291–302 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.
- Bassin M. (2016). *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 380 pp.
- Erol S. (2018). The Turkic world and Turkey in the context of the changing geopolitics of Eurasia. *TESAM III. Uluslararası Sosyal Bilimler Kongresi (11-12 Ekim 2018)*. Pp. 323–339 (in Turkish).
- Erşen E. (2022). Turkey and the Eurasian integration: ideology or pragmatism? // *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 22, no. 1, pp. 111–125. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-111-125.
- Hekimoğlu A.N. (2007). *Foreign Policy of Russia I: USA, EU, China, India, Central Asia*. Ankara: Vadi Yayınları, 311 pp. (in Turkish).
- İşyar Ö.G. (2018). *Eurasia and Eurasianism*. Bursa: Dora yayınevi, 367 pp. (in Turkish).
- Kaya S. (2013). The influence of Eurasianism on Russian politics in the post-Soviet era. In: İşyar Ö.G. (ed.). *Eurasia and Eurasianism*. Bursa: Dora, pp. 145–173 (in Turkish).
- Kınikoğlu S. (2022). *Eurasianism in Turkey*. Berlin: Center for applied Turkey studies, 29 pp.
- Korkmaz M. (2022). A look at the Eurasian strategy through the concept of Eurasia and the approaches of Eurasianism. *Avrasya Beşeri Bilim Araştırmaları Dergisi*. Vol. 2, no. 2, pp. 90–99 (in Turkish). DOI: 10.7596/abbad.31122022.005.
- Kurt S. (2019). Turkey's place in the Eurasianism of Dugin. *Güvenlik stratejileri dergisi*. No. 15 (31), pp. 425–467 (in Turkish).
- Mezhuyev B.V. (2019). Turkey, Russia and Europe from the position of "civilizational realism". *Polis (Russian Federation)*. No. 6, pp. 53–66 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.06.05.
- Özgöker C.U., Mert E. (2021). Eurasianism as a way to solve the main problems of Turkey's foreign policy. *Meriç uluslararası sosyal ve stratejik araştırmalar dergisi*. Vol. 5, no. 12, pp. 1–14 (in Turkish).
- Özkan Ç., Atay A.G. (2022). Turkish Pan-Eurasian theory. *Avrasya Dosyası Dergisi*. Vol. 13, no. 1, pp. 45–68 (in Turkish).

Serbest B. (2017). Russian Eurasianism in the historical process: from classical Eurasianism to Neo-Eurasianism. *MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi*, Vol. 6, no. 3, pp. 285–307 (in Turkish).

Shlykov P.V. (2017). Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideologies and Practice of Turkey. *Comparative Politics Russia*. No. 1, pp. 58–76 (in Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.

Taştan Y.K. (2012). From the National State to the Imperial Vision: the Search for Identity in Russia. *Türk dünyası incelemeleri dergisi*. Vol. 12, no. 1, pp. 69–134 (in Turkish).

Tatlı A. (2023). The current of Eurasianism influencing Russia's foreign policy and its reflection in foreign policy in the Putin era. *Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi*. No. 65, pp. 317–335 (in Turkish). DOI: 10.29228/SOBIDER.71346.

Tellal E. (2005). Eurasian choice in Turkey's foreign policy. Tellal E. Türk dış politikasında Avrasya seçeneği. *Uluslararası ilişkiler*. Vol. 5, no. 2, pp. 49–79 (in Turkish).

Topal E., Sezer A. (2016). Determining the level of awareness of university students about the geography of the Turkic world. *Marmara Coğrafya Dergisi*. No. 33, pp. 96–113 (in Turkish). DOI: 10.14781/mcd.08328.

Tsibenko V.V. (2022). Constructing an Ideological Discourse of Imaginative Geography in Turkey. *Journal of International Analytics*. Vol. 13, no. 3, pp. 130–144 (in Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144.

Tüfekçi O. (2015). Turkish eurasianism and its impact on Turkish foreign policy in the post-cold war Turkey. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. Coventry: Centre for Trust, Peace and Social Relations Coventry University, 252 pp.

Yalçınkaya A. (2010). Independent Turkic States and Dugin's new Eurasian recommendations. Bursa: Marmara Kitap Merkezi Yayınları, pp. 263–294 (in Turkish).

Yapıcı U. (2015). Turkey's policy in the South Caucasus (1989–1993). *Alternatif politika*. Vol. 3, no. 3, pp. 425–456 (in Turkish).

Yılmaz R. (2012). About Turkish Eurasia and Eurasianism. Yılmaz R. Türk Avrasyası ve Avrasyacılığı üzerine... *TASAM* (in Turkish). Available at: https://tasam.org/Files/Icerik/File/turk_avrasyasi_ve_avrasyaciligi_uzerine_4c8cf535-6db9-4ab8-87ab-6e00f2f1e8ce.pdf, accessed 18.12.2023.

Yılmaz S. (2015). Neo-Eurasianism and Russia. *Sosyal ve beşeri bilimler araştırmaları dergisi*. No. 34, pp. 111–120 (in Turkish).

УДК 323.1(517.3)

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.03

Графическая основа монгольского мира: языковая политика и современное положение монгольского вертикального письма

Динара Дмитриевна ТРЕГУБОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ddtregubova@inion.ru

ORCID: 0000-0001-6989-4071

ЦИТИРОВАНИЕ: Трегубова Д.Д. Графическая основа монгольского мира: языковая политика и современное положение монгольского вертикального письма // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2024. Т. 17. № 4. с. 35–49.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.03

Статья поступила в редакцию 12.09.2024.

Исправленный текст представлен 15.10.2024.

АННОТАЦИЯ. *Статья представляет собой краткий экскурс в историю монгольского вертикального письма (монгол бичиг, или монгольской уйгурицы – уйгурского алфавита, приспособленного к монгольскому языку в XIII в.), пережившего ряд попыток реформирования и адаптации к разговорным языкам народов разных эпох, но сохранившегося до наших дней в качестве актуального средства общения, универсального способа коммуникации между монгольскими народами и элемента национальной культуры. Затрагиваются процессы перевода языков монгольских народов на латинский алфавит и кириллицу, происходившие в 1920–1940-е годы в СССР и Монгольской Народной Республике (МНР), а также проблемы реставрации традиционной вертикальной письменности как официальной*

графической основы и ее возрождения в искусстве каллиграфии, популярность которого в последние годы резко возросла. Обзор современных языковых ситуаций в основных регионах распространения традиционной монгольской письменности – России, Монголии, Внутренней Монголии Китая – показывает, что древняя письменная традиция не угасла и, адаптируясь к различным условиям и реалиям языковой политики, проводящейся в интересах государств, успешно обретает новые формы, оказывая положительное влияние на сохранение и развитие национальных языков сегодня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *языковая политика, монгольское вертикальное письмо, уйгурица, монгол бичиг, каллиграфия.*

Введение

Более десяти разновидностей письменности использовали монголы за свою многовековую историю. Об этом пишет автор первого комплексного исследования по истории письменности монгольских народов на протяжении 2000 лет Лувсанжавын Чулуунбаатар [Чулуунбаатар, 2000, с. 3], упоминают исследователь бурятских летописных текстов доктор филологических наук Л.Б. Бадмаева и другие авторы [Бадмаева, 2010, с. 202; Бадмаева, 2012, с. 115; Дырхеева, Гомборджийн, 2019, с. 99; Зэгиймаа, Зээнъямбуу, 2011, с. 263–264]. При этом в Монголии национальному монгольскому письму почти всегда удавалось сохранять официальный статус [Бикмаева, 2023, с. 396].

Пережив значительное количество попыток реформирования, письмо сохранилось до наших дней и служит актуальной формой общения между представителями различных монгольских народов, являясь символом единства монгольского мира, но занимая различное положение в России, Монголии и Внутренней Монголии КНР.

История

Истоки буквенной вертикальной письменности худам, или уйгурджин, как ее называют сами монголы, возможно, восходят к периоду расцвета государства жужаней (V в. н. э.). В ее основе лежит согдийский алфавит сирийского происхождения. Письмо использовалось в период Тюркского каганата, затем стало официальным письмом Уйгурского ханства и было значительно усовершенствовано уйгурами, от которых было заимствовано монгольскими племенами и в XIII в. в качестве официальной государственной письменности распространилось в империи Чингисхана

[Чулуунбаатар, 2000, с. 11–13]. Среди ученых-монголоведов до настоящего времени нет единства по вопросам о точном времени происхождения монгольской уйгурицы, о ее диалектной базе и о племени, заимствовавшем письменность от древних уйгуров. Краткая историография вопроса изложена в статье Л.Б. Бадмаевой [Бадмаева, 2012, с. 115].

К 1237 г. относится введение экзамена по письменности, по итогам которого для государственной службы было отобрано 4030 наиболее грамотных человек. Тогда же была создана филологическая академия, одной из функций которой стало летописание [Чулуунбаатар, 2000, с. 14].

При родоначальнике династии Юань, внуке Чингисхана Хубилае на основе тибетского алфавита духовным наставником хана и государственным наставником империи Пагба-ламой, главой школы буддистов Сакья было разработано квадратное письмо (дөрвөлжин бичиг). Целью его создания стало объединение разных народов увеличивающейся в размерах полиэтничной империи (изначально – налаживание коммуникации между монголами и многонациональным, в первую очередь китайским, аппаратом чиновников). Письмо было утверждено в качестве государственной письменности императорским указом 1269 г. [Бадагаров, 2016, с. 176]. Оно также может считаться одной из разновидностей монгольской письменности, поскольку отражает характерные для нее особенности словообразования и правописания [Чулуунбаатар, 2000, с. 15]. Направление письма также вертикальное, слева направо.

Несмотря на все усилия властей по распространению квадратного письма, оно «проиграло» более простой и полифонной уйгурице и через 100 лет вышло из употребления.

К 1587 г. относится создание транскрипционного алфавита («Али-гали»), усовершенствованного в XIX в. С его помощью стала возможна точная передача иноязычных фонем и слов, наиболее актуальной для того времени была передача тибетских и индийских букв, что сделало возможным ведение научных записей.

В 1599 г. на основе монгол бичиг возникло маньчжурское письмо, официально использовавшееся для записи различных диалектов маньчжурского языка вплоть до падения династии Цин в результате Синьхайской революции 1911 г. Официально считается, что в настоящее время в результате языковой ассимиляции необходимость в письменном маньчжурском языке отпала, при этом в научных целях письмо активно изучается в Китае и Монголии, до сих пор используется представителями ряда этнографических групп в трех северо-восточных провинциях КНР.

В 1648 г. свою версию усовершенствования монгольской уйгурицы предложил ойратский лингвист, представитель школы буддизма Гелуг Зая-Пандита Намхай Жамцо – переводчик, поэт, просветитель, выдающийся политический деятель Центральной Азии. Так появилось «ясное письмо» («тодо бичиг»), применяемое в дипломатической переписке и делопроизводстве княжеств западных монголов и приближенное к их разговорной речи. По замыслу Зая-Пандиты, созданное специально для «четырех ойратов» письмо предназначалось для всех монгольских племен, то есть претендовало на роль новой (или, скорее, обновленной – Д. Т.) общемонгольской письменности. Возникновение ойратской письменности не заменило монгольскую

письменность даже на территориях Западной Монголии, однако стало базой для дальнейших попыток усовершенствования общемонгольского письменного языка [Чулуунбаатар, 2000, с. 21].

В настоящее время тодо бичиг в повседневной жизни используют синьцзян-уйгурские ойраты Внутренней Монголии КНР; это немногочисленная группа носителей непрерывной письменной традиции использования «ясного письма»¹. До 1924 г. оно использовалось калмыками и сегодня активно возрождается. Тодо бичиг можно назвать наиболее успешным проектом адаптации вертикального монгольского письма к одному из разговорных языков монгольских народов.

В 1686 г., в период интенсивной работы по переводу буддийских канонических сочинений на монгольский язык, высшим иерархом буддийской церкви Северной Монголии Ундур-гэгэном Дзанабазаром была изобретена письменность соёмбо. Создатель письма стремился к точному отображению звукового строя языка, к уходу от омографии старомонгольского письма, к корректной передаче буддийских текстов на санскрите и тибетском. Появление новой письменности должно было способствовать утверждению независимости монгольского государства от маньчжуров и распространению буддизма в Монголии. Возможно, немного раньше появилось также созданное Дзанабазаром горизонтальное квадратное письмо, которое имеет много общих черт с письменностью соёмбо и сильно отличается от квадратного письма эпохи Юань [Цендина, 2014, с. 114–116]. Дошедших до нас сочинений на письменности соёмбо и горизонтальном квадратном письме совсем немного, и на функциональную замену

1 С осени 2023 г. обучение во Внутренней Монголии КНР ведется на китайском. См. ниже.

монгольского вертикального письма они не претендовали.

В начале XX в. (1905 г.) очередная попытка реформирования монгольского вертикального письма была предпринята ламой (Цаннид-хамбо лхарамбой) Агваном Доржиевым, буддийским ученым, дипломатом, просветителем, религиозным, государственным и общественным деятелем России, Монголии и Тибета. Новый алфавит получил название «Вагиндра», соответствующее литературному псевдониму Агвана Доржиева (слово «вагиндра»² означает «владыка красноречия», это перевод имени Агван с тибетского на санскрит). Письмо вагиндра представляет собой упрощенный вариант монгольской вертикальной письменности, адаптированный к бурятской разговорной речи. Это письмо отличает отсутствие разницы в написании букв в начале, середине и конце слова, наличие специфической бурятской буквы «h» и др.³ Перечень изданных на новом алфавите книг и рукописей см., например, в статье И.Н. Содномовой [Содномова, 2016, с. 171–172].

Интересно, что «целевой аудиторией» анонсированной реформы традиционно для реформаторов вертикальной монгольской письменности названы монголы (в широком смысле), а сам новый алфавит назван «новым старым письмом», которое призвано помочь пониманию «старого письма».

Как справедливо отмечает Е.Х. (Г.С.) Дугарова-Монтгомери, те энергичность и размах, с которыми осуществлялся проект, говорят о его потенциальной жизнеспособности, а даль-

нейшей поддержки и распространения новая письменность не получила, скорее, не из-за присущих ей недостатков, а в силу внешних причин, среди которых противодействие царской администрации и сложная внутри- и внешнеполитическая обстановка⁴. Прекращение выпуска книг на новом алфавите в 1911 г. хронологически совпадает с арестом и высылкой из Петербурга одного из главных инициаторов проекта Цыбена Жамцарано⁵ [Решетов, 1998, с. 15].

Алфавит Доржиева-Жамцарано был для бурят-монголов⁶ возможностью иметь собственный современный (для начала XX столетия) письменный язык на основе вертикальной письменности. Однако попытки возобновления проекта, предпринятые после февральской революции 1917 г. и возвращения Жамцарано в Бурятию, успехов не имели [Сибирский, 1927, с. 68–72]: Вагиндра «проиграла» старомонгольскому языку, использование которого вело к культурному единению бурят друг с другом и всем монгольским миром кратчайшим путем.

Таким образом, классическая монгольская письменность оставалась универсальным средством коммуникации между монгольскими народами в период с XIII как минимум до середины XX столетия [Актамов, 2024, с. 40] и отчасти продолжает играть эту роль сейчас.

Как попытки латинизации, так и кириллизация письменности происходили в Монголии под влиянием СССР и имели прежде всего политические причины. С самого начала своего существования молодая Монгольская Народная Республика опиралась

2 То же, что «вагиндара» или «вагинтара».

3 Подробнее об особенностях и других участниках проекта «новобурятского» алфавита см., например, в: Дугарова-Монтгомери Е.Х. Бурятское письмо Агвана Доржиева // Буряад Үнэн. – 2021. – 19 января. – URL: <https://burunen.ru/news/culture/88583-eshen-khorlo-dugarova-montgomeri-buryatskoe-pismo-agvana-dorzheva/> (дата обращения: 20.08.2024).

4 Там же.

5 В 1911 г. Цыбен Жамцарано был арестован за участие в студенческой забастовке и выслан из Петербурга в село Урга.

6 До удаления из названия Бурят-Монгольской АССР в 1958 г. «монгольской» части буряты назывались бурят-монголами.

на СССР и Коминтерн при проведении своей внешней и внутренней политики. По заключенному в июне 1929 г. Соглашению об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР Советский Союз должен был способствовать социально-экономическому развитию молодого социалистического государства. С помощью советских специалистов многие сферы промышленности, образования и здравоохранения создавались с нуля, что требовало финансовых и материальных ресурсов. Конечно, МНР была заинтересована в подобной поддержке, а языковые преобразования были «необходимой мерой, направленной на улучшение взаимодействия между специалистами двух стран» [Бикмаева, 2022, с. 236] и также потребовали существенных финансовых вливаний с советской стороны.

В целом языковая политика второй четверти прошлого столетия имела единое направление в Бурятии, Калмыкии и Монголии. Радикальная смена политического режима (в 1917 г. в России и в 1921 г. в Монголии) требовала столь же радикальной смены информационного поля, на пути к которой смена графической основы была традиционным и весьма эффективным средством. По мнению Араи Юкиясу, профессора университета Хоккайдо, визуализация речи посредством алфавитов и орфографии (уход от традиционного полифонного вертикального письма) определила границы между языками халха-монголов, бурят и калмыков, для которых этот процесс начался в 1924 г. и закончился в 1941 г. [Юкиясу, 2021, с. 9, 28].

Монголы Внутренней Монголии КНР перехода на кириллицу (новое монгольское письмо) в 1958 г. избежали [Актамов, 2024, с. 41], большую роль в этом сыграл советский ученый Г.П. Сердюченко, советник по лингви-

стике в Пекине в 1950-е годы (подробнее см.: [Хухбатоп, 2021]).

Литературный язык монголов Внутренней Монголии КНР развивался на основе чахарского диалекта и классического монгольского вертикального письма. В 1975 г. наметился перевод монгольских языков КНР на латиницу, но в связи со смертью Мао Цзэдуна в 1976 г. проект не был реализован [Трегубова, 2018, с. 179].

В Прибайкалье до революции монгольское вертикальное письмо использовалось в религиозной практике и делопроизводстве, на нем создавались сочинения различных жанров, наиболее развитым из которых был жанр исторических хроник [Бадмаева, 2020, с. 15]. Этот письменный язык оказал заметное влияние на формирование бурятского литературного языка в начале XX в., с ним связано становление издательского дела и печати, возникновение бурятской профессиональной литературы, появление первых республиканских периодических бурятязычных изданий, таких как газета «Буряад-монголун үнэн», журналы «Уран угын чимэг», «Соелун хубисгал» и др. [Дондуков, 1998, с. 146].

Об особенностях вертикального письма, сложившихся в Бурятии, Н.Н. Поппе, например, писал: «Отдаленность Бурятии от центров, где процветал образцовый монгольский письменный язык – от Внутренней Монголии и от Пекина – в значительной степени способствовала внедрению различных диалектических форм в язык бурят-монгольской письменности. <...> Появляются чисто бурятские слова, кроме того, многие слова старой монгольской письменности появляются в бурятской фонетической оболочке. Меняется также почерк: в то время как в Монголии с XIX столетия широко распространяется под влиянием канцелярий скоропись, характеризующаяся,

между прочим, обилием закругленных хвостов у конечных букв, в Бурятии вырабатывается свой особый почерк, более угловатый и четкий» [Поппе, 1933, с. 86]. При этом ученый был убежден в том, что в целом язык сохранил свое единство: «Это был один, в общих чертах, язык, но обнаруживший разные местные диалектические влияния» [Поппе, 1933, с. 86].

Д.-Н.Д. Доржиев доказывал, что на основе старомонгольского письма у бурят сформировался самостоятельный старобурятский литературно-письменный язык, обладающий собственными лексическими, грамматическими и стилистическими особенностями [Доржиев, 1955; Доржиев, 1992].

Академик Б.Я. Владимирцов, а вслед за ним и его ученики, Г.Д. Санжеев и Т.А. Бертагаев, полагали, что на основе монгол бичиг у бурят сформировалось собственное литературное наречие (или извод) [Владимирцов, 1929, с. 29; Бертагаев, 1974; Санжеев, 1953, с. 44].

По мнению исследователя бурятских исторических хроник и родословных Ц.Б. Цыдендамбаева, создаваемые на территории этнической Бурятии произведения были написаны на общемонгольском литературном языке, принципиально не отличающемся от классического письменного монгольского языка. В обширном историографическом разделе своего фундаментального труда ученый отрицает как существование особого старобурятского литературно-письменного языка, так и наличие литературного диалекта [Цыдендамбаев, 1972, с. 569–616].

Сегодня специалисты склоняются к тому, что «языковой фон бурятских старописьменных текстов представляет собой промежуточный <...> вариант между классическим монгольским письменным языком и разговорной формой бурятского языка. Данный письменный вариант можно определить как бурят-

ский письменный идиом старописьменного монгольского языка» [Бадмаева, 2010, с. 204]. Существует основанная Л.Д. Шагдаровым школа лингвистического изучения относящихся к бурятскому идиому источников [Актамов, Бадмацыренова, 2024b, с. 116].

Перевод бурятского литературного языка на латиницу был осуществлен в 1931 г., печатные издания продолжали выходить на вертикальном письме до 1936 г. [Ульзетуева, 2006, с. 4]. Дальнейший переход на кириллицу в 1939 г. стал стратегической мерой для обеспечения языковой интеграции национальных общностей в единое культурное пространство СССР.

Утверждение о том, что переход на кириллицу оказал отрицательное воздействие на национальные языки, преимущественно не находит поддержки среди лингвистов. Напрямую к русификации он также не вел, хотя, бесспорно, облегчил освоение представителями народов СССР русского языка. Как правило, такой переход сопровождался упрощением правописания, что, в свою очередь, способствовало более эффективному обучению населения грамотности, что справедливо и для Монголии.

Кроме того, в сравнении с предыдущими формами письменности, кириллица обеспечила более точное отражение фонем бурятского языка [Раднаева, 2000, с. 128]. С тех пор в бурятском алфавите – 36 букв: для передачи специфических звуков бурятского языка к 33 буквам русского алфавита добавились *ө*, *у* и *һ*.

Ревитализация

Активное возрождение традиционной письменности в разных формах началось после распада Советского Союза.

В Монголии ему предшествовала дискуссия, начавшаяся с середины

1980-х годов, в ходе которой отдельные представители интеллигенции и политической элиты негативно оценивали влияние перехода на кириллицу. В частности, говорилось о том, что кириллица обедняет лексику, приводит к увеличению количества переводных слов в монгольском языке, несоблюдению правил сингармонизма и нарушению языковых норм. В это же время началось преподавание монгольского письма в средней школе, вводились курсы монгольского письма при учреждениях и на предприятиях, появились обучающие телепрограммы, издавалась многочисленная учебная литература [Чулуунбаатар, 2000, с. 27].

Однако полного возврата к монгол бичиг в Монголии не происходит до сих пор; и хотя это письмо является для монголов безусловным национальным достоянием, неоспоримой культурной доминантой монгольского мира, настойчивые слухи о грядущем официальном переходе страны от использования кириллицы к традиционному вертикальному письму (к 2025 г.) на законодательном уровне не подтверждаются.

В настоящее время, как отмечает докт. филол. наук, профессор А.Д. Цендина, в Монголии наблюдаются две тенденции в отношении к письму.

Первая тенденция связана с попытками вернуть уйгурское вертикальное письмо. Особенно интенсивными эти попытки были в начале 1990-х годов, когда началось активное отречение от всего советского. К этому периоду относится принятие постановления Совета Министров № 285 (1990 г.) о введении всеобщего обучения двум письменностям (монгольскому письму и кириллице) с 1990 по 1995 г., постановления Малого Хурала (1991 г.) о введении официального делопроизводства на монгол бичиг с 1994 г. и ряда других актов.

Однако в 1993 г. результаты деятельности по возвращению к традиционной письменности были признаны государственной комиссией по восстановлению монгольского письма весьма слабыми, в связи с чем в марте 1994 г. правительством Монголии было принято постановление № 64 об усилении этой работы. Среди прочих мер постановление предусматривало организацию обучения монгольскому вертикальному письму граждан от 16 до 49 лет, разработку стандартов официальных документов, ведение на монгол бичиг предметов гуманитарного профиля в школах с 4-го по 10-й класс и др.

Усиление административного нажима привело к росту оппозиции, связывающей возвращение к вертикальному письму с отсталостью страны и упрекающей политиков и ученых в сохранении Монголии в состоянии средневековья. В конце 1994 г. Великий Народный Хурал принял постановление № 66, смягчающее либо отменяющее принятые ранее решения, касающиеся возвращения к монгольскому вертикальному письму [Чулуунбаатар, 2000, с. 28].

Среди причин, по которым официальной графической основой современного монгольского языка до сих пор является кириллица, А.Д. Цендина выделяет «недостаток политической воли и согласие с народом» (ведь той государственной машины, которая была способна на резкие, радикальные преобразования в сфере языковой политики, не существует с 1990-х годов), а также ресурсозатратность связанных со сменой официальной формы письменности мероприятий: в случае полного возврата к вертикальному письму государство столкнулось бы с необходимостью перевода всей литературы и технических средств, а также переучивания большинства граждан, одновременно утративших грамотность.

В итоге возник тот компромиссный вариант использования двух видов письменности – кириллического письма как основного и монгольского вертикального письма как праздничного, который действует и в настоящее время.

Вторая тенденция связана с попытками реформировать кириллицу, активно продолжающимися до сих пор. Инициировал эти попытки профессор Монгольского университета Чой Лувсанжав. Они не объявляются официально и не приводят к реформам в области монгольской грамматики, но происходят в жизни: реформируя кириллицу, монголы всё больше «дрейфуют» в сторону норм старомонгольского письма, а это – путь к архаизации и усложнению письменности.

Общемировые тенденции в развитии письменности разных народов как правило, ведут к упрощению письменности, и главная цель этого упрощения – сделать письменность более доступной, более удобной для пользователей и для широких народных масс. Интересно, что в Монголии происходит обратный процесс⁷. Подобным образом современный русский язык мог бы меняться, становясь ближе к старославянскому.

Возможно, что вопрос реставрации традиционной для монгольского языка графической основы до сих пор не решен в связи с внутрилингвистическими проблемами, с которыми реформаторы монгольского вертикального письма сталкивались и в прошлом [Дырхеева, Гомборджийн, 2019, с. 102].

В Бурятии предложения о возвращении к традиционному монгольскому вертикальному письму или переходе

к использованию латиницы выдвигаются среди прочих идей в рамках обсуждения перспектив спасения бурятского языка, в 2002 г. внесенного в Атлас исчезающих языков ЮНЕСКО.

Идея возвращения к монгольскому вертикальному письму выглядит логичной не только с тех позиций, что эта форма письменности традиционна для бурят, но и потому, что такой переход способствовал бы сокрытию диалектных различий, то есть во многом решил бы десятилетиями обсуждающуюся проблему диалектов бурятского языка и невосприятости значительной частью этнической общности бурятского литературного языка как своего: писали бы все одинаково, а читать смогли бы по-своему.

К тому же, согласно концепции А. де Сваана [De Swaan, 2001], использование традиционного письма значительно расширяет коммуникативные способности носителей бурятского языка: письменный бурятский язык на основе монгольского вертикального письма классифицировался бы как суперцентральный письменный язык, доступный для понимания представителям разных монгольских народов [Трегубова, 2018, с. 183] и играющий важную роль в сохранении культурного и языкового многообразия, способствуя относительной устойчивости языкового сообщества в условиях глобализации.

Как отмечается в исследовании, посвященном современному функционированию старомонгольской письменности в Байкальском регионе, монгольская письменность «наполняется этнокультурным символизмом и используется в качестве особого источ-

7 Цендина А.Д. Доклад «Дискуссия вокруг кириллического письма монголов: лингвистический и политический аспекты» на Международной российско-монгольской научной конференции «Россия – Монголия: история взаимоотношений. Прошлое, настоящее, будущее», 14 декабря 2023 г. Видеозапись конференции. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FjAX-iTNxptM> (дата обращения: 20.08.2024).

ника и средства развития бурятского языка и культуры в целом» [Актамов, Бадмацыренова, 2024b, с. 111].

В статье, посвященной реализации языковых преобразований в Бурят-Монгольской АССР в 1930-е годы, написанной на материале учебников и учебных пособий указанного периода, отмечается наличие в современном бурятском обществе запроса на изучение классического вертикального монгольского письма, приобщение к богатой письменной культуре и интериоризацию отдельных ее элементов в современную культурно-образовательную среду [Актамов, Бадмацыренова, 2024a, с. 358].

Итак, применение монгольского вертикального письма для записи бурятского языка придает бурятскому языку статусность (как языку с древней письменной историей), повышает его коммуникативную ценность, значительно расширяет сферы применения современного бурятского языка, а также служит источником восполнения лексики в борьбе с кризисным состоянием современного бурятского языка.

Однако официальное возвращение к вертикальной монгольской письменности в российском пространстве противоречило бы языковому законодательству – Закону о единой графической основе 2002 г.⁸, ставшему частью Закона «О языках народов Российской Федерации»⁹ и закрепившему ведущую роль кириллицы как официального графического стандарта для всех государственных языков, функционирующих на территории Российской Федерации.

Имея конкретную направленность – противодействие предпринятой попытке латинизации татарского алфавита¹⁰, принятие закона решало гораздо более масштабные задачи, способствовало укреплению государственного единства России и закрепляло результаты имевших похожие цели языковых преобразований 1930-х годов.

С сентября 2023 г. занятия на монгольском языке в школах Внутренней Монголии КНР – единственного региона, сохранявшего непрерывную традицию использования монгол бичиг и обучения на монгол бичиг, – были прекращены, и в настоящее время обучение ведется на путунхуа (официальном китайском языке). В сложившейся ситуации некоторые родители перевозили детей в Улан-Батор для обучения на кириллице [Актамов, 2024, с. 44], Бурятия же приобрела ряд ценных педагогических кадров.

Не возвращая (либо утратив) статус формальной графической основы, сегодня вертикальное монгольское письмо обретает всё большую популярность в форме каллиграфии: развиваются центры каллиграфии в Москве, Петербурге, Элисте, Иркутске, Улан-Удэ, Чите и других городах, открываются новые студии, организуются выставки и конкурсы, проводятся многочисленные мастер-классы.

13 июля 2024 г. отметила свой первый день рождения студия бурят-монгольской каллиграфии «ТИТЭМ АРТ», самая молодая из каллиграфических школ Бурятии, возникшая год назад на базе культурно-просветительской организации «Буряад Соёл», более пяти лет проводящей бесплатные курсы обу-

8 Закон о единой графической основе для государственных языков Российской Федерации был принят 11 декабря 2002 г. под номером 165-ФЗ. – URL: <https://duma.consultant.ru/documents/737567?items=100> (дата обращения: 20.08.2024).

9 Закон «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. № 1807–1 (с изменениями на 13 июня 2023 г.). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9003298> (дата обращения: 20.08.2024).

10 См. ныне недействующий Закон Республики Татарстан от 15 сентября 1999 г. № 2352 «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/917005056> (дата обращения: 20.08.2024).

чения основам грамматики вертикального монгольского письма для всех желающих¹¹. К празднику был приурочен первый в истории современной Бурятии конкурс на знание грамматики монгольского вертикального письма, состоявшийся в Национальной библиотеке Республики Бурятия¹².

Еще более развито каллиграфическое искусство в Монголии, но лидером в данном направлении является Внутренняя Монголия КНР. Каллиграфическая школа Внутренней Монголии КНР с наиболее устойчивой непрерывной традицией использования монгольского вертикального письма в регионе считается классической. Применяющаяся в ней техника пяти линий позволяет точно рассчитать размер отдельных элементов и символов.

Искусство как особая форма общественного сознания живет по своим законам. Экономия бумаги при книгопечатании и суровый подсчет ресурсов не столь для него важны, и архаичность словоформ не служит препятствием для его развития. Свою миссию преподаватели каллиграфии в Улан-Удэ видят в том, чтобы через искусство, через красоту каллиграфии возродить интерес к бурятскому языку, к его истокам, открыть носителям бурятского языка доступ к количественно и качественно иной базе знаний. Именно в форме каллиграфии монгол бичиг продолжает сосуществовать с кириллицей, не конкурируя с ней.

Заключение

Рассматривая современное положение вертикального монгольского письма в основных регионах его распространения, можно сказать, что дей-

ствующий Закон «О монгольском языке» 2015 г. подтвердил официальный статус более эргономичной кириллицы, при этом тем же законом вводится обязательное требование о владении вертикальной письменностью для госслужащих, обязательное изучение письменности в школах (с 6-го класса), дублирование актов гражданского состояния вертикальным письмом и т. д. Инструкции по активизации продвижения вертикального монгольского письма содержит Декрет № 46 президента Монголии «Об усилении поощрения распространения и использования традиционной монгольской письменности», принятый в 2018 г. [Дырхеева, Гомборджийн, 2019, с. 102].

Перевод обучения на путунхуа во Внутренней Монголии КНР в 2023 г. стал новым вызовом для представителей монгольских народов Китая: угроза их языковой ассимиляции значительно возросла, однако оценить последствия этого шага китайских властей станет возможным позже.

В российском пространстве вопрос о реставрации вертикального монгольского письма в качестве формальной графической основы в настоящее время не стоит, при этом рост его популярности как элемента этнокультурной идентичности монгольских народов России не вызывает сомнений. Различные инициативы, связанные с популяризацией монгол бичиг, поддерживаются государством, что великолепно вписывается во взятый еще с начала 2000-х годов государственный курс на деполитизацию этничности.

Российское государство, стремясь к сохранению традиционных ценностей всех народов России, способствует возрождению в том числе традиционных

11 О других студиях см., например, [Актамов, Бадмацыренова, 2024b, с. 122].

12 URL: <https://burunen.ru/news/society/130862-konkurs-sagaan-tolgoy-na-znanie-grammatiki-mongol-besheg-vpervye-v-istorii-sovremennoy-buryatii-prosh/> (дата обращения: 20.08.2024).

видов письменности, Китай же нацелен на унификацию языкового пространства и перевод на путунхуа не только монгольских народов КНР, но и тибетцев, уйгуров и пр. Однако непрерывная традиция использования монгол бичиг во Внутренней Монголии КНР сыграла огромную роль в сохранении этой письменности, споры о прошлом и будущем которой не утихают ни среди ученых, ни среди обывателей.

Список литературы

Актамов И.Г. Развитие классической монгольской письменности в России, Монголии и Китае в начале XXI в. // Восточный вектор: история, общество, государство. – 2024. – Вып. 1. – С. 39–45.

Актамов И.Г., Бадмацыренова Н.Б. Реализация языковой политики в СССР в 1930-е годы (на примере бурят-монгольского языка) // Научный диалог. – 2024а. – Т. 13, № 2. – с. 346–363. – DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-346-363.

Актамов И.Г., Бадмацыренова Н.Б. Старомонгольская письменность в Байкальском регионе на современном этапе: курс на ревитализацию? // Монголоведение. – 2024б. – Т. 16, № 1. – С. 111–125. – DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-111-125.

Бадагаров Ж.Б. Изучение языка монгольских памятников квадратного письма // «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / ИНИОН РАН. – Москва : Наука – Восточная литература, 2016. – с. 176–184.

Бадмаева Л.Б. Бурятские летописи как источники для изучения бурятского языка // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия : Филология, история, востоковедение. – 2012. – № 2 (43). – С. 114–119.

Бадмаева Л.Б. Старописьменный монгольский язык и современный бурятский язык // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 2 (22). – С. 202–207.

Бадмаева Л.Б. Письменное наследие бурят на монгольском письме // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2020. – Вып. 3. – С. 15–23.

Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков) / АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1974. – 383 с.

Бикмаева К.И. Восстановление национальной монгольской письменности в 1980-е годы // Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ : Материалы XXXII Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки / отв. редакторы Н.Н. Дьяков, А.О. Победоносцева Кая, П.И. Рысакова. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2023. – С. 395–397.

Бикмаева К.И. Этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике // Монголоведение. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 232–246. – DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246.

Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика. – Ленинград : Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Енукидзе, 1929. – 438 с.

Дондуков У.-Ж.Ш. К вопросу о развитии бурятского литературного языка // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия (Материалы республиканской научно-практической конференции). – Улан-Удэ, 1998. – С. 145–149.

Доржиев Д.-Н.Д. Старобурятский язык. – Улан-Удэ : Бурятский гос. пед. ин-т им. Доржи Банзарова, 1992. – 244 с.

Доржиев Д.-Н.Д. Язык старомонгольской письменности Бурятии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1955. – 18 с.

Дырхеева Г.А., Гомбодоржийн Н. Языковая политика Монголии: проблема возрождения старомонгольской письменности (монгольская письменность) // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 98–104.

Зэгиймаа Ч., Зээнямбуу Ч. Языковая ситуация и языковая политика в Монголии // Национальные языки в эпоху глобализации: Россия–Монголия / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко. – Москва, Улан-Батор : Тезаурус, 2011. – С. 259–289.

Поппе Н.Н. Бурят-монгольское языкознание (Труды Института востоковедения Академии наук СССР). – Ленинград : Издание Академии наук СССР и Института культуры БМАССР, 1933. – 119 с.

Раднаева С.Б. История бурятской письменности и становление орфографических норм современного бурятского литературного языка : дис.... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2000. – 140 с.

Решетов А.М. Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // Ориент. – 1998. – Вып. 2-3. – С. 5–22.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. – Москва : Изд-во АН СССР, 1953. – 240 с.

Сибирский П. К истории общественно-революционного движения учительства в Бурятии // Жизнь Бурятии. – 1927. – № 4–6, с. 68–72.

Содномова И.Н. Литературная и просветительская деятельность Агвана Доржиева в Петербурге-Петрограде в 1905–1917 гг. // Россия и монгольский мир: вектор на сближение (Егуновские чтения – VII): сборник статей международной научно-практической конференции в рамках XII Международного всебурятского фестиваля «Алтаргана» / отв. ред. Н.С. Байкалов. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2017. – С. 168–177.

Трегубова Д.Д. Старописьменный монгольский язык и современный бурятский язык в глобальном контексте // Язык в глобальном контексте. Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – С. 178–187.

Ульзетуева З.Д. Сравнительное исследование бурятского и старописьменного монгольского языков (на материале фонетики и морфологии): дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2006. – 171 с.

Хухбатер Б. Советский ученый Г.П. Сердюченко и литературный язык: исторические особенности развития литературного языка МНР и монголов Внутренней Монголии на основе архивных материалов 1950-х гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2021. – № 1 (41). – С. 48–60.

Цендина А.Д. Монгольские традиционные азбуки (конец XVI – начало XX вв.) // Проблемы современного образования. – 2014. – № 6. – С. 106–118.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1972. – 662 с.

Чулуунбаатар Л. Письменность монгольских народов и ее культурно-историческое значение : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2000. – 29 с.

Юкиясу А. Интеграция и разделение «языка»: языковая политика монгольских народов в СССР и Монголии в 1920–1940 гг. // Социолингвистика. – 2021. – № 1 (5). – С. 9–30. – DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-9-30.

De Swaan A. Words of the World: The Global Language System. – Cambridge : Polity Press and Blackwell, 2001. – 272 p.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.03

The Graphic Basis of the Mongolian World: Language Policy and the Current Situation of Mongolian Vertical Writing

Dinara D. TREGUBOVA

PhD (History), Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ddtregubova@inion.ru

ORCID: 0000-0001-6989-4071

CITATION: Tregubova D.D. (2024). The Graphic Basis of the Mongolian World: Language Policy and the Current Situation of Mongolian Vertical Writing. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 35–49 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.04.03

Received: 12.09.2024.

Revised: 15.10.2024.

ABSTRACT. *The article is a brief excursion into the history of the Mongolian vertical script (Mongol bichig, or Mongolian Uyghur – the Uyghur alphabet adapted to the Mongolian language in the 13th century), which passed through a number of attempts of reforming and adaptation to the spoken languages of peoples in different historical periods, but has survived to this day as a relevant communicative means, a universal method of communication between the Mongolian peoples and an element of national culture. The processes of translation of the languages of the Mongolian peoples into the Latin alphabet and Cyrillic alphabet, occurring in the 1920s–1940s in the USSR and the Mongolian People’s Republic, are touched upon. The problems of restoration of traditional vertical writing as the official graphic basis, as well as its revival in the art of calligraphy, the popularity of which has increased sharply in recent years are also considered. A review of modern language situations in the main regions of traditional Mongolian writing distribution – Russia, Mongolia, Inner Mongo-*

lia of China – shows that the ancient written tradition has not died out and, adapting to various conditions and realities of language policies pursued in the interests of states, is successfully taking on new forms, having a positive impact on the preservation and development of national languages today.

KEYWORDS: *language policy; Mongolian vertical script; Uyghur script; Mongol bichig; calligraphy.*

References

Aktamov I.G. (2024). Development of Classical Mongolian Script in Russia, Mongolia and China in the Early 21st Century. *Oriental Vector: History, Society, State*. No. 1, pp. 39–45 (in Russian).

Aktamov I.G., Badmatsyrenova N.B. (2024a). Implementation of Language Policy in USSR in 1930s (Buryat-Mongolian Language). *Nauchnyi dialog*. Vol. 13, no. 2, pp. 346–363 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-346-363.

Aktamov I.G., Badmatsyrenova N.B. (2024b). The Mongolian Script in the Baikal Region at the Present Stage: a Course for Revitalization? *Mongolian Studies (Elista)*. Vol. 16, no. 1, pp. 111–125 (in Russian). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-111-125.

Badagarov Zh.B. (2016). Studying the language of the Mongolian monuments of square writing. In: “*Hey da shi lue*”: *A Source on the History of the Mongols of the 13th Century*. – Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura, pp. 176–184 (in Russian).

Badmaeva L.B. (2010). The old-written Mongolian language and the modern Buryat language. *Humanitarian Vector*. No. 2 (22), pp. 202–207 (in Russian).

Badmaeva L.B. (2012). Buryat chronicles as sources for the study of the Buryat language. *Scientific Notes of the Trans-Baikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies*. № 2 (43), pp. 114–119 (in Russian).

Badmaeva L.B. (2020). The written heritage of the Buryats in the Mongolian script. *Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture*. Issue 3, pp. 15–23 (in Russian).

Bertagaev T.A. (1974). *Vocabulary of Modern Mongolian Literary Languages (Based on the Material of the Mongolian and Buryat Languages)*. Moscow: Nauka Publisher, 383 pp. (in Russian).

Bikmaeva K.I. (2022). Stages of language policy in the Mongolian People's Republic. *Mongolian Studies*. Vol. 14, no. 2, pp. 232–246 (in Russian). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246.

Bikmaeva K.I. (2023). Restoration of the national Mongolian script in the 1980s In: Dyakov N.N., Pobedonostseva Kaya A.O., Rysakova P.I. (eds.). *Russia and the East. On the 300th Anniversary of St. Petersburg State University: Proceedings of the 32nd International Congress on Source Studies and Historiography of Asian and African Countries*. St. Petersburg: Russian

Christian Humanitarian Academy named after Feodor Dostoevsky, pp. 395–397 (in Russian).

Chuluunbaatar L. (2020). The Written Language of the Mongolian Peoples and Its Cultural and Historical Significance. Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Ulan-Ude, 29 pp. (in Russian).

De Swaan A. (2001). *Words of the World: The Global Language System*. Cambridge: Polity Press and Blackwell, 272 pp.

Dondukov U.-Zh.Sh. (1998). On the development of the Buryat literary language. In: *Problems of History and Cultural-national Construction in the Republic of Buryatia (Materials of the Republican Scientific and Practical Conference)*. Ulan-Ude, pp. 145–149 (in Russian).

Dorzhiiev D.-N.D. (1955). *The Language of the Old Mongolian Script of Buryatia*. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Moscow, 18 pp. (in Russian).

Dorzhiiev D.-N.D. (1992). *The Old Buryat Language*. Ulan-Ude: Buryat State Pedagogical Institute named after Dorji Banzarova, 244 pp. (in Russian).

Dyrheeva G.A., Gombodorzhiyn N. (2019). The language policy of Mongolia: the problem of the revival of the Old Mongolian script (Mongolian script). *Humanitarian Vector*. Vol. 14, no. 3, pp. 98–104 (in Russian).

Khukhbatov B. (2021). Soviet scientist G.P. Serdyuchenko and the literary language: historical features of the development of the literary language of the MNR and the Mongols of Inner Mongolia based on archival materials of the 1950s. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 1 (41), pp. 48–60 (in Russian).

Poppe N.N. (1933). *Buryat-Mongolian Linguistics*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences and the Institute of Culture of the BMASSR, 119 pp. (in Russian).

- Radnaeva S.B. (2000). *The History of Buryat Writing and the Formation of Orthographic Norms of the Modern Buryat Literary Language*. Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Ulan-Ude, 140 pp. (in Russian).
- Reshetov A.M. (1998). Science and Politics in the Fate of Ts.Zh. Zhamtsarano. *Orient*. Issue 2-3, pp. 5–22 (in Russian).
- Sanzheev G.D. (1953). *Comparative Grammar of the Mongolian Languages*. Vol. I. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 240 pp. (in Russian).
- Sibirsky P. (1927). On the history of the socio-revolutionary movement of teaching in Buryatia. *Life of Buryatia*. No. 4–6, pp. 68–72 (in Russian).
- Sodnomova I.N. (2016). Literary and educational activities of Agvan Dorzhiev in St. Petersburg–Petrograd in 1905–1917. In: Baykalov N.S. (ed.). *Russia and the Mongolian World: A Vector for Rapprochement (Egunov Readings – VII)*. Collection of articles of the international scientific and practical conference within the framework of the XII International All-Buryat Festival “Altargana”. Ulan-Ude: Buryat State University, pp. 168–177 (in Russian).
- Tregubova D.D. (2018). The old-written Mongolian language and the modern Buryat language in a global context. In: Potapov V.V., Kazak E.A. (eds.). *Language in a Global Context. The Modern Language Situation as a Consequence of the Globalization Process*. A collection of scientific papers. Moscow: INION RAN, pp. 178–187 (in Russian).
- Tsendina A.D. (2014). Mongolian traditional alphabets (late XVI – early XX centuries). *Problems of Modern Education*. No. 6, pp. 106–118 (in Russian).
- Tsydendambaev Ts.B. (1972). *Buryat Historical Chronicles and Genealogies*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 662 pp. (in Russian).
- Ulzetueva Z.D. (2006). *Comparative Study of the Buryat and Old-written Mongolian Languages (Based on Phonetics and Morphology)*. Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Ulan-Ude, 171 pp. (in Russian).
- Vladimirtsov B.Ya. (1929). *Comparative Grammar of the Mongolian Written Language and the Khalkha Dialect: Introduction and Phonetics*. Leningrad: Leningrad State University named after A.S. Yenukidze, 438 pp. (in Russian).
- Yukiyasu A. (2021). Integration and separation of the “language”: the language policy of the Mongolian peoples in the USSR and Mongolia in 1920–1940. *Sociolinguistics*. No. 1 (5), pp. 9–30 (in Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-9-30.
- Zagiymaa Ch., Zaenambuu Ch. (2011). The linguistic situation and language policy in Mongolia. In: Bitkeeva A.N., Mikhalchenko V.Yu. (eds.). *National Languages in the Era of Globalization: Russia-Mongolia*. Moscow, Ulan Bator: *Thesaurus*, pp. 259–289 (in Russian).

Китайский глобальный проект для Евразии

УДК 327.8(510)

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.04

Инициативы Китая в рамках диалога цивилизаций

Злата Петровна РОЖКОВА

старший лаборант Отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: z.p.rozhkova@gmail.com
ORCID: 0009-0008-3664-6010

ЦИТИРОВАНИЕ: Рожкова З.П. Инициативы Китая в рамках диалога цивилизаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 50–63.
DOI: 10.31249/kgt/2024.04.04

Статья поступила в редакцию 11.10.2024.
Исправленный текст представлен 11.11.2024.

АННОТАЦИЯ. *Китайская Народная Республика (КНР) в настоящий момент – симбиоз древнего и современного, самодостаточного и открытого, мирного и жесткого. Такой инь-ян существовал на протяжении всей истории Китая как государства-цивилизации. В настоящее время, осознавая коренные изменения на мировой арене, а также имея для этого достаточные ресурсы (как политические, экономические, так и идейно-ценностные), Пекин стремится занять роль сознательного прагматичного лидера в многополярном мире. Он признает существование других государств-цивилизаций и, пока они еще не сформированы в своем статусе, не только выстраивает с ними всеобъемлющие связи и вовлекает в собственную картину мира, предлагая триаду инициатив, но и в целом встраивает их в «Сообщество единой судьбы человечества» с китайской спецификой и дискурсивной гегемонией. КНР в настоящее время, как сильная держа-*

ва-цивилизация, не только способна «вдохновлять» и предлагать обтекаемые по формулировке идеи и ценности, но и готова контролировать их воплощение в жизнь. Цель данной статьи – раскрыть особенности «самости» Китайской Народной Республики и ее способности формировать собственные идейно-ценностные пространства. В работе используются лингвистический, исторический, социокультурный подходы, что позволяет комплексно рассматривать данную тему.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *КНР государство-цивилизация, идеи и ценности, развивающиеся страны, «Сообщество единой судьбы человечества», «друзья мира».*

В силу трансформации мирового порядка, формирования новых связей и норм полицентричной системы со всеми ее преимуществами и рисками вольно или невольно идет пересмотр возможных теоретических

взглядов на механизм внутреннего и внешнего развития государств. Так, например, после слома биполярной системы экспертное сообщество с новой силой начало исследовать жизненный цикл отдельных государств, а также само понятие цивилизации как таковое. Поскольку привычные ранее политологические подходы не давали более адекватного объяснения трансформации миропорядка, связей и элементов системы, начался поиск более глубоких причин транзита власти, ослабления одних держав и возвышения других. Здесь и начала раскрываться идея цикличности истории и цивилизаций. В настоящее время мир выглядит как матрешка: существующая условная биполярность Запада и не-Запада, внутри которого идет не столько возвышение развивающихся акторов, сколько целых пластов («коллективных общностей, объединенных причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции, члены которой осознают близость друг к другу, независимо от национальной, классовой, политической и идеологической принадлежности») [Дугин, 2012], которые прежде уже обладали имперским статусом и всеобщим признанием, но в силу цикличности истории на время утратили ее, сейчас, накопив достаточный опыт, готовы вновь занять свое место под солнцем.

Запад в течение долгого времени выстраивал мир-систему в странах Востока, навязывал европоцентричный миропорядок, теорию международных отношений и вообще миропонимание. Однако во второй половине XX в. покорность периферий сменилась на желание реванша и развитие их собственных систем ценностей, культуры и экономики.

Как известно, многие особенности деления мира по цивилизационно-

му принципу были сформулированы еще О. Шпенглером в «Закате Европы» [Шпенглер, 1993], однако, как правило, цивилизационный подход ассоциируется со знаменитым «Столкновением цивилизаций» С. Хантингтона. Китайская (синическая) цивилизация в основном выделялась им по религиозному и культурному признаку. Он говорил, что ««Большой Китай» – это не просто абстрактное понятие. Это быстро растущая культурная и экономическая реалья, которая уже начала становиться политической» [Хантингтон, 2003].

В новейшее время термин «государство-цивилизация» начал рассматриваться именно в отношении Китая [Li, Shaw, 2013]. Каковы основные черты такого государства?

1. Многоконфессиональное, многонациональное общество.
2. Древняя история.
3. Присущая ему цивилизационная идентичность.
4. Четкая система управления и разработанная правовая база.
5. Глубокая укорененность традиционных культурных кодов в сознании народов и правящих элит.
6. Неприятие универсализма, навязываемого внешним миром, и противостояние любым попыткам навязать чуждые ценности [Государство-цивилизация..., 2023].

В действительности, если упростить и дать более четкую формулировку понятию, то государство-цивилизация – это сильная держава, обладающая собственной идентичностью и способная защищать ее независимо от способов, идя по одной из трех возможных моделей: экспансионистской, нейтральной, дружественной.

Если раньше термин «цивилизации» использовался исключительно в научно-аналитической среде, то сейчас он политизируется и используется как ак-

цент в риторике у государств, обладающих имперскими амбициями. Таким образом, происходит «глобализация» такой концепции, что в будущем может привести к «приписыванию» цивилизационной миссии любому государству, обладающему длительной историей существования. Значит, совершенно верна мысль, что цивилизации – это самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном и идейно-ценностном плане «как дома» [Huntington, 1996].

Китай – пример государства-цивилизации

Интересен тот факт, что в китайском языке термин 文化 одновременно означает и цивилизацию, и культуру. Причем один из переводов – 文 – означает упорядочивающее общество начало, гармонию, процветание. 化, в свою очередь, – «изменяться (к лучшему), развиваться, обновляться». То есть цивилизация является постоянно развивающимся фактором гармонии и процветания общества, в ней источник силы Китая.

Вообще, если в общем дискурсе цивилизационный подход неразрывен с именем Хантингтона, то отдельно Китай как государство-цивилизация широко освещался британскими теоретиками, в частности Мартином Жаком. Он предлагает интересную мысль о том, что в действительности современный Китай как нация – молодая (ей около полутора столетий), а вот цивилизация – поистине древняя [Наумкин, 2020]. Таким образом, Мартин Жак говорит об уникальности Пекина в том смысле, что он претендует одновременно и на статус нации, и на статус цивилизации. Того же мнения придерживается и профессор Фуданьского университета Чжан Вэйвэй [Zhang Weiwei, 2012]: «Китай одновременно и стар,

и молод, и традиционен, и современен, и «китаистичен», и интернационален».

Согласно Хантингтону, одним из основных факторов в разграничении цивилизаций является религия, однако у Китая не религия, а философия, идеология и многонациональная, многоконфессиональная культура вместе с единым государственным аппаратом, которые связывают друг друга. Так, например, как ни пытались подчинить себе Китай иноземные захватчики на протяжении всей истории, – итог был один: они сами перенимали их язык и образ жизни [Бардакчян, 2021]. В какой бы стадии кризиса ни находился Китай, даже если это серьезный политический и экономический кризис (как это было во времена так называемых опиумных войн), «цивилизация» будет оставаться «иммунитетом», который будет возвращать былую силу. Недаром в одном из четырех главных классических литературных произведений Китая, «Троецарствии», есть строки: «После долгого раскола происходит объединение, после долгого единства – раскол» [Ло Гуань-Чжун, 1954], – то есть всё циклично.

Интересен тот факт, что практически во всех цивилизациях большое значение отводилось религии. Китай в этом плане – феномен, поскольку его идеологией стало конфуцианство, и даже сегодня, во времена социализма с китайской спецификой, данная философская мысль всё еще остается стержневой, поскольку конфуцианские элементы включены в основные программные идеи Коммунистической партии Китая. Фактически «древнее» приобрело «новое» содержание: государством управляет высоко нравственный ученый-бюрократ, а общество подчиняется морали и идейно-ценностным принципам.

Например, в IV–III вв. до н. э., согласно учениям легизма, способом обеспечения стабильности являлась

идея равенства всех перед Законом и Сыном Неба, при этом исполнялся набор формализованных ритуалов на основе народных верований [Тимохина, Калашникова, 2017]. В XXI в. одной из основных внешнеполитических идеологием КНР является равенство на международной арене.

Еще одной особенностью Китая как цивилизации является не только и не столько древняя история, сколько само наполнение понятия «история». Китайцы часто говорят, что «история вынесет справедливый приговор» или необходимо «ответственно относиться к истории», таким образом, можно сравнивать китайскую историю с условным божеством, которому всё подчиняется [Хэ Джунан, Линь Мэйю, 2024]. И в отличие от западной модели в Китае сильна историческая память, преемственность поколений, накопление прошлого опыта и знаний и грамотное использование «древнего» в «современном».

Через века проходят и такие характеристики, как дисциплина и системность в рамках цивилизации. Китайские эксперты Хэ Джунан и Линь Мэйю считают, что «китайский способ существования заключается в том, чтобы подчинить всё государство единому режиму, тем самым обеспечивая достаточный авторитет политической власти, защищая выживание цивилизации, способствуя расширению цивилизационного порядка и в конечном итоге формируя «государство-цивилизацию» [Хэ Джунан, Линь Мэйю, 2024].

Четкая иерархия и порядок всегда были залогом успеха Китая. Например, исторически государственные должности предоставлялись за реальные заслуги, а не по рождению. То есть при должном старании и знаниях свое место под солнцем мог занять каждый. Показателен тот факт, что Китайская империя рухнула в скором времени по-

сле отмены императорских экзаменов в 1905 году – главного фактора качественного подбора чиновников [Ланин, 2016]. Иерархическая подчиненность, четкие связи в рамках системы на государственном уровне, отчетность и контроль – отличительные характеристики Китая как государства-цивилизации.

Для Китая свойственен еще ряд характеристик, который можно обобщить как «гармоничное общество». Оно подразумевает под собой доверие (信任), дружбу (友谊), стабильность (稳定), упорядоченность (有序化), справедливость (公平), наполнение жизненной силой (注入生命精华), гармоничное сосуществование (和谐并存). Все эти идеи наполнили своим содержанием идеологию и практику построения «социалистического гармоничного общества» (社会主义和谐社会), которое служит как инструментом для сплочения населения внутри, так и базой тех логик, которые Китай транслирует во внешний мир. По сути, мысль о «переправе через реку, нащупывая камни» означает смелость китайского народа быть первыми. При этом делать это надо постепенно и осторожно, накапливая опыт и двигаясь дальше. Сначала эксперимент, потом обобщение результатов, затем их распространение.

Для Китая крайне важно сегодня под разными декларативными и философскими риториками развивать идею цивилизации. Это дает возможность стать идейно-ценностным гегемоном и формировать новый миропорядок на основе своих собственных логик, своих связей и своих интересов. С учетом присущей Пекину сознательности и прагматичности для других государств именно этот пункт может стать угрозой, а не волнующая многих его экономическая экспансия. Более того, сфер развития «китайской цивилизации» большое множество, это

не линейное понятие, оно предполагает соответствие всего образа жизни Китая великой державе, «цивилизации». На конференции, посвященной 100-летию основания Коммунистической партии Китая (КПК), Си Цзиньпин заявил: «Мы придерживаемся и развиваем социализм с китайской спецификой, способствуем согласованному развитию материальной, политической, духовной, социальной и экологической цивилизаций, создаем новый путь китайской модернизации, а также новую форму человеческой цивилизации» [Хуан Юнгуан, Юань Чжэнцин, 2021].

В действительности в настоящее время Китай развивает идеологему цивилизации как механизм отхода от западоцентризма. В большинстве научных работ в КНР по данной тематике изучается соотношение китайского и западного подхода к мироустройству, например, Чжан Гуаншэн пишет, что современная трансформация Китая не была копией опыта западных национальных государств, который привел к их собственному распаду, как в случае с империей Габсбургов, а, скорее, к сохранению «плюралистического и интегрированного политического единства. При этом осевой престиж Китая в мировой истории обусловлен не только его политическими и экономическими показателями, но и легитимностью цивилизации, а также его превосходством в образовании, культуре и мудрости» [Чжан Гуаншэн, 2022].

Более того, некоторые китайские эксперты считают, что «государство-цивилизация» – это специфическая концепция, используемая для описания именно Китая, и без него это понятие могло бы и не существовать. Они также отмечают, что многие страны разделяют эту идею, и осознают необходимость уважения разнообразия цивилизаций, укрепления национальных идентичностей и противостояния

западной гегемонии [Хэ Джунан, Линь Мэйю, 2024].

Если в политической риторике сами понятия «цивилизации» и «государства-цивилизации» оформились при Си Цзиньпине, то под другой терминологией, но зачастую с тем же смысловым наполнением, выступали и его предшественники. Например, Мао Цзэдун («новodemократическая революция», «большой скачок», «культурная революция»), Дэн Сяопин («социализм с китайской спецификой», «реформы и открытость»), Цзян Цзэминь («теория трех представительств»), Ху Цзиньтао («теория научного развития»), Си Цзиньпин («китайская мечта» – в рамках концепции «Великое возрождение китайской нации») [Абдрахимов, 2023]. Так происходила эволюция общей цивилизационной идеи и ее отражение в провозглашениях руководителей КНР.

Концепция цивилизации в Китае является не просто идеей, она официально закреплена в тексте Конституции Китайской Народной Республики. В преамбуле Конституции говорится, что Китай «содействует согласованному развитию материальной, политической, духовной, социальной и экологической цивилизаций»; необходимо «построить богатую, сильную, демократическую, гармоничную, цивилизованную современную социалистическую державу». Почему необходимо было официальное закрепление идеи цивилизации? Во-первых, это подчеркивание Китая как сильной державы, во-вторых, «цивилизация» носит всеобъемлющий характер и ее развитие является обязательством государства. Кроме того, концепция цивилизации конструируется руководством. Механизм построения цивилизации идет «сверху вниз», иницируется и контролируется государством, а развивается и исполняется институтами и обществом в целом [Сюй На, 2022].

Инициативы Китая в рамках диалога цивилизаций

Китаю нравится быть «добродетелем» для всего мира. Он никогда не говорит напрямую, высказывания руководства Китая обтекаемы, а их формулировка недоступна для непосвященных. Однако при должном рассмотрении его декларативная лексика становится «снарядом», выпущенным в массы. Как пишет Ху Дэньшэн в книге «Политическая цивилизация, в которой народ является хозяином страны», «идеи мира, развития, честности и справедливости, заложенные в новой форме политической цивилизации Китая, отражают величайший общий знаменатель ценностей, разделяемых всеми народами мира, преодолевают различия в идеологиях, социальных системах и уровнях развития, соответствуют тенденциям истории и потребностям времени и становятся ценностями, которые служат способом управления отношениями всех стран и цивилизаций» [Ху Дэньшэн, 2022]. Таким образом, отрицая универсальность миропорядка, Пекин тем не менее предлагает своеобразную «диверсификацию с китайской спецификой», то есть просто «унификацию по-китайски».

Модель действий Пекина сложна и проста одновременно: от частного – к общему, от внутреннего – к внешнему. Прежде чем предлагать что-то миру, Китай набрал для этого собственные силы. Не вмешиваясь в конфликты и занимаясь своим развитием, он за 50 лет из аграрной бедной страны превратился в богатого технологического лидера. И только после «реформ и открытости» он начал постепенно, но решительно возвышаться на мировой арене, становясь инициатором глобальных процессов. Так, на ежегодной встрече Боаоского азиатского форума в 2015 г. председатель КНР Си

Цзиньпин отметил, что «необходимо продвигать обмены и диалоги между различными цивилизациями с разными путями развития, дополнять сильные стороны друг друга в соревновании и сравнении и развиваться вместе в обменах и взаимном обучении, чтобы обмены и взаимное обучение между цивилизациями могли стать мостом для укрепления дружбы между народами разных стран, движущей силой для продвижения социального прогресса человечества и залогом сохранения мира во всем мире» [Хуан Юнгуан, Юань Чжэньцин, 2021].

Научно-аналитическое сообщество выпустило сотни трудов относительно инициативы «Пояса и пути», Нового шелкового пути. Как верно отметил В.Л. Ларин, «Один пояс – один путь» – лишь инструмент, а не самоцель, с помощью которого формируется инклюзивная, универсальная модель уже не только регионального, но и мирового сотрудничества [Ларин, 2023]. Идея даже не в экономическом сотрудничестве или в экономической экспансии, данная инициатива – коридор (существующий с древнейших времен) продвижения китайской идентичности и утверждения в регионе представления о Китае как о цивилизации, срединной державе [Цзяньпин, Кичигина, 2018].

Важно и тот момент, что «блага», предоставляемые Пекином, направлены в основном на развивающиеся страны. Почему они? Потому что это государство, которое имело «величественное» прошлое, однако их политическое и экономическое место в мире оттеснено на второй план. Их цель – удовлетворить имперские амбиции и вернуть свои прежние позиции. Именно за ними Китай видит будущее и стремится заранее выстроить с ними связи, вовлечь в свою картину мира. Усиление сотрудничества с другими

«государствами-цивилизациями» – ключ к всестороннему прагматичному сотрудничеству.

Цель Китая – не только установить партнерство, но и сформировать архитектуру «Сообщества единой судьбы человечества» [Алексеев, 2023]. Китайская архитектура предполагает «создание мира, в котором существует прочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и толерантность». Для достижения этой цели КНР сформировал набор самобытных инструментов и механизмов.

Помимо общеизвестной инициативы «Один пояс – один путь» [Бабаев, Сазонов, Цзинвэй, 2024] существует также «Инициатива глобального развития» (全球发展倡议). Она была выдвинута 21 сентября 2021 г. на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Тогда Си Цзиньпин призвал мировое сообщество к «совместной работе для управления глобальным развитием» и предложил для этого соответствующие принципы:

- развитие – главный приоритет;
- интересы, благополучие и безопасность всех людей на земле – центр развития;
- опора на инновации, создание открытой, справедливой, равноправной среды для развития науки и технологий;
- стремление к гармонии между человеком и природой;
- ориентация на конкретные результаты (в различных областях, от борьбы с бедностью до цифровой экономики) [Ли Цзинчэн, 2024].

Тогда же, в 2021 г., правительство КНР при ООН инициировало

создание «Группы друзей инициативы глобального развития»¹, которая подразумевает расширение консультаций с формирующимися рынками и развивающимися странами и увеличение инвестиций на цели развития. Таким образом, предложение КНР в некотором смысле цивилизационно, оно инклюзивно и направлено на весь внешний мир, при этом делая ее инициатора своеобразным «источником» будущего развития.

Еще одна инициатива – «Инициатива глобальной безопасности» (全球安全倡议)². В документе Министерства иностранных дел КНР изложены основные принципы инициативы: поддержание неделимой безопасности, создание сбалансированной и устойчивой архитектуры в сфере безопасности, содействие общему развитию и безопасности посредством сотрудничества, продвижение диалога и консультаций для разрешения споров. В данной инициативе также закрепляются предложения по разрешению конфликтов в разных точках мира, в частности на Украине и Африканском континенте.

Дополняя инициативу и стремясь урегулировать украинский кризис, Китай совместно с Бразилией и другими странами Глобального Юга (в очередной раз, объект – развивающиеся страны) в настоящее время создает платформу «Друзья мира» (和平之友)³. На данный момент скепсис по отношению к такой инициативе присутствует у обеих сторон конфликта, поскольку иногда «благими намерениями вымощена дорога в ад»: предлагаемая инициаторами «заморозка» конфликта

1 Министр иностранных дел Китая Ван И выдвинул три предложения по реализации инициативы в области глобального развития // Российская газета. – 2022. – 22 сентября. – URL: <https://rg.ru/2022/09/22/ministr-inostrannyh-del-kitaia-van-i-vydvynul-tri-predlozheniia-po-realizacii-iniciativy-v-oblasti-globalnogo-razvitiia.html> (дата обращения: 08.09.2024).

2 Китай опубликовал концепцию инициативы глобальной безопасности // ТАСС. – 2023. – 21 февраля. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17099845> (дата обращения: 07.09.2024).

3 КНР и Бразилия создадут платформу «Друзья мира» для разрешения украинского кризиса // ТАСС. – 2024. – 27 сентября. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21972107> (дата обращения: 01.10.2024).

невозможна [Кашин, 2023], поскольку столкновение задействует коренные интересы обеих стран. Тем не менее предложение достаточно серьезное, так как данная группа продолжает расширяться и за неимением других весомых инициатив в дальнейшей перспективе она может стать своеобразным межгосударственным медиаторским инструментом.

Продолжая говорить о глобальной безопасности, Китай предлагает и Инициативу по международному сотрудничеству в обеспечении продовольственной безопасности (国际粮食安全合作倡议)⁴, и Инициативу глобальной цифровой безопасности (全球数据安全倡议). Их целью является построение «мирного, безопасного, открытого, кооперативного и упорядоченного сообщества единой судьбы» (和平, 安全, 开放, 合作, 有序的命运共同体).

Стержневой в плане рассмотрения Китая как государства-цивилизации является цивилизационная инициатива Си Цзиньпина (全球文明倡议)⁵, основным содержанием которой является преодоление цивилизационных барьеров, равенство, развитие и диалог цивилизаций, сохранение и «инновационное развитие» культурного наследия. При этом «модернизация в китайском стиле» и в целом «китайская специфика» (中国特色)⁶ рассматриваются как «новая форма человеческой цивилизации».

Триада флагманских инициатив является сводом китайского представления о будущем миропорядке

и месте Китая как ответственного государства-цивилизации в нем. Они, дополняя друг друга, нацелены на построение «сообщества единой судьбы» (命运共同体), в основе которой лежит экономическая взаимодополняемость, взаимодоверие культур и взаимная толерантность в системе ценностей. Председатель Си Цзиньпин также высказывался по данному поводу: «Разнообразие человеческих цивилизаций подарило миру разнообразие красок. Разнообразие порождает обмена, обмена порождает интеграцию, а интеграция порождает прогресс», и «только благодаря взаимному уважению, гармоничному сосуществованию в многообразии мир может быть процветающим»; он также дополнил свою мысль красочным высказыванием о том, что «не один, а сто цветов распускаются весной» [Хуан Юнгуан, Юань Чжэнцин, 2021].

Несомненно, роль лидера в выстраивании эволюционной связки между Древним Китаем как цивилизации и современной КНР крайне значительна. Все выдвинутые инициативы являются идеологическим концептом Си Цзиньпина и именно при нем расширилась частотность, повысилось качество, увеличилась площадь выдвигаемых идейно-ценностных концептов. Интересно, что в его официальных речах прослеживается использование древнекитайских чэньюйев (成语) – устойчивых фраз из философских и литературных текстов; это в некотором смысле связывает поколения и опыт, а также

4 25 июля 2023 г. официальный представитель МИД Мао Нин провела очередную пресс-конференцию = 2023年7月25日外交部发言人毛宁主持例行记者会 // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики = 中华人民共和国外交部. – Кит. яз. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhs1_673025/202307/t20230725_11117587.shtml (дата обращения: 02.10.2024).

5 Доклад Посла Се Сяюна на круглом столе по теме «Уникальный путь успеха для всех: Китайская Инициатива глобальной цивилизации» // Официальный сайт посольства КНР в Республике Беларусь. – 2023. – 27 апреля. – URL: http://by.china-embassy.gov.cn/rus/zqxx/202304/t20230429_11068856.htm (дата обращения: 08.10.2024).

6 Цюй Циньшань = 曲青山. Глубокое понимание китайских особенностей в пяти аспектах модернизации в китайском стиле = 深刻理解中国式现代化五个方面的中国特色 // Цюши (ведущий официальный журнал КПК) = 求是网. – 2023. – 16 августа. – Кит. яз. – URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-08/16/c_1129801544.htm (дата обращения: 07.10.2024).

подчеркивает «китайскую цивилизацию». В своей книге «Управление Китаем»⁷ председатель Си Цзиньпин подчеркнул, что «непрерывность цивилизации в Китае – уникальное явление на земле и уникальное достижение в мировой истории»⁸. Таким образом, он уверен, что КНР накопила достаточно ресурсов, чтобы стать ведущей ответственной державой-цивилизацией уже в новом миропорядке. Для этого у нее есть не только материальные и человеческие ресурсы, но и дискурсивная гегемония, которая позволяет предлагать идейно-ценностные концепты и логики и быть способной контролировать ее реализацию.

К слову, несмотря на весь мирный характер реформ, открытость как во внутренней политике, так и во внешней, реальный прогресс осуществляется путем полного подчинения. «Мир» проявляется в том, что КНР не использует жесткие методы, но у нее более действенные механизмы, в точности, как описывал Сунь-цзы: война в данном случае – дипломатическая, экономическая, культурная и она идет активно. Если учитывать связь древней китайской философской мысли и ее реализацию в наши дни, то стоит задуматься над тем, что, например, школа военной философии бинцзя рассматривает благополучие государства, благосостояние и процветание общества как средство подчинения себе других государств [Литвинова, 1972]. Какое подчинение? Необязательно физическое. Достаточно иметь влияние на финансы и картину мира людей.

Все торговые, экономические, идейно-ценностные и культурные «бонусы» несут в себе как возможности, так и риски. Достаточно посмотреть

на, например, 28-ю (из 36) стратагем (философия непрямых действий) Китая [Зенгер, 2018]. Называется она «завести на крышу и убрать лестницу». В чём смысл? Цель стратегии – вовлечь оппонента в кажущийся выгодный процесс, завязать связки так, чтобы он не смог «выйти из игры» (например, в силу внешнеэкономического долга) и использовать выгоду в собственных интересах. Ну или же 7-ю стратагему «из ничего сотворить что-то», то есть использовать нестандартные методы и психологическое воздействие для получения желаемого. Всё это не просто философские размышления или тактика боя – это ментальность населения китайской цивилизации, от древнего мира до настоящего времени и именно она влияет и на выстраивание всей архитектуры политических, экономических, культурных связей и стратегий, направленных и на самим себя, и на внешний мир.

Заключение

Китай – государство-цивилизация, которое использует умную силу для продвижения своей собственной идентичности во внешний мир. Он делает это не только декларативно, но и способен последовательно разрабатывать стратегическую политику и претворять ее в жизнь. В настоящее время КНР как развивающееся государство уже вступило в эпоху удовлетворения своих имперских амбиций, она накопила достаточно сил, чтобы стать центром нарождающегося миропорядка. Китай смог стать цивилизацией, способной предлагать другим странам привлекательные ценности, альтернативные западным. И пока

7 The governance of China // Qiushi. – URL: <http://en.qstheory.cn/thegovernanceofchinal.html> (дата обращения: 10.10.2024).

8 Гончаров С. Большая игра Китая и США: почему Россия имеет значение // Россия в глобальной политике. – 2024. – 15 мая. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshaya-igra-kitaya-i-ssha/> (дата обращения: 29.09.2024).

другие государства-цивилизации так или иначе завязаны на региональных конфликтах, Пекин выстраивает свою архитектуру нового мира, формируя глобальные связки с «китайской спецификой». Выражение *Made in China* приобрело новую плоскость – уже далеко не торговую, а политическую, культурную, идейно-ценностную.

Список литературы

- Абдрахимов Л.Г. Идея «великое возрождение китайской нации – китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая // Вестник РУДН. Серия : Политология. – 2023. – № 1. – С. 189–203. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203.
- Алексеев А.Н. Роль концепции «Сообщества единой судьбы человечества» в процессе изменения мирового порядка // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2023. – № 26. – С. 9–12.
- Бабаев К.В., Сазонов С.Л., Цзиньвэй В. Сотрудничество Китая и стран АСЕАН в области развития энергетики в рамках инициативы «Пояс и путь» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. Материалы VI международной научно-практической конференции. Университет мировых цивилизаций. – Москва : Издательский дом УМЦ, 2024. – С. 433–437.
- Бардакян О.Х. Китай как хрестоматийный пример государства-цивилизации // Регион и мир. – 2021. – Т. 12, № 6. – С. 6–11.
- Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура / Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 80–88. – DOI: 10.24412/2076-1503-2023-9-80-88.
- Дугин А.Г. Теория многополярного мира. – Москва : Евразийское движение, 2012. – 532 с.
- Зенгер Х. Полное собрание 36 знаменитых китайских стратагем. – Москва : Эксмо, 2018. – 1040 с.
- Кашин В.Б. Первый год большой войны // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 3 (121). – С. 10–21. – DOI:10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21.
- Лاپин П.А. Упразднение системы государственных экзаменов (кэцзюй) в Китае в поздние годы династии Цин: социально-политическое и культурно-образовательное значение // Общество и государство в Китае. – 2016. – № 1. – С. 70–82.
- Ларин В.Л. Китайская повестка мировой политики XXI века // Российское китаеведение. – 2023. – № 1 (2). – С. 14–34. – DOI: 10.48647/ICCA.2023.97.55.001.
- Ли Цзинчэн. «Три глобальные инициативы» Китая в рамках концепции «Сообщества единой судьбы человечества» // Россия в глобальном мире. – 2024. – Т. 27, вып. 1. – С. 7–23. – DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.1.
- Литвинова Л.В. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. – Москва : Мысль, 1972. – 133 с.
- Ло Гуань-Чжун. Троецарствие: в 2 т. / пер. с кит. и коммент. В.А. Панасюка. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1954. – 785 с.
- Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 78–93. – DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06.
- Тимохина М.И., Калашникова Е.Б. Теория государственного управления в правовых учениях Китая (конфуцианство и легизм) // Закономерности и тенденции инновационного развития общества : сборник статей Международной научно-практической конфе-

ренции. В 3 ч. Ч. 3. – Волгоград : Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2017. – С. 142–145.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

Цзяньпин Ч., Кичигина И.М. «Пояс и путь» в контексте диалога цивилизаций // Российско-китайские исследования. – 2018. – Т. 2, № 1-2. – С. 8–15.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – Москва : Мысль, 1993. – 663 с.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York : Simon & Schuster, 1996. – 368 p.

Li X., Shaw T.M. The Political Economy of Chinese State Capitalism // Journal of China and International Relations. – 2013. – Vol. 1, N 1. – P. 88–113.

Zhang Weiwei. The China Wave: Rise of a Civilizational State. – Hackensack, NJ : World Century Publishing Corporation, 2012. – 205 p.

Сюй На = 胥纳. «Цивилизация» в действующей конституции Китая: нормативное и институциональное значение = 中国现行宪法中的“文明”: 规范意涵与制度意义 // Журнал Центрально-Южного университета (Издание социальных наук) = 中南大学学报 (社会科学版). – 2022. – Т. 28, вып. 4. – С. 53–64. – Кит. яз.

Ху Дэншэн = 胡登胜. Политическая цивилизация, в которой народ является хозяином страны = 人民当家作主的政治文明 // Редакционный отдел Китайской сети социальных наук = 中国社会科学网编辑部. – 2022. – С. 209–240. – Кит. яз.

Хуан Юнгуан, Юань Чжэнцин = 黄永光, 袁正清. Теория Си Цзиньпина о цивилизационном обмене и взаимном обучении — взгляд Китая на мировой цивилизационный порядок в новую эпоху = 习近平文明交流互鉴理论 — 新时代中国的世界文明秩序观 // Китай и мир в 2018 году = 2018 年的中国与世界. – [Б. м.] : Издательство по общественным наукам = 社会科学文献出版社, 2021. – С. 3–12. – Кит. яз.

Хэ Джуанан, Линь Мэйю = 何君安, 林美玉. Смысл дискурса о государстве-цивилизации и его значение для общественного сознания китайской нации = 文明型国家话语的意涵及其对铸牢: 中华民族共同体意识的意义 // Журнал востоковедения = 东方学刊. – 2024. – № 6. – С. 2–19. – Кит. яз.

Чжан Гуаншэн = 张广生. «Цивилизационно-национальное» сознание: путь Китая и построение китайского политического дискурса = “文明-国家”的自觉: 中国道路与中国政治话语建构 // Чжэцзян, Социальные науки = 浙江社会科学. – 2017. – № 2. – С. 13–19. – Кит. яз.

The Chinese Global Project for Eurasia

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.04

China's Initiatives Within the Framework of the Dialogue Among Civilizations

Zlata P. ROZHKOVA

Senior Laboratory Assistant of the Department of Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INIION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117149

E-mail: z.p.rozhkova@gmail.com

ORCID: 0009-0008-3664-6010

CITATION: Rozhkova Z.P. (2024). China's Initiatives Within the Framework of the Dialogue Among Civilizations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 50–63 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.04

Received: 11.10.2024.

Revised: 11.11.2024.

ABSTRACT. *The People's Republic of China at the moment is a symbiosis of ancient and modern, self-sufficient and open, peaceful and tough. Such a yin-yang has existed throughout China's history as a civilisation-state. Nowadays, realising the fundamental changes on the world stage, and having sufficient resources (political, economic and ideological and value-based) to do so, Beijing seeks to take the role of a conscious pragmatic leader in a multipolar world. It recognises the existence of other 'civilisational states' and, while they are still unformed in their status, not only builds comprehensive links with them and involves them in its own picture of the world by proposing a triad of initiatives, but also generally builds them into a 'community of the common destiny of mankind' with the Chinese specificity and discursive hegemony. China, as a strong power-civilisation, is now able not only to 'inspire' and propose ideas and values that are streamlined in their formulation, but is also ready to control their implementation. The purpose of*

this article is to reveal the peculiarities of the People's Republic of China's 'selfhood' and its ability to shape its own ideological and value spaces. The paper uses linguistic, historical, socio-cultural methods of analysis, which allows us to consider this topic comprehensively.

KEYWORDS: *Peoples' Republic of China (PRC), civilisation-state, ideas and values, developing countries, community of common destiny, friends of the world.*

References

Abdrakhimov L.G. (2023). The idea of "great revival of the Chinese nation – Chinese dream" of Xi Jinping as an ideological basis of China's national security. *Vestnik of RUDN. Series: Political Science*. No. 1, pp. 189–203 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203.

Alekseev A.N. (2023). The role of the concept of "Community of the common destiny of mankind" in the process

of changing the world order. *Russia and China: Problems of Strategic Interaction: A Collection of the Eastern Centre*. No. 26, pp. 9–12 (in Russian).

Babaev K.V., Sazonov S.L., Jingwei V. (2024). Cooperation between China and ASEAN countries in the field of energy development within the framework of the Belt and Road Initiative. *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, University of World Civilisations*. Moscow: UWC Publishing House, pp. 433–437 (in Russian).

Bardakchyan H.H. (2021). China as a textbook example of the state-civilisation. *Region and World*. Vol. 12, no. 6, pp. 6–11 (in Russian).

Gosudarstvo-tsvivilisatsiya... (2023). Zhuravleva L.A. et al. State-civilization: concept, essence, structure. *Education and Law*. No. 9, pp. 80–88 (in Russian). DOI: 10.24412/2076-1503-2023-9-80-88.

Dugin A.G. (2012). *Theory of a Multipolar World*. Moscow: Eurasian Movement, 532 pp. (in Russian).

He Junan, Lin Meiyu = 何君安, 林美玉 (2024). The implications of civilizational state discourse and its significance for strengthening the sense of community of the Chinese nation. *Journal of Oriental Studies* = 东方学刊. No. 6, pp. 2–19 (in Chinese).

Hu Dengsheng = 胡登胜 (2022). Political civilization in which the people are the masters. *China Social Science Network Editorial Department* = 中国社会科学网编辑部. Pp. 209–240 (in Chinese).

Huang Yongguang, Yuan Zhengqing = 黄永光, 袁正清 (2021). Xi Jinping's Theory of Exchange and Mutual Learning among Civilizations – China's View of World Civilization Order in the New Era. In: *China and the World in 2018 = 2018年的中国与世界*. S. l.: Social Science Literature Press = 社会科学文献出版社. Pp. 3–12 (in Chinese).

Huntington S.P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 368 pp.

Huntington S. (2003). The Clash of Civilisations. Moscow: LLC “AST Publishing House”, 603 pp. (translation into Russian).

Jianping C., Kichigina I.M. (2018). ‘Belt and Road’ in the context of the dialogue of civilizations. *Russian-Chinese Studies*. Vol. 2, no. 1–2, pp. 8–15 (in Russian).

Kashin V.B. (2023). The first year of the big war. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 21, no. 3 (121), pp. 10–21 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21.

Lapin P.A. (2016). Abolition of the system of state examinations (kejiu) in China in the late Qing Dynasty: socio-political and cultural-educational significance. *Society and State in China*. No. 1, pp. 70–82 (in Russian).

Larin V.L. (2023). Chinese agenda of world politics of the XXI century. *Russian-Chinese Studies*. No. 1 (2), pp. 14–34 (in Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.97.55.001.

Li Jingcheng (2024). “Three Global Initiatives” of China in the framework of the concept of “Community of the Common Destiny of Mankind”. *Russia in the Global World*. Vol. 27, issue 1, pp. 7–23 (in Russian). DOI: 10.48612/rg/RGW.27.1.1.

Li X., Shaw T.M. (2013). The Political Economy of Chinese State Capitalism. *Journal of China and International Relations*. Vol. 1, no. 1, pp. 88–113.

Litvinova L.V. (1972). *Ancient Chinese Philosophy*. Collection of texts in two volumes. T. 1. Moscow: Mysl, 133 pp. (in Russian).

Luo Guan-Zhong (1954). The Three Kingdoms. In 2 vols. Moscow: State Publishing House of Art Literature, 785 pp. (translation from Chinese).

Naumkin V.V. (2020). Model of the Non-West: Does the State-Civilisation Exist? *Polis (Russian Federation)*. No. 4, pp. 78–93 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06.

Spengler O. (1993). *Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History*. Moscow: Mysl, 663 pp. (in Russian).

Timokhina M.I. (2017). Theory of public administration in the legal doctrines of China (Confucianism and Legism). *Regularities and Trends of Innovative Development of Society*. A collection of articles of the International Scientific and Practical Conference: in 3 parts. Part 3. Volgograd: Omega-Science, pp. 142-145 (in Russian).

Xu Na = 胥纳 (2022). "Civilization" in China's Current Constitution: Normative Implications and Institutional Significance. *Journal of Central South University*

(*Social Science Edition*) = 中南大学学报 (社会科学版). Vol. 28, no. 4, pp. 53-64 (in Chinese).

Zenger H. (2018). *The Complete Collection of 36 Famous Chinese Stratagems*. Moscow: Eksmo, 1040 p. (in Russian).

Zhang Guangsheng = 张广生 (2017). The self-awareness of "civilization-state": China's path and the construction of Chinese political discourse. *Zhejiang Social Sciences* = 浙江社会科学. No. 2, pp. 13-19 (in Chinese).

Zhang Weiwei. (2012). *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. - Hackensack, NJ: World Century Publishing Corporation, 205 pp.

США: новые реалии

УДК 314(73)

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.05

Этнорасовый состав населения макрорегионов США в начале XXI века: количественный анализ межгруппового взаимодействия

Линар Рамилевич ИМАНГУЛОВ

аспирант кафедры экономической и социальной географии России, инженер Научно-исследовательской лаборатории регионального анализа и политической географии географического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991

E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6254-2049

ЦИТИРОВАНИЕ: Имангулов Л.Р. Этнорасовый состав населения макрорегионов США в начале XXI века: количественный анализ межгруппового взаимодействия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 64–86.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.05

Статья поступила в редакцию 22.11.2023.

Исправленный текст представлен 09.07.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье дается оценка современного этнорасового состава населения США в структурном и территориальном аспектах на основе данных переписи населения США 2000, 2010 и 2020 гг. Для описания модели этнорасового развития США автором вводится индекс дистанцированности группы в обществе, учитывающий межгрупповые брачные предпочтения, и индекс межрасовой интеграции населения, основанный на расчете социальных дистанций между расовыми группами. Межгрупповая дистанцированность расовых групп рассчитывается на основе данных о множественном происхождении населения как результативных характеристиках важней-

шего из видов взаимодействия между группами населения – брачного. На основании расчетных значений индекса межгрупповой дистанцированности предложена схема современной расовой и этнической организации населения США, отражающая специфику этнического развития государства. Обозначены две противоположные тенденции трансформации этнорасовой структуры населения США: 1) этническое развитие по принципу «плавильного котла» среди представителей старой иммиграции внутри расовых групп и в контактных зонах и 2) фрагментация общества по принципу «салатной чаши». Для макрорегионов США в соответствии с расчетными значениями

индекса межрасовой интеграции населения на 2010 г. указаны преобладающие варианты этнорасового развития в соответствии с развитием ассимиляционных процессов или, наоборот, фрагментации общества. Далее на основе данных переписей населения 2010 и 2020 гг. произведена количественная оценка трансформации межгруппового брачного взаимодействия населения в макрорегионах США. В заключении результаты количественного анализа межгруппового брачного взаимодействия соотнесены с потенциальными рисками локальных или масштабных межрасовых конфликтов в макрорегионах США. Максимальные риски социальной и политической дестабилизации имеют штаты, входящие в состав макрорегионов с низким значением индекса межрасовой интеграции и соответственно высокой социальной напряженностью, – штаты Юго-Востока и Северо-Востока Центра, Южная Атлантика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этническое развитие, расовая структура населения, миграция, социальная дистанция, смешанные браки, происхождение населения, сегрегация общества, регионы США.

Введение и постановка проблемы

Вопросы формирования американского общества и общественных отношений занимают особое место в научном дискурсе. Принцип «строительства государства», основанный на привлечении огромного числа мигрантов со всего мира для освоения значительных по площади пространств и других целей, требует особого осмысления с точки зрения устройства общества в части решения сопутствующих социальных проблем, а также обеспечения

внутренней политической стабильности в государстве.

Вместе с формированием и развитием американского общества появляются целый ряд концепций, пытающихся обосновать тенденции изменения расовой и этнической структуры населения США.

После Первой мировой войны, в 1920-е годы, на смену англоконформизму пришла концепция «плавильного котла», отличительной чертой которой стала попытка объединить не только на культурном, но и биологическом уровне разные этнические и расовые группы. Интеграция этнических групп в единое целое, согласно данной концепции, осуществляется вследствие активного распространения в иммигрантской среде ассимиляционных процессов. Результатом действия «плавильного котла» должен был стать не просто человек с единой американской идентичностью, но и человек-носитель традиционных англо-саксонских ценностей – *White Anglo-Saxon Protestant (WASP)*, при этом цвет кожи игнорировался как ключевой критерий идентичности.

Концепция «плавильного котла» на протяжении многих десятилетий была идеологической основой американской государственности. Увеличение неоднородности американского общества компенсировалось ростом солидарности между его разнородными элементами за счет создания «широкой национальной идентичности» [Smith, 2012]. Однако данная концепция имеет ряд важных упущений, среди которых игнорирование в обществе различных социальных и этнических конфликтов, что само по себе является важным препятствием на пути ненасильственного «смешивания» разных элементов американского общества. Кроме того, концепция «плавильного котла» характеризуется выборочно-

стью: «попасть в плавильный котел» могли не все расовые и этнические группы, что уже создает определенную почву для дискриминации и сегрегации общества [Glazer, Moynihan, 1974; Lichter, 2013].

С развитием американской научной мысли появляется множество вариаций «плавильного котла», описывающих трансформацию расовой и этнической структуры населения США во взаимосвязи с территорией (характер расселения, роль территории в формировании идентичности и т. д.), а также с социальным и экономическим положением группы в обществе. К наиболее известным вариациям данной концепции относятся «плавильный котел» Ф. Тёрнера¹ [Turner, 1920], «городской плавильный котел» Р. Парка и «тройственный религиозный плавильный котел» Р. Кеннеди. Данные вариации концепции «плавильного котла» являются ответом на вызовы того времени: освоение западных территорий США в первом случае, увеличение роли городов в экономической жизни страны и концентрации в них мигрантов – во втором, смешивание групп на основе религиозного триединства – в третьем. Наиболее широкое распространение в научной среде получили первые две вариации «плавильного котла», отразившие этапы становления современной американской идентичности и этнорасовой структуры населения США в территориальных аспектах [Gordon, 1964].

Во второй половине XX в. наиболее широкое распространение получила противоположная концепция этнорасового развития, подчеркивающая важность роли самоидентификации и сохранения элементов исторической

памяти. Впервые концепцию «салатной чаши» озвучил К. Деглер в 1959 г., который при изучении детей иммигрантов в третьем и четвертом поколении обнаружил их низкую степень интеграции в американское общество. Согласно концепции «салатной чаши», этническое развитие американского общества подразумевает интеграцию разных расовых и этнических групп в единую гетерогенную массу, где каждый элемент (ингредиент) сохраняет свою специфику и мирно взаимодействует с прочими в рамках установленных правовых норм (аналог «заправки салата») [Palmer, 1976; Advani, Reich, 2015; Wagener, 2009]. Особое внимание в данной концепции уделяется характеру взаимодействия между доминирующими и недоминирующими группами в обществе.

Несмотря на наличие множества концепций, в зарубежной науке по-прежнему наблюдается дискуссия относительно наиболее оптимальной модели, описывающей направления расового и этнического развития США. Главным недостатком описанных выше концепций этнорасового развития общества является акцентирование внимания на конечном результате – ассимиляции, а не на процессах, которые к ней приводят [Berray, 2019].

На современном этапе всё большее количество исследователей при изучении социальной структуры американского общества используют математико-статистические методы. Например, в работе [Advani, Reich, 2015] авторы для анализа поведенческих стратегий мигрантов используют равновесие Нэша в первом и втором поколении мигрантов. Размышляя о направлениях этнического развития США, иссле-

¹ Концепция Ф. Тёрнера подчеркивает важность фронта (границы) в становлении американской идентичности: «сбрасывание старых европейских оков» и единение разнородных по происхождению колонистов по мере продвижения на запад.

дователи склоняются к тому, что этно-расовая структура общества зависит от численности мигрантов, культурной дистанции между группами, значения культуры в повседневной жизни и затрат на формирование социальных связей.

В отечественной библиографии этно-расовое развитие США рассматривается учеными из разных областей наук: этнологии, социологии, психологии, географии и экономики (З.С. Чертина, М.Е. Тондера, А.В. Валуженич и др.). Особенно выделяются работы ведущих ученых ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая и Института США и Канады РАН (Е.А. Веселкин, Н.Я. Дараган, А.И. Истомина, В.А. Тишков, Н.М. Травкина и др.). В известном труде [Этнология..., 1989] авторы детально изучают роль факторов различной природы в этно-расовом развитии американского общества (например, роль экономики и психологических установок населения в сегрегации общества).

Региональный обзор этнической и расовой организации американского общества можно встретить в работах советских и российских географов: В.М. Андреева, И.А. Алова, А.П. Горкина, В.М. Гохмана, Л.Я. Зимана, Ю.Ф. Кельман, В.П. Ковалевского, В.П. Максаковского, С.Г. Павлюка, М.Е. Половицкой, Л.В. Смирнягина и др. Социальные географы особое внимание уделяют изучению этнокультурного разнообразия населения. Основной метод – математико-статистический, включающий расчет разнообразных индексов, отражающих гетерогенность/гомогенность населения (например, индекс разнообразия, мультигрупповой энтропии и др.). Во многом это обусловлено наличием в открытом доступе подробной статистики о расовом и этническом (языковом) составе населения округов, штатов и страны в целом.

Классическим примером современного географического исследования этно-расового состава населения США является работа [Кельман, 2014], в которой анализируется этно-расовое развитие США с использованием методики расчета индексов разнообразия населения в пределах метро-политенских статистических ареалов (МСА). Это позволяет сделать выводы относительно пространственных закономерностей расселения разных расовых и этнических групп на территории США. Помимо областей «традиционного» этнокультурного многообразия населения (побережья и приграничные южные территории) и сравнительно гомогенной в этно-расовом отношении глубинной периферии, в статье количественно выделены МСА разных типов с разным уровнем этно-расового разнообразия населения (например, «вавилонь», «классика» и др.).

Таким образом, в классических работах отечественных социальных географов чаще происходит фиксация этнокультурного многообразия населения на определенную дату с активным использованием математико-статистического аппарата и его сравнение с более ранними временными срезами. Этнокультурное разнообразие населения рассматривается как результат динамического процесса, при этом часто опускается сам механизм трансформации этно-расового состава населения. Вместе с тем этно-расовое развитие территории – это прежде всего динамический процесс, при исследовании которого важно учитывать не только механическое и естественное движения населения, которые безусловно определяют состав населения, но и этнические процессы, способные изменить этно-расовую структуру населения коренным образом (например, ассимиляция и т.д.). Особую в этом роль играют брачные процессы [Lykke, Rendall, 2017].

В связи с этим *целью* статьи является выявление количественных характеристик этнорасового развития США и основных макрорегионов страны в конце XX – начале XXI в. на основе анализа брачной статистики и данных о множественном происхождении населения. Автор пытается совместить доминирующие подходы в разных дисциплинах, объектом изучения которых является этнорасовый состав населения: учесть сложность и неоднозначность процессов расового и этнического развития территорий на примере данных брачного взаимодействия как ключевого индикатора межгруппового взаимодействия и использовать математико-статистический аппарат для количественной оценки направлений развития этнорасовой структуры населения разных территорий.

Гипотеза исследования заключается в следующем: использование данных брачной статистики и о множественности происхождения населения как результативных характеристик брачного взаимодействия представителей разных групп наравне с использованием классических данных о численности расовых и этнических групп релевантно для описания направлений этнорасового развития территорий, так как данные показатели являются ключевыми индикаторами межгруппового взаимодействия населения, отражающими размер социальной дистанции между разными группами.

Территория исследования

Анализ этнорасового развития населения проводился для США в целом и статистических макрорегионов, слагающих страну. Использование сетки статистических макрорегионов обусловлено наличием статистического материала и лучшим отображением зависимости между природными,

историческими и экономическими факторами развития территорий и характером этнических процессов среди прочих вариантов сеток с иным составом штатов. В дальнейших исследованиях планируется использование сетки штатов и округов.

Материалы и методы исследования

Основными источниками работы стали перепись населения США 2000, 2010 и 2020 гг. и официальные аналитические отчеты по вопросам происхождения населения и брачности. В статье используются математико-статистический (конструирование и расчет индексов, отражающих направления этнорасового развития территорий) и сравнительно-географический (пространственное измерение направлений этнорасового развития макрорегионов США) методы.

Составление схемы расовой и этнической организации населения США и выявление направлений ее развития основано на количественном измерении социальной дистанции между расовыми группами, а внутри рас – этническими. Количественное измерение социальной дистанции между группами основано на оценке одного из основных видов взаимодействия между группами – брачного. Анализ межгруппового брачного взаимодействия свидетельствует о формировании устойчивых связей между группами с разными культурами, что проявляется не только в наличии определенных комбинаций брачных предпочтений, но и в степени открытости групп по отношению к другим группам в части их системы ценностей.

Основные показатели при оценке межгрупповой социальной дистанции – доля смешанных браков, множественность происхождения и изменение численности населения отдельных

групп. Выбранные для анализа показатели, по мнению автора, позволяют получить более точные представления о направлениях взаимодействия между группами.

Вместе с тем автор, понимая специфику перечисленных выше показателей, допускает определенную погрешность в интерпретации расчетов, связанных с тем, что не всегда межличностные взаимодействия даже при рождении ребенка свидетельствуют о сокращении социальной дистанции между расовыми группами (например, отказ от учета нежелательных рождений вследствие факторов криминогенного характера, наличие негативного опыта от брачного взаимодействия после рождения общего ребенка и т.д.). Однако данная погрешность оценивается как незначительная, так как примеры подобных межличностных взаимодействий не могут формировать устойчивые во времени тенденции.

В работе проводится количественный анализ межгруппового взаимодействия для страны в целом и составляющих ее макрорегионов. При использовании и конструировании формул для достижения поставленной цели автор будет исходить из качественного понимания межгруппового расстояния как фактора, обратно пропорционально которому происходит формирование межгрупповых брачных предпочтений.

Для расчета социальных дистанций между группами одного иерархического уровня (расы/этнос) для страны в целом использовался разработанный автором индекс дистанцированности групп в обществе (формула №1). Авторский индекс разработан на основе индекса социальной дистанции Е.Л. Сороко [Сороко, 2014], оценивающего положение группы в матрице групп на основе межгрупповых брачных предпочтений.

$Sd = \sum_{ig=1}^n Dig$ (формула № 1), где:

Sd – дистанцированность отдельной группы в обществе;

n – количество групп (ig), вступающих в межгрупповые брачные взаимодействия с исследуемой группой;

Dig – дистанция между исследуемой группой и любой другой группой, вступающей с ней в межгрупповые брачные взаимодействия. Вычисляется по формуле:

$Dig = 1/2 * (\frac{1}{Eij + Eji})$, [Сороко, 2014],

где:

Eij, Eji – доля брачных пар определенной комбинации (с мужем принадлежности i и жены принадлежности j) в общей структуре браков отдельной группы.

Используемые для расчета показатели – доля межгрупповых (межрасовых/межэтнических) браков как один из наиболее достоверных и доступных результативных индикаторов направлений межрасовых/межэтнических взаимодействий.

Сначала в исследовании были рассчитаны брачные предпочтения представителей каждой группы на основании доли брачных пар определенных комбинаций в общей структуре браков этой группы. Например, при расчете брачных предпочтений населения с английским происхождением относительно немецкого суммировались относительные доли смешанных брачных пар (английского и немецкого происхождения) с учетом гендерной дифференциации (иначе говоря, доля брачных пар мужчин с английским и женщин с немецким происхождением и наоборот). Затем была рассчитана межгрупповая социальная дистанция как обратно пропорциональная величина сформировавшимся межгрупповым брачным предпочтениям. Затем при расчете индекса дистанцированности групп в обществе для каждой группы было осуществлено суммирование

социальных межгрупповых дистанций в соответствии с матрицей полученных расстояний.

Далее на основе полученных значений индекса дистанционности групп автором была составлена схема расовой и этнической организации населения США (рисунок 1). При ее составлении положение групп в схеме определялось размером социальной дистанции сначала между одной базовой группой и другими, затем корректировалось с учетом социальных дистанций между всеми группами; таким образом, при составлении схемы была использована матрица расстояний. В случае, когда одна группа выбивалась из распределения согласно первой итерации (например, обнаруживалось более близкое тяготение к другой группе, чем то, как было представлено согласно первой итерации), производился сравнительный анализ межгрупповых социальных дистанций, который, впрочем, не сильно изменил итоговый вариант представленной схемы, затем вносились правки.

Для расчета социальных дистанций между расовыми группами² для макрорегионов США использовался разработанный автором индекс дистанционности группы в обществе (формула №2), созвучный с первым по названию, но имеющий иную формулу расчетов. Причина конструирования другого индекса – отсутствие открытых данных о структуре браков между расовыми и этническими группами на уровне макрорегионов, штатов, округов. Для расчета индекса использовался следующий показатель – численность населения с разбивкой по критерию «происхождение».

$Sord = 1/2 * (\frac{1}{a/A})$ (формула №2), где: **Sord** – дистанционность группы в обществе;

a – численность населения множественного происхождения, относящего себя к определенной группе;
A – численность населения, указавшего определенное происхождение.

Индекс дистанционности группы для территорий более крупного масштаба (районов, регионов и округов) основывается прежде всего на оценке размера социальной межгрупповой дистанции, обратно пропорциональной доле представителей групп множественного (смешанного) происхождения, которые идентифицируют себя только с одной группой в культурном и социальном плане, от общей численности группы, с которой происходит ассоциация, с учетом в том числе численности представителей множественного происхождения. Например, при расчете индекса дистанционности группы населения с белым происхождением использовались данные численности всех представителей множественного происхождения («белое – черное», «белое – азиатское» и др.), идентифицирующих себя белыми, и данные численности населения всего белого населения с одним и множественным происхождением.

Далее для макрорегионов США был рассчитан индекс межрасовой интеграции населения (формула №3), рассчитываемый обратно пропорционально сумме социальных межгрупповых дистанций. Индекс отражает уровень межрасовой/межэтнической интеграции населения³: чем выше значение ин-

2 Этнические группы не участвовали в количественном анализе в связи с отсутствием по ним доступных и актуальных на момент написания работы статистических данных.

3 Под межрасовой/межэтнической интеграцией населения автором понимается «вид этнических процессов, заключающийся в экономическом, социальном и другом взаимодействии уже сложившихся этносов обычно в рамках многонациональных государств, что ведет к постепенному сближению и слиянию этносов в сфере культуры и по другим этническим параметрам». Источник: Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей. – Москва: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.

Таблица 1. Численность населения с одним и множественным расовым происхождением, 2010 г., млн чел.

Table 1. Population with one and multiple racial origins, 2010, millions of people

	Латиноам.	Афро-американское	Белое	Азиатское	Индейцы	Тихо-океанск.	Прочее	Всего
Белое, в том числе: латиноам.	29,18	1,59	196,82	1,49	1,21	–	0,76	231,04
	26,74	0,25	0,05	0,14	0,23	–	1,79	29,18
Афроамериканцы	1,90	37,69	1,59	0,17	0,24	–	0,44	42,02
Азиатское	0,60	0,17	1,49	14,47	–	0,15	0,45	17,32
Индейцы	0,23	0,27	1,21	0,06	2,93	–	0,53	5,22
Тихоокеанск.	0,21	0,05	0,15	0,15	–	0,48	0,19	1,23

Источник: составлено автором по данным переписи населения США 2010 г. (DEC National Redistricting Data, table id: P1).

декса, тем чаще наблюдается брачное межгрупповое взаимодействие населения в макрорегионе/стране.

$I_{ii} = 1 / (\sum_{i=1}^n Sord_i)$ (формула № 3), где:

I_{ii} – индекс межрасовой/межэтнической интеграции населения;

$Sord$ – дистанцированность группы в макрорегионе/стране;

i – номер суммирования;

n – количество межрасовых/межэтнических групп в макрорегионе/стране, всего.

Современная этнорасовая структура населения США

Современная расовая и этническая структура населения США является следствием миграционной политики государства с момента его появления: различия в принципах государственной миграционной политики в разные периоды времени определили не только современный состав населения, но и характер этнических процессов, степень интеграции американского общества [Чертина, 2000].

В настоящее время расовая структура населения США на 85,6% представлена гражданами, указавшими в качестве происхождения одну расу (таблица 1). Несмотря на значимую

долю лиц одного происхождения, постепенно отмечается увеличение доли населения с множественным расовым происхождением вследствие увеличения интенсивности межрасовых взаимодействий (2010–2020 гг. – на 25%) [Травкина, 2013].

Максимальная доля населения с множественным происхождением приходится на коренное население США – американских индейцев и жителей островов Тихого океана (43,8 и 60,7% соответственно), минимальная – на афроамериканцев и белое население (10,3 и 14,8% соответственно) (таблица 2).

Сложившиеся расовые комбинации происхождения населения обусловлены совокупностью факторов: психологическим (предпочтения), институциональным (например, запреты на заключения межрасовых браков) и др. Особое место среди них занимает географический фактор. Его действие проявляется в особенностях пространственного размещения групп на разных территориальных уровнях (страна, штат, округ и т. д.), что предопределяет характер и направления взаимодействий между отдельными группами. Физические контакты между представителями расовых групп чаще положи-

Таблица 2. Расовая структура населения США, 2010 г., %

Table 2. Racial structure of the USA, 2010, %

	Латиноам.	Афро-американское	Белое	Азиатское	Индейцы	Тихоокеанск.	Прочее	Всего
Белое, в том числе: латиноам.	12,63	0,69	85,19	0,64	0,52	-	0,33	100,0
	91,61	0,84	0,18	0,46	0,78	-	6,13	100,0
Афроамериканцы	4,51	89,68	3,78	0,40	0,57	-	1,05	100,0
Азиатское	3,45	0,98	8,59	83,51	-	0,86	2,60	100,0
Индейцы	4,34	5,16	23,10	1,13	56,17	-	10,11	100,0
Тихоокеанск.	17,17	4,11	12,06	12,21	-	39,31	15,15	100,0

Источник: составлено автором по данным переписи населения США 2010 г. (DEC National Redistricting Data, table id: P1).

тельно (реже – отрицательно) сказываются на социальной дистанции между разными элементами общества и «подготавливают основу» для интеграционных процессов.

Межрасовые и межэтнические особенности заключения брака в США

Основным и наиболее достоверным количественным индикатором уровня межэтнической интеграции общества являются межгрупповые браки [Лурье, 2018]. Исследование брачной статистики позволяет получить более достоверную информацию о размере социальной дистанции между представителями разных групп, что зачастую невозможно при проведении социологических опросов. Например, более достоверную информацию дает построение шкалы социальной дистанции Богардуса на основе результатов социологических опросов вследствие наличия расхождений между ответами респондентов и их реальными действиями.

Еще в XVIII в. Дж. Кревкер, американский писатель французского происхождения, подчеркнул важность межэтнических браков в становлении

американской идентичности. Высокий процент смешанных браков среди американцев, по мнению писателя, является отличительной чертой США как страны иммигрантов. Однако действительно ли высок уровень межгрупповых брачных взаимодействий в США? Какая модель этнического развития лучше описывает современные направления межгрупповых взаимодействий в США?

Наиболее открытой расой к брачным взаимодействиям являются представители азиатской расы (среднее значение смешанных браков – 87,1%), в случае учета происхождения белых – население латиноамериканского происхождения, которое в большей степени подвержено генетическому смешиванию (таблица 3).

Наиболее изолированной расой являются белые (за исключением граждан латиноамериканского происхождения), что в целом обусловлено консервативностью жизненных установок и законодательным ограничением на межрасовые браки вплоть до второй половины XX в.

Основными направлениями брачных взаимодействий между расами являются «белый муж – азиатская жена», «черный муж – белая жена»

Таблица 3. Межрасовые браки между гражданами США, 2010 г., %**Table 3.** Interracial marriages between US citizens, 2010, %

	Белая жена		Черная жена		Азиатская жена		Другая жена		Всего мужей
Белый муж	97,9	97,7	3,9	0,3	15,3	1	42,4	0,9	100
Черный муж	0,8	8,6	95,4	89,2	1,1	0,9	5,7	1,3	100
Азиатский муж	0,4	7	0,2	0,3	82,5	91,8	2,4	0,9	100
Другой муж	0,9	44	0,4	1,6	1,1	3,4	49,4	51	100
Всего	100		100		100		100		

Источник: составлено автором по данным переписи населения США 2010 г. (American Community Survey, table id: S. 1201).

и «азиатский муж – белая жена» (без учета внутригрупповых взаимодействий белого населения нелатиноамериканского и латиноамериканского происхождения).

Брачные взаимодействия характеризуются редким (доля межрасовых браков – около 15–20%) и крайне выборочным характером, что не приводит к полноценному «смешиванию» расовых групп между собой. Основными барьерами в распространении ассимиляционных процессов стали различия в религиозной принадлежности, мировоззренческих установках и социально-экономическом положении расовых групп. Наиболее активные брачные взаимодействия характерны отдельным контактными элементами расовых групп, тогда как расовое большинство склонно, скорее, к изоляции.

На уровне этнических групп ситуация иная. Например, историко-культурная и религиозная близость западноевропейских иммигрантов, а также политика американизации, проводимая государством в XIX в., способствовали постепенному размыванию этнической идентичности представителей старой иммиграции вследствие увеличения роли английского языка во всех сферах жизни и доли межэтнических браков.

Например, в 1970-е годы доля смешанных браков в английской среде

составила 11,4%, в ирландской – 31,8%, в немецкой – 34,1% [Дараган, 1984]. Более высокую долю смешанных браков (свыше 40%) имеют группы, сформировавшиеся в период «новой миграции»: итальянцы, поляки, русские и испанцы. Максимальные показатели характерны для испанцев и итальянцев, что обусловлено не только более поздним прибытием в США и иной религиозной принадлежностью (представители католицизма), но и дискриминационной политикой в отдельные десятилетия XX в.

Современная схема этнорасового развития США

Этнорасовую структуру американского общества можно схематично представить в виде пирамиды, состоящей из определенных слоев (рас) и подслоев (этнических групп), взаимодействующих между собой (см. рисунок 1). Максимальная степень взаимодействия характерна для рас и этнических групп, располагающихся на стыке (контактные зоны), либо в составе отдельных рас соответственно в виду исторического, культурного и религиозного единства. В основе базиса пирамиды находится наиболее многочисленное белое население, а именно англосаксонское население, ставшее «базисом» американской идентичности.

Рисунок 1. Схема расовой и этнической организации населения США
Figure 1. Scheme of racial and ethnic organization of the USA population

Источник: составлено и рассчитано автором по данным переписи населения США 2000, 2010 и 2020 гг.

Размер социальной дистанции англосаксонского населения составляет 0,37, что свидетельствует о максимальной интеграции группы в американское общество. Далее следуют другие граждане европейского происхождения «старой и новой иммиграции» (0,4–1,0 и 1,0–2,0 соответственно), затем – латиноамериканское население (3,58), активно взаимодействующее с другими расовыми группами. В верхушке пирамиды располагаются представители афроамериканцев и азиатской расы (8,89 и 5,42 соответственно). Долгое время изолированные на законодательном уровне от белого населения индейцы США⁴ занимают срединное положение (2,06).

В верхней части пирамиды снижается степень межгрупповой интеграции по причине нарастания объективных различий, также возрастает социальная дистанция между группами, увеличивается устойчивость по отношению к ассимиляционным процессам.

Концепция «плавильного котла» лучше описывает наблюдаемые в основании пирамиды этнические процессы: активное брачное межгрупповое взаимодействие между группами европейского происхождения, а также на границах расовых групп. Однако это не приводит к полноценному смешиванию расовых групп между собой, формируется фрагментация американско-

⁴ Срединное положение индейцев США в пирамиде обусловлено «дрейфом» идентичности в американском обществе: вследствие экономических привилегий граждане с множественным происхождением часто указывают в качестве основного индейское (при его наличии).

го общества, что лучше описывается концепцией «салатной чаши».

Количественный анализ межгруппового брачного взаимодействия иллюстрирует разнонаправленность обозначенных выше тенденций: в случае отрицательных внешних шоков происходит либо усиление процессов фрагментации общества (например, событие, повлекшее дискриминацию отдельной группы), либо, наоборот, консолидация групп.

Этнорасовое развитие макрорегионов США: количественный анализ межгруппового брачного взаимодействия населения

Этнорасовое развитие как процесс трансформации структуры населения территории является полимасштабным явлением. Изучение этнорасового развития американского общества невозможно реализовать без исследования характера процессов, протекающих на разных территориальных уровнях. Кратко рассмотрим специфику этнорасового развития некоторых макрорегионов США и факторы, которые ее определяют (таблица 4, рисунок 2).

Новая Англия. Новая Англия является одним из самых целостных, очевидных и «зрелых» районов США [Смирнягин, 2005]. Приморское положение и близость по отношению к европейским странам определили сложную этнорасовую структуру населения. Изначально макрорегион стал пристанищем гонимых в Европе пуритан, затем ирландцев. На современном этапе в основе модели этнорасового развития Новой Англии располагается белое население, далее следуют афроамериканцы с минимальной дистанцированностью в обществе вследствие особенностей исторического развития макрорегиона (макрорегион входил

в состав северных штатов в период Гражданской войны), высокой доли городского населения и незначительной численности афроамериканского населения. Главными направлениями межрасовых брачных взаимодействий населения являются комбинации «белые – азиаты» и «белые – афроамериканцы» (25,7 и 19,2%). Этнорасовое развитие макрорегиона Новая Англия соответствует, скорее, концепции «плавленного котла».

Средняя Атлантика. Этнорасовая структура населения Средней Атлантики отличается расположением в ее пределах таких крупных городских структур, как Нью-Йорк, Филадельфия и Питтсбург, что предопределяет несколько иные расовые пропорции населения и характер этнических процессов. Указанные выше города являются своего рода «Вавилонами» с разнонаправленными процессами развития общества – смешиванием расовых и этнических групп и обособлением иммигрантов в этнических кварталах (например, чайнатауны) [Кельман, 2014]. В основе модели этнорасового развития Средней Атлантики располагается белое население. По уровню межрасовой интеграции населения макрорегион занимает средние позиции в США в связи с соседством в рамках одного макрорегиона двух разнородных в этническом измерении пространственных элементов: городов-«вавилон» и «консервативной религиозной белой периферии» (см. таблицу 4). Главными направлениями межрасовых брачных взаимодействий населения являются комбинации «белые – афроамериканцы», «белые – азиаты» (26,4 и 16,3%). Этнорасовое развитие Средней Атлантики соответствует в большей степени концепции «салатной чаши».

Юго-Восток Центра. Этнорасовая структура населения Юго-Востока Центра не сильно отличается от Юж-

Таблица 4. Региональные различия расчетных значений индекса дистанцированности расовых групп и индекса межрасовой интеграции населения в США, 2010 г.
Table 4. Regional differences in the estimated values of the racial group distance index and the interracial population integration index in the United States, 2010

	США	Новая Англия	Средняя Атлантика	Северо-Восток Центра	Северо-Запад Центра	Южная Атлантика	Юго-Восток Центра	Юго-Запад Центра	Горные штаты	Тихо-океанский
Белое	15,43	21,86	18,95	21,80	22,06	18,19	27,71	14,96	13,90	7,54
Афроамериканское	20,94	9,56	16,08	34,03	21,42	31,17	73,81	28,30	8,15	7,37
Коренное США	1,14	0,80	0,89	0,89	1,30	0,95	0,88	1,27	2,18	1,05
Азиатское	3,82	4,15	5,72	3,60	3,22	3,47	2,85	4,03	2,31	3,81
Гавайское	0,89	0,66	0,67	0,75	0,95	0,79	0,96	0,99	1,08	0,92
1. Индекс дистанцированности расовых групп										
	0,023	0,026	0,023	0,016	0,02	0,018	0,009	0,02	0,036	0,048
2. Индекс межрасовой интеграции населения										
Подходящая концепция этнорасового развития населения макрорегионов США для описания результатов количественного анализа межгруппового взаимодействия населения										
	И то и то	«Плавильный котел»	«Салатная чаша»	«Салатная чаша»	«Салатная чаша»	«Салатная чаша»	«Салатная чаша»	«Салатная чаша»	«Плавильный котел»	«Плавильный котел»

Источник: результаты авторских расчетов с использованием данных переписи населения США 2010 г. (DEC National Redistricting Data, table id: P1).

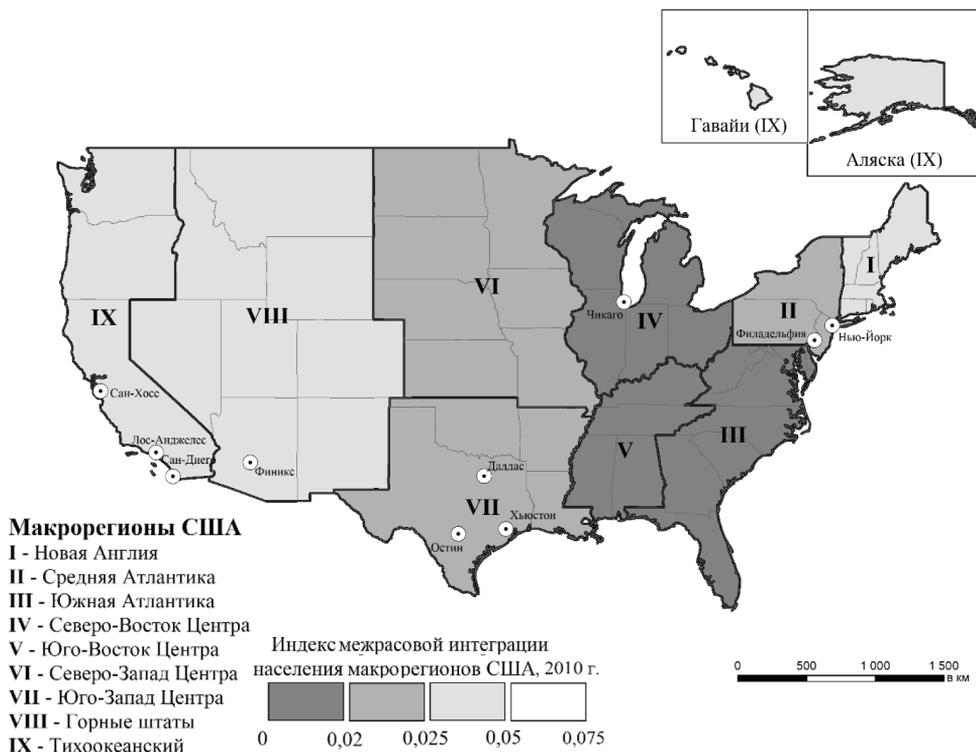

Рисунок 2. Региональные различия индекса межрасовой интеграции населения США, 2010 г.

Figure 2. Regional differences in the US Interracial Activity Index, 2010

Источник: составлено автором в соответствии с результатами расчетов с использованием данных переписи населения США 2010 г. (DEC National Redistricting Data, table id: P1).

ной Атлантики (высокая доля афроамериканцев). Длительное время макрорегион является «полюсом расизма» в США (особенно в районах Глубокого Юга и Дельты) [Смирнягин, 2005], порожденного расовым неравенством. Макрорегион отличается самой низкой степенью межрасовой интеграции населения в США (см. таблицу 4). Следствием обозначенных выше факторов является крайне низкая для США доля населения с множественным происхождением от общей численности населения (см. таблицу 3). Главными направлениями межрасовых брачных взаимодействий населения являются

комбинации «белые – афроамериканцы», «белые – индейцы» и «афроамериканцы – индейцы» (36, 25,9 и 3,9%). Этнорасовое развитие Средней Атлантики соответствует концепции «салатной чаши» с высокой разобщенностью населения.

Горные штаты. Этнорасовое развитие макрорегиона Горных штатов протекало в условиях высокой разреженности пространства и ограниченных контактов между группами колонистов. В основе модели этнорасового развития макрорегиона располагается белое население. Макрорегион отличается высокой долей коренных жителей США, про-

живающих главным образом в пределах крупнейших резерваций страны. Макрорегион отличается одним из самых высоких показателей индекса межрасовой интеграции населения в США. Минимальная дистанцированность белого и афроамериканского населения обусловлена сравнительно «новым освоением» макрорегиона с минимальным проявлением установок расизма, в том числе ввиду особенностей исторического освоения региона и численности населения групп (см. таблицу 4). Главными направлениями межрасовых брачных взаимодействий населения являются комбинации «белые – индейцы» и «белые – азиаты» (21 и 19,1%). Этнорасовое развитие Горных штатов соответствует концепции «плавильного котла».

Тихоокеанский. Этнорасовая структура населения макрорегиона отличается максимальной численностью латиноамериканского и азиатского населения, высокой долей индейцев США и с точки зрения своего многообразия является воплощением идей «американизма». В основе модели этнорасового развития находится белое население. Макрорегион отличается высоким уровнем межрасовой интеграции населения, что обусловлено распространением идей мультикультурализма (см. таблицу 4). Косвенным индикатором является лидерство Тихоокеанского макрорегиона по доле населения с множественным происхождением от общей численности населения макрорегиона в США (8,72%; основной вклад вносят такие районы, как Северная и Южная Калифорния). Главными направлениями межрасовых брачных взаимодействий населения являются комбинации «белые – азиаты», «белые – индейцы» и «белые – тихоокеанцы» (27,1, 15,1 и 4%). Этнорасовое развитие Тихоокеанского макрорегиона в большей степени соответствует концепции «плавильного котла».

Трансформация межгруппового брачного взаимодействия населения в макрорегионах США в 2010–2020 гг.

Расчет значений авторских индексов этнорасового развития макрорегионов США по данным последних переписей населения 2010 и 2020 гг. подтверждает общую тенденцию межрасовой интеграции населения согласно важнейшему из видов взаимодействия между группами населения – брачного взаимодействия.

В 2010–2020 гг. общенациональное значение индекса межрасовой интеграции населения увеличилось в 2,2 раза, что отражает увеличение скорости межрасового смешивания населения. В региональном измерении увеличение межэтнической интеграции населения происходит неоднородно: выше чем в среднем по стране изменение индекса зафиксировано в следующих макрорегионах: в Новой Англии, на Юго-Востоке и Северо-Западе Центра, в Южной и Средней Атлантике, Горных штатах; ниже – в трех макрорегионах: на Северо-Востоке и Юго-Западе Центра и Тихоокеанском регионе (таблица 5).

В целом, согласно изменению индекса межрасовой интеграции населения, выделяются следующие макрорегиональные тенденции: рост интеграции населения опережающими темпами в макрорегионах крайнего запада и востока страны с значительной концентрацией населения в крупных городах и рост интеграции населения более низкими темпами в макрорегионах глубинного положения с сохранением элементов расовой сегрегации. Макрорегионом-аутсайдером по скоростям интеграции населения является Юго-Восток Центра.

Таблица 5. Региональные различия индекса дистанцированности расовых групп и индекса межрасовой интеграции населения в США, 2020 г.

Table 5. Regional differences of the racial group distance index and the interracial population integration index in the United States, 2020

	США	Новая Англия	Средняя Атлантика	Северо-Восток Центра	Северо-Запад Центра	Южная Атлантика	Юго-Восток Центра	Юго-Запад Центра	Горные штаты	Тихо-океанский
1. Индекс дистанцированности расовых групп										
Белое	3,93	5,77	5,43	6,5	6,75	3,67	7,74	2,50	3,54	2,40
Афроамериканское	10,26	3,59	6,49	18,23	9,47	13,93	31,74	14,49	3,91	4,63
Коренное США	0,83	0,66	0,63	0,66	0,83	0,70	0,61	0,97	1,43	0,90
Азиатское	3,36	4,24	4,58	2,69	1,88	3,43	2,19	3,68	1,63	3,73
Гавайское	0,96	0,67	0,72	0,71	0,81	0,78	0,83	1,07	0,82	1,13
2. Индекс межрасовой интеграции населения										
	0,051	0,066	0,056	0,034	0,050	0,044	0,023	0,044	0,088	0,078
Изменение, 2020/2010	2,22	2,54	2,43	2,13	2,50	2,44	2,56	2,20	2,44	1,63
Подходящая концепция этнорасового развития населения макрорегионов США для описания результатов количественного анализа межгруппового взаимодействия населения										
	И то и то	«Плавильный котел»	«Салатная чаша»	«Салатная чаша»	«Салатная чаша»	«Салатная чаша»	«Салатная чаша»	«Салатная чаша»	«Плавильный котел»	«Плавильный котел»

Источник: результаты авторских расчетов с использованием данных переписи населения США 2020 г. (DEC Demographic and Housing Characteristics, table id: P8).

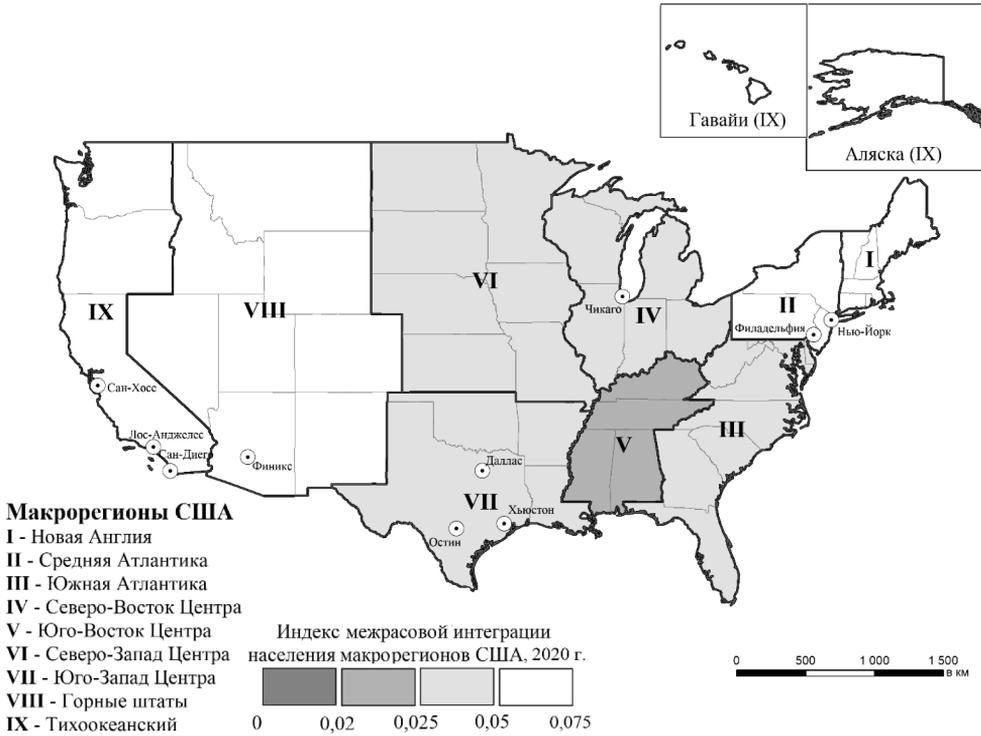

Рисунок 3. Региональные различия индекса межрасовой интеграции населения США, 2020 г.

Figure 3. Regional differences in the US Interracial Activity Index, 2020

Источник: составлено автором в соответствии с результатами расчетов с использованием данных переписи населения США 2020 г. (DEC Demographic and Housing Characteristics, table id: P8).

Выводы

Этнорасовое развитие территорий, под которым понимаются не только этническая, но также экономическая и политическая и другие составляющие, является сложным объектом для исследования. В данном исследовании делается акцент на важнейшем виде межгруппового взаимодействия населения – брачном. Отправным пунктом для написания статьи стали фундаментальные исследования американского социолога Э. Богардуса по измерению социальной дистанции. Данное исследование представляет попытку коли-

чественного анализа степени близости или отчужденности между расовыми и этническими группами населения по критерию «принятия группой других представителей групп как близких родственников посредством заключения брака» шкалы социальной дистанции Э. Богардуса.

Предложенный прием оценки уровня межрасовой/межэтнической интеграции населения, основанный на количественном анализе данных брачной статистики и множественности происхождения населения как индикаторов социальной дистанции и результативных характеристик межличностных взаимодействий, может послужить

новым способом количественного изучения этнорасового развития территорий в социальной географии наравне с другими классическими приемами (расчет индексов разнообразия населения и т. д.), основанными прежде всего на фиксации этнокультурного многообразия населения на определенную дату и сравнительном анализе с более ранними временными срезами.

Использование этих данных позволяет рассмотреть этнорасовое развитие территории как динамический процесс, при исследовании которого важно учитывать не только результат (например, этнорасовый состав населения), определяющийся в том числе механическим и естественным движением населения, но и сам механизм трансформации этнорасового состава населения за счет количественной оценки некоторых важных этнических процессов, способных изменить этнорасовую структуру населения коренным образом (например, процессов ассимиляции и т. д.).

Рассчитанные значения индекса межрасовой интеграции населения для США в целом и макрорегионов в частности в начале XXI в. подтвердили выдвинутую автором в начале исследования гипотезу: данные брачной статистики и множественности расового происхождения населения позволяют выявить устойчивые во времени комбинации брачных предпочтений населения, оценить по данному параметру размер социальной дистанции между расовыми группами и, таким образом, описать направления этнорасового развития территорий с использованием существующих теорий и концепций.

Значение индекса межрасовой интеграции населения США в целом близко к среднему значению, что свидетельствует о разнонаправленности этнорасового развития американского общества. С одной стороны, отмечается распространение процессов ас-

симилиации и интеграции (например, «действие плавильного котла» среди представителей «старой иммиграции» и расовых групп с устойчивыми предпочтениями при выборе брачного партнера), с другой стороны, обособление отдельных этнических и расовых групп вследствие увеличения роли самоидентификации и внешних шоков прошлых этапов (например, фрагментация населения по принципу «салатной чаши»).

Этнорасовое развитие макрорегионов США определяется историческими и социально-экономическими особенностями развития территорий. Действие концепции «плавильного котла», одной из составляющих которой является гомогенизация населения в результате роста доли смешанных браков, наблюдается на крайнем западе и востоке страны (Новая Англия, Тихоокеанский макрорегион и макрорегион Горных штатов), низкая степень межрасовой и межэтнической интеграции населения в макрорегионах с крайне консервативным населением (Северо-Восток Центра) и макрорегионах со значимой долей чернокожего населения (Юго-Восток Центра и Южная Атлантика).

Расчет предложенных автором значений индексов этнорасового развития макрорегионов США, по данным последних переписей населения (2010 и 2020 гг.), подтверждает общую тенденцию межрасовой интеграции населения согласно важнейшему из видов взаимодействия между группами населения – брачному взаимодействию. В 2010–2020 гг. общенациональное значение индекса межрасовой интеграции населения увеличилось более чем в 2 раза, что отражает увеличение скорости межрасового смешивания населения. При этом фиксируемый процесс имеет выраженную макрорегиональную неоднородность: значительна дифференциация скорости расового смешивания

населения между западными и восточными окраинами и центром страны.

В контексте социально-экономической и политической стабильности американского общества региональная дифференциация вариантов этно-расового развития территорий имеет особенно важное значение. Продолжающаяся «культурная война» между американскими консерваторами и либералами, возникшая из-за противостояния разных систем ценностей населения и поставившая США фактически на грань «Гражданской войны – 2.0», имеет выраженную пространственную проекцию.

В условиях всеобщего возрастания социальной напряженности в стране и трансформации этнорасовой структуры населения из-за миграции выделяются территории с повышенными и пониженными рисками потенциальных локальных или масштабных межрасовых конфликтов. Речь идет в первую очередь о разделении штатов на прибрежные многообразные с минимальными и средними рисками и внутренние (континентальные) однообразные с максимальными рисками.

Максимальные риски социальной и политической дестабилизации имеют штаты, входящие в состав макрорегионов с низким значением индекса межрасовой интеграции: штаты Юго-Востока и Северо-Востока Центра, Южной Атлантики. Не удивительно, что движение *Black Lives Matter* получило широкий отклик именно в этих макрорегионах.

Штаты, входящие в состав макрорегионов с повышенным индексом межрасовой интеграции населения, имеют более низкие риски потенциальных конфликтов в настоящее время, однако в будущем могут стать основной ареной потенциальных конфликтов в связи с более мозаичной расовой и этнической структурой населения.

В этом контексте гомогенизацию населения в расовом отношении в результате действия «плавильного котла» и формирование прослойки населения с множественным расовым происхождением в расовой структуре населения США (33,8 млн чел., или 10,8% в 2020 г.) как индикатора увеличения интенсивности межгруппового взаимодействия важно рассматривать в комплексе с другими составляющими. Известно, что формирование устойчивых межгрупповых брачных предпочтений в более образованной и с финансовой точки зрения обеспеченной среде происходит лучше. Это также определяет наличие рисков потенциальных конфликтов в том числе в штатах со сравнительно высоким индексом межрасовой интеграции населения и, следовательно, иллюстрирует важность более детального и комплексного исследования особенностей межгруппового брачного взаимодействия и его вклада в межрасовую и межэтническую интеграцию населения.

Вместе с полученными результатами важно отметить, что использованные в статье количественные методы при их существенных преимуществах могут носить лишь вспомогательный характер при изучении этнорасового развития территорий. Это обусловлено в первую очередь сложностью и в определенной степени противоречивостью наблюдаемых этнических процессов в обществе, что в том числе выражается в существовании различных концепций и даже множественности их вариаций. Предлагаемые в статье варианты этнорасового развития территорий требуют привлечения результатов более глубокого детального качественного обследования для верификации (например, результатов интервьюирования населения на тему брачных предпочтений и др.).

Список литературы

Дараган Н.Я. Соотношение этнических и конфессиональных общностей в США // Советская этнография. – 1984. – № 1. – С. 60–72.

Кельман Ю.Ф. Географический анализ этнокультурного разнообразия населения США // Вестник Московского университета. Сер. 5 : География. – 2014. – № 5. – С. 22–29.

Лурье С.В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. – 2018. – № 10. – С. 122–148. – DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077.

Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. – Москва : Мысль, 1989. – 232 с.

Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. – 2014. – № 4. – С. 96–123. – DOI: 10.17323/demreview.v1i4.1804.

Травкина Н.М. Современные демографические тенденции США (итоги переписи населения 2010 г.) // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – № 12. – С. 3–24.

Чертина З.С. Плавилиный котел. Парадигмы этнического развития США. – Москва : ИВИ РАН, 2000. – 163 с.

Этнология в США и Канаде / под ред. Е.А. Веселкина, В.А. Тишкова. – Москва : Наука, 1989. – 330 с.

Advani A., Reich B. Melting Pot or Salad Bowl: The Formation of Heterogeneous Communities // IFS Working Papers. – 2015. – N W15/30. – 49 p. – DOI: 10.1920/wp.ifs.2015.1530.

Berray M.A. Critical Literary Review of the Melting Pot and Salad Bowl Assi-

milation and Integration Theories // Journal of Ethnic and Cultural Studies. – 2019. – Vol. 6, N 1. – P. 142–151. – DOI: 10.29333/ejecs/217.

Glazer N., Moynihan D. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City. – Cambridge, MA : M.I.T. Press, 1974. – 363 p.

Gordon M.M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins. – New York : Oxford University Press, 1964. – 287 p.

Lichter D.T. Integration or fragmentation? Racial diversity and the American future // Demography. – 2013. – Vol. 50, N 2. – P. 359–391. – DOI: 10.1007/s13524-013-0197-1.

Lykke L.C., Rendall M.S. Interracial and Inter-ethnic Marriage and Cohabitation and Self-Rated Health // Maryland Population Research Center Working Paper. – 2017. – N 009. – 46 p.

Palmer H. Mosaic versus Melting Pot?: Immigration and Ethnicity in Canada and the United States // International Journal. – 1976. – Vol. 31, N 3. – P. 488–528.

Smith D.M. The American melting pot: A national myth in public and popular discourse // National Identities. – 2012. – Vol. 14, N 4. – P. 387–402. – DOI: 10.1080/14608944.2012.732054.

Turner F.J. The Frontier in American History. – New York : H. Holt and company, 1920. – 394 p.

Wagener A. In the melting pot: Integration, assimilation, and uniform societies // Institute of Social Policy Working Paper. – 2009. – 22 p. – URL: https://www.wipol.uni-hannover.de/fileadmin/wipol/publications/Wagener_In_the_Melting_Pot.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

USA: New Realities

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.05

Ethnoracial Composition of US Macroregions Population in the Early 21st Century: Quantitative Analysis of Intergroup Interaction

Linar R. IMANGULOV

PhD Student of the Department of Economic and Social Geography of Russia, Engineer of the Research Laboratory of Regional Analysis and Political Geography of the Faculty of Geography Lomonosov Moscow State University Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991 E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru ORCID: 0000-0001-6254-2049

CITATION: Imangulov L.R. (2024). Ethnoracial Composition of US Macroregions Population in the Early 21st Century: Quantitative Analysis of Intergroup Interaction. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 64–86 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.05

Received: 22.11.2023.

Revised: 09.07.2024.

ABSTRACT. *The article provides an assessment of the current ethnoracial composition of the US population in structural and territorial aspects based on US Census data from 2000, 2010 and 2020. To describe the model of ethnoracial development in the United States, the author introduces the index of group distance in society, taking into account intergroup marriage preferences, and the index of interracial integration of the population, based on the calculation of social distances between racial groups. Intergroup distance of racial groups is calculated on the basis of data on multiple origins of origin, as the resulting characteristics of the most important type of interaction between different groups –*

marriage. Based on the calculated values of the intergroup distance index, a diagram of the modern racial and ethnic organization of the US population is proposed, reflecting the specifics of the ethnic development of the state. Two opposing trends in the transformation of the ethnoracial structure of the US population are identified: ethnic development according to the “melting pot” principle among the representatives of the “old immigration” within racial groups and in “contact zones” and the fragmentation of society according to the “salad bowl” principle. For macroregions of the United States, in accordance with the calculated values of the index of interracial integration of the population for 2010, the prevail-

ling options for ethnoracial development are indicated in accordance with the development of assimilation processes, or, conversely, fragmentation of society. Further, based on the data from the 2010 and 2020 censuses, a quantitative assessment of the transformation of intergroup marital interaction in the macroregions of the United States was made. In conclusion, the results of the quantitative analysis of intergroup marital interaction are correlated with the potential risks of local or large-scale interracial conflicts in macroregions of the United States. The greatest risks of social and political destabilization are found the states that are part of macroregions with a low index of interracial integration and, accordingly, high social tension: the states of the Southeast and Northeast of the Center and the South Atlantic.

KEYWORDS: ethnic development, racial structure of the population, migration, social distance, mixed marriages, origin of the population, segregation of society, regions of the USA.

References

- Advani A., Reich B. (2015). Melting Pot or Salad Bowl: The Formation of Heterogeneous Communities. *IFS Working Papers*. No. W15/30, 49 pp. DOI: 10.1920/wp.ifs.2015.1530.
- Berray M.A. (2019). Critical Literary Review of the Melting Pot and Salad Bowl Assimilation and Integration Theories. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. Vol. 6, no. 1, pp. 142–151. DOI: 10.29333/ejecs/217.
- Chertina Z.S. (2000). *Melting Pot. Paradigms of Ethnic Development in the USA*. Moscow: Institute of World History of the RAS, 163 pp. (in Russian).
- Daragan N.Ya. (1984). The ratio of ethnic and religious communities in the USA. *Soviet Ethnography*. No. 1, pp. 60–72 (in Russian).
- Etnologiya... (1989). Veselkin E.A., Tishkov V.A. (eds.). *Ethnology in the USA and Canada*. Moscow: Nauka, 330 pp. (in Russian).
- Glazer N., Moynihan D. (1994). *Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City*. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 363 pp.
- Gordon M.M. (1964). *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins*. New York: Oxford University Press, 287 pp.
- Kelman Yu.F. (2014). Geographical analysis of the ethnocultural diversity of the US population. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya Geografiya*. No. 5, pp. 22–29 (in Russian).
- Lichter D.T. (2013). Integration or fragmentation? Racial diversity and the American future. *Demography*. Vol. 50, no. 2, pp. 359–391. DOI: 10.1007/s13524-013-0197-1.
- Lurie S.V. (2018). Interethnic marriages in the modern Russian national scenario. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 10, pp. 122–148 (in Russian). DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077.
- Lykke L.C., Rendall M.S. (2017). Interracial and Inter-ethnic Marriage and Co-habitation and Self-Rated Health. *Maryland Population Research Center Working Paper*. No. 009, 46 pp.
- Palmer H. (1976). Mosaic versus Melting Pot?: Immigration and Ethnicity in Canada and the United States. *International Journal*. Vol. 31, no. 3, pp. 488–528.
- Smirnyagin L.V. (1989). *Regions of the USA: A Portrait of Modern America*. Moscow: Mysl Publ., 232 pp. (in Russian).
- Smith D.M. (2012). The American melting pot: A national myth in public and popular discourse. *National Identities*. Vol. 14, no. 4, pp. 387–402. DOI: 10.1080/14608944.2012.732054.
- Soroko E.L. (2014). Ethnically mixed married couples in the Russian Federation. *Demographic Review*. No. 4, pp. 96–123 (in Russian). DOI: 10.17323/demreview.v1i4.1804.

Travkina N.M. (2011). Modern demographic trends in the USA (results of the 2010 census). *USA and Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 12, pp. 3–24 (in Russian).

Turner E.J. (1920). *The Frontier in American History*. New York: H. Holt and company, 394 pp.

Wagener A. (2009). In the melting pot: Integration, assimilation, and uniform societies. *Institute of Social Policy Working Paper*. 22 pp. Available at: https://www.wipol.uni-hannover.de/fileadmin/wipol/publications/Wagener_In_the_Melting_Pot.pdf, accessed 10.10.2023.

Российский опыт

УДК 323(470+571)

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.06

О «догоняющей» модели самосознания России как цивилизации

Виталий Владимирович АВЕРЬЯНОВ

доктор философских наук, главный научный сотрудник

Государственный академический университет гуманитарных наук

Мароновский пер., д. 26, г. Москва, Российская Федерация, 119049;

заместитель председателя

АНО «Изборский клуб»

Фрунзенская наб., д. 18, пом. VII, г. Москва, Российская Федерация, 119146

E-mail: v-aver@mail.ru

ORCID: 0009-0009-2257-4789

ЦИТИРОВАНИЕ: Аверьянов В.В. О «догоняющей» модели самосознания России как цивилизации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 87–104.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.06

Статья поступила в редакцию 16.10.2024.

Исправленный текст представлен 26.11.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена в ГАУГН в рамках госзадания Минобрнауки России по результатам конкурсного отбора ЭИСИ, тема No FZNF-2024-0017 – «Цивилизационная идентичность в мировоззрении, ее актуализация в гуманитарном знании и образовании современной России» (1024030400134-0-6.5.1).

АННОТАЦИЯ. Статья раскрывает проблему «догоняющей» модели самосознания и «запаздывающей» мировоззренческой рефлексии в связи с историческим понятием псевдоморфоза, предложенным Освальдом Шпенглером. Проблема исследуется в оптике новой методологии традиции-цивилизации как нерасторжимого социокультурного комплекса. В статье показано, что русская философская и общественная мысль предложила две масштабные программы преодоления псевдоморфозного типа развития: поч-

венничество в XIX в. и евразийство в XX в. Создание такого рода программ представляло собой своеобразные рывки, спровоцированные кризисом идентичности. Почвенничество выдвинуло из своей среды и отстаивало оригинальную теорию цивилизаций (культурно-исторических типов) Николая Данилевского. Эта программа и система Н. Данилевского явились реакцией на поражение России в Крымской войне и крушение иллюзий европоцентризма и органичного вхождения России в семью европейских государств. В свою очередь

евразийство сформировалось как мировоззренческий ответ на каскад революций начала XX в. и продолжение на ином уровне западного псевдоморфоза в радикальной форме. Предложенные две программы были не только реактивными, но и одновременно проактивными: в них осмысливались пережитые Россией исторические травмы и в то же время строились прогнозы и сценарии будущего, давался импульс к комплексному научному изучению России как цивилизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *русская философия, русское самосознание, цивилизационная идентичность, государство-цивилизация, культурная традиция, почвенничество, евразийство, псевдоморфоз, вестернизация.*

Введение

Цивилизационное самосознание и цивилизационная идентичность – сравнительно новый ракурс рассмотрения мировоззренческой проблематики, хотя он и наследует большому корпусу штудий по изучению национальных типов самосознания, национальных картин мира. Новизна и сложность этой постановки вопроса связана, в частности, с тем, что «цивилизационное самосознание» исторически созревает позже «национального самосознания», а также с тем, что само постулирование теории цивилизаций в науке произошло позднее, чем утвердился дискурс о национальной культуре и субъектности народов как акторов исторического процесса. К тому же и после возникновения теории множественных цивилизаций она еще долгое время в нескольких своих разновидностях пробивала себе дорогу и добивалась признания.

В этом отношении сегодня происходит существенный перелом, и он связан с процессами «деколонизации»

в общественных науках. Симптомом такого перелома стал повышенный интерес к проблематике «государств-цивилизаций», или «цивилизационных государств» [Багдасарян, 2009; Coker, 2019; Zhang Weiwei, 2012; Jacques, 2013].

Сегодня эта тенденция крайне актуальна еще и потому, что она начинает использоваться самими государствами (в первую очередь Китаем, Россией, но также о самоидентификации «цивилизационного государства» говорят и в отношении стран Европейского союза (ЕС), США, Индии, Ирана, Турции, Бразилии и др.) [Спиридонова, Соколова, Шевченко, 2016].

В последнее время стал также популярен тезис о национальной идентичности и политических нациях как о преимущественно инструментальном конструкте, использовавшемся долгое время в качестве средства завуалированного включения тех или иных стран в транснациональные порядки. Во всяком случае подобное манипулятивное использование идеологием «национального государства» констатируется в отношении целого ряда стран Ближнего Востока, арабских стран [Maçães, 2020; Спиридонова, Соколова, Шевченко, 2016, с. 30].

В этом контексте постановка вопроса о цивилизационной идентичности изначально лишена подобных ассоциаций, поскольку она осуществляется под знаком ресуверенизации больших геостратегических единиц (государств, религиозных и социокультурных традиций – при этом понятие «цивилизации» используется как обобщение весьма разнообразных, а иногда и разнопорядковых сообществ).

Настоящая статья входит в круг работ по новому исследованию и переосмыслению мировоззренческого наследия России как цивилизации (см. посвященный этому доклад Изборского клуба [Мировоззрение..., 2024]).

Под цивилизацией в нашем исследовании имеется в виду предельно крупная социокультурная общность, геостратегическая система, включающая разнообразные языковые, этнокультурные, религиозные, политические и экономические подсистемы, в том числе номинально выходящие за географические и правовые границы, непосредственно связанные с институтами данной цивилизации.

Единство цивилизации определяется такими факторами, как своеобразные ландшафтно-климатические черты пространства ее активности, единство и глубокая взаимосвязь исторических судеб входящих в нее социокультурных общностей, сближение психологических установок, ценностей и картин мира представителей этих общностей, обусловленное их комплементарностью, исторический процесс формирования единой цивилизационной картины мира, то есть системы цивилизационных кодов, свойственных всем носителям цивилизационной идентичности. (При этом дабы избежать апелляции к бессознательным, трудно уловимым аспектам цивилизационной идентичности, главным критерием ее реального обнаружения мы полагаем способность цивилизации порождать продукты общекультурного самосознания, такие как оригинальные мировоззренческие системы, «осевые» художественные творения, символы и принципы, определяющие и задающие ход развития многих сфер жизни и порядок социально значимой деятельности внутри конкретной цивилизации.) В нашем понимании трактовка духовно-культурного творчества как явления цивилизационного крайне важна – в этом аспекте мы расходимся со многими теоретиками-цивилизационистами, которые стремятся вынести духовные, ментальные и мировоззренческие явления за пределы

цивилизационного уровня социальных взаимодействий. Ниже мы остановимся на методологических предпосылках нашего подхода – теории традиции-цивилизации.

Россия как цивилизация обладает своеобразным набором уникальных характеристик, о которых мы подробно говорим в указанном выше докладе Изборского клуба. Интегральное, опирающееся на многолетний анализ понимание русской цивилизации позволяет указать на следующие характеристики.

1. В геокультурном плане это цивилизация евразийская (в чисто географическом понимании – северо-евразийская, однако евразийство в русском мировоззрении превратилось в самостоятельный концепт, далеко вышедший за рамки чисто географических привязок).

2. Это поликультурный мир со стержневым положением в нем русской культуры (отчего понятие «русский» приобретает помимо этнокультурного также и свойства цивилизационного маркера – «Русский мир» как синоним понятия «Мир – Россия», «русская культура» как традиция-лидер или «великая традиция» в терминологии А.С. Панарина [Панарин, 1997, с. 150]). Для России было характерно то, что этнокультурные меньшинства допускали обозначение себя как «русских меньшинств», а не только «российских», несмотря на попытки в постсоветской России разведения словоупотребления в соответствии с принципами конструктивизма в национальной политике.

3. Россия – поликонфессиональная цивилизация с православно-христианским ценностным ядром и со своими, весьма устойчивыми стандартами веротерпимости.

4. Это и многоязычная общность с русским языком как средством межнационального общения, а также

как языком-носителем одного из самых богатых «архивов» мирового опыта с высочайшей культурой перевода со многих языков.

5. Также это многоукладная геоэкономическая и хозяйственно-правовая система.

6. В основе России как цивилизации (Русского мира, русского цивилизационного ареала) лежит государственная традиция, исторически сменявшая несколько различных образований «имперского» типа, как правило, препятствующих попыткам геополитической монополизации (установления форматов «мирового господства»)¹ и таким образом выступающих стимулирующей силой и катализаторами многополярного мироустройства.

Задачу данной статьи автор видит прежде всего в том, чтобы раскрыть идею цивилизационной эстафеты, которая уже не менее полутора веков осуществляется в пространстве русского мировоззрения, в первую очередь социально-философского. Преодолевая сопротивление среды, русские мыслители – творцы цивилизационной идеи – как будто «суживают круги» и приближаются к моменту исторической зрелости. Отстающая, запаздывающая рефлексия российского общества, его политических и интеллектуальных элит всё ещё остается нашей острой проблемой, но через осмысление путей русской цивилизационистики роковая дистанция сокращается.

Традиция-цивилизация как методологический подход

По своему содержанию цивилизационная идентичность является социокультурной. Данное методологическое замечание в нашем понимании ведет

к такому существенному следствию: понятие-бином «социокультурное» обозначает органическую целостность, комплексность слагаемых факторов, а не их простое сложение. По формуле М.С. Кагана, любые общественные институты и явления – суть творения культуры по их форме, тогда как общество выступает содержанием социокультурной сферы [Каган, 2003, с. 47]. Из этого следует, что цивилизация по своей природе и способу осуществления всегда привязана к конкретной культурной традиции, и лишь со временем отдельными своими составляющими она может вступать на путь трансфера в другие культурные зоны, отделяясь от материнской культурной традиции.

Используемый нами метод складывается как междисциплинарный, задействуя результаты исследований в области философии, теории культуры, культурологии, сравнительно-исторических исследований, теории систем и синергетики, кибернетики и в определенном плане генетической биологии, параллели с которой в теории социокультурного наследования уже давно стали чем-то существенно большим, чем источник для научных метафор (примеры можно найти в творчестве Ю.М. Лотмана, Э.С. Маркаряна, А.И. Ракитова). В результате сегодня стали уже общераспространенными представления о культурном коде, социокоде, цивилизационном коде, ДНК человеческого общества и т. п.

В русле методологии цивилизации как социокультурного феномена мы предложили обозначать **предельный по масштабу комплексный социальный субъект термином «традиция-цивилизация»**. *«Двойственная структура этого понятия (сочленение*

1 В терминологии Н.Я. Данилевского эта миссия России получила название «миродержавие».

сферы традиции и сферы цивилизации) означает, что в нее входит весь комплекс цивилизационных явлений, включая технику, материальное производство, быт и т. д. Традиция-цивилизация – это «полная традиция» плюс все ее атрибуты и всё оснащение, необходимое для существования на земле» [Аверьянов, 2012, с. 96].

Речь идет о максимально развернутой традиции-системе, хотя у нее есть «конкурент» в виде крупномасштабных религиозных традиций-систем, в первую очередь так называемых мировых религий. Внутри цивилизационной системы как целого сакрально-культурная традиция выступает в качестве формообразующего ядра, внутреннего измерения всей системы. Неготовность признать это в цивилизационистике (к примеру, у многих авторов мир-системного анализа) приводит к размытости в понимании цивилизации, в которой не усматривается никакой порождающей модели, кроме пестрого множества причин и факторов, всевозможных источников технологических, экономических и культурных инноваций. В такой «перевернутой» картине цивилизация оказывается зависимой не от внутренних генетических источников и движущих сил ее развития, а от активности во внешней сфере, «контактов между цивилизациями», влияний, распространения цивилизационного опыта в духе примитивного диффузионизма и т. д. Субъектность выносится вовне, а сами цивилизации превращаются в пассивных получателей внешних импульсов. Этот подход оказывается наиболее удобным для отстаивания доктрины трансграничной глобализации, интерпретации истории человечества как линейного процесса разрастания космополитической эйкуменической «срединной цивилизации» и т. п.

Между тем в нашем понимании актуально действующая традиция-циви-

лизация является не специфическим способом достижения определенного уровня абстрактной цивилизованности, а конкретной системой культуры, которая по-своему специфично развивается. Сама направленность развития обществ не предопределена, вариативна. По выражению выдающегося отечественного культуролога М.К. Петрова, внешний наблюдатель вряд ли имеет право подходить к чужой культуре «с мерками других социокодов как к проявлению неразвитости»: «Вопрос здесь, похоже, не в том, как далеко они прошли по дороге развития, а в том, по какой дороге, куда, в какую развитость шли» [Петров, 2004, с. 99].

«Догоняющая» модель самосознания

Выдающегося отечественного мыслителя В.В. Розанова можно назвать прямым учеником К.Н. Леонтьева (как цивилизационного философа), а также учеником Ф.М. Достоевского (отчасти и в плане идейной преемственности, но главным образом как писателя, творца своеобразного жанра дневниковых эссе, у Розанова – его публицистики и особого жанра, названного им «листва»). Имея таких предшественников, Розанов был избавлен от необходимости строить собственную цивилизационную теорию. При этом он развивал и уточнял многие их положения, в том числе разрабатывая и весьма оригинальные идеи. Именно ему принадлежит одна из самых ярких и афористически лапидарных версий разработки концепта «догоняющего» самосознания, о котором идет речь в настоящей статье. Идея эта явилась Розанову в форме своего рода ретроспективной утопии. В очерке «1812–1814 годы и их возможное идейное значение» (1912) Розанов сосредоточился на анализе духовно-куль-

турных последствий борьбы России с Наполеоном. При этом он в манере межцивилизационных аналогий описал ее как «героическую борьбу юного народа со старыми цивилизациями», наподобие борьбы Александра Македонского с Персией Дария (вызывающая метафора для русских западников, которые во многих случаях предпочли бы трактовать смысл этой войны противоположным образом). В итоге «победитель заразился от побежденного началами его духа и цивилизации. Мальчик бросился жадно и любопытно на старческие сладости и пороки, на старческую мудрость, на старческую расслабленность и изнеженность. <...> Русский мыслитель ничего не вывел из этой победы, не сумел с нею справиться...» И далее Розанов разворачивает свою ключевую идею: «Славянофильство запоздало родиться на тридцать лет: а если бы оно родилось одновременно с 12-м годом, как духовный плод физических усилий, мы, очевидно, не имели бы декабристов, Герцен не отправлялся бы в эмиграцию, русские вместо запоздалой Государственной Думы имели бы уже к поре освобождения крестьян Земский Собор с плеядой великих умов и характеров того времени. Едва я назвал эти факты, как всякий почувствует, до чего запоздалость славянофильства имела действительно роковые последствия – общественные и государственные. Между тем славянофильство уже было дано в 1812 г. «Записка о древней и новой России» Карамзина была первым движением сюда, увя, не получившим дальнейшего развития». [Розанов, 2006, с. 190].

Заметим сразу, что апелляция к «Записке о древней и новой России» Карамзина действительно имеет в этом контексте глубокий смысл. «Записка» русского

писателя и историка, пришедшая не ко двору и оставшаяся сиротливым памятником почти затворнической общественной мысли, не опубликованным далее в течение многих десятилетий², действительно опережала свое время. Тем не менее, по мысли Ю.С. Пивоварова, карамзинская «Записка» с содержащимися в ней интуициями и предславянофильским пафосом «каким-то непостижимым образом» влияла и на Гоголя периода «Выбранных мест из переписки с друзьями», и на мировоззрение Л.Н. Толстого, и на другие русские умы, вплоть до Розанова и новой эпохи [Пивоваров, 1991, с. 15].

Точность розановской гипотезы состоит в том, что «догоняющая рефлексия» в интеллектуальном слое России должна была догнать не мифическую «передовую цивилизацию», а нечто иное – самое себя. Речь тут вообще идет не об относительной «отсталости» России, а о ее «крепости задним умом», ее медленной раскатке в связи с новыми историческими вызовами, как правило, связанными с внешней агрессией в силовой либо же в «гибридной» форме. Другой аспект этого же «самоотставания» – попытка привести самосознание в соответствие с генетически заданной программой развития России, которая была тем или иным образом нарушена вторжением неблагоприятных обстоятельств (задержка в естественном развитии из-за катастроф, нашествий, острого конфликта между цивилизациями, Смутное время, отбросившее общество и государство назад и возвратившее их к решению уже, казалось бы, решенных задач, наконец, «псевдоморфозные» формы развития, связанные с добровольным принятием чужих цивилизационных влияний).

2 Попытка П.И. Бартечева в 1870 г. полностью опубликовать «Записку» привела к вмешательству цензуры и уничтожению тиража. В итоге первую полную публикацию ее удалось осуществить только в 1900 г.

Догонять себя в области самосознания – значит сместить мировоззренческий центр в направлении к центру тяжести традиции-цивилизации. Россия догоняла исторически тот образ самоописания, который позволил бы ей не только на уровне военно-силового, но и мировоззренческого, культурного, идейного противостояния подняться вровень с вызовами цивилизационного характера, то есть такими вызовами, которые ставят под вопрос существование и своеобразное развитие традиции-цивилизации.

Эта дистанция между текущим уровнем самосознания и образом самоописания и самопроектирования, требуемым интересами цивилизации, всякий раз существенно сокращалась во время исторической встряски – то были своего рода «рывки», спровоцированные кризисом идентичности. В настоящей статье мы касаемся двух таких узловых рывков: почвенничества, возникшего во многом как реакция на Крымскую войну и евразийства, сформировавшегося как мировоззренческий ответ на каскад революций начала XX в.

Почвенники выдвинули на арену общественной мысли и горячо поддержали Н.Я. Данилевского, творца первой в мире масштабной цивилизационной теории, изложенной в его эпохальном труде «Россия и Европа». Сам этот труд был несомненно выстрадан как результат поражения России в Крымской войне и был выражением болезненной метаморфозы в настроениях российской обществу по поводу крушения в нем европоцентристских иллюзий. Так, на почве переоценки ценностей России, стремившейся ранее

органично влиться в «концерт» европейских держав и получившей «отворот поворот», и родилась российская цивилизационистика, вклад в которую внесли все основные почвенники, а затем также К.Н. Леонтьев, создавший свою, византистскую, версию теории России-цивилизации.

Еще более радикальный рывок в самосознании России как цивилизации произошел после 1917 г. Евразийство явилось наиболее масштабным и целенаправленным результатом этой рефлексии на почве цивилизационного самосознания. До сих пор недооцененный вклад евразийцев в наше самосознание, несмотря на всю популярность евразийских идей в постсоветской России, состоит в том, что они предложили и начали реализовывать проект системного, комплексного осмысления, научного и философского. Эта сформулированная ими задача до сих пор стоит перед нами как важнейшее требование времени.

При этом нельзя утверждать, что цивилизационная идея не развивалась бы без потрясений. Ни учения Данилевского и Леонтьева, ни представления Страхова и Достоевского, ни тем более евразийская «вспышка сверхновой» на небосклоне русского интеллектуального творчества не были ситуативными. Они были реактивными и проактивными одновременно: осмыслявшими и пережитые Россией травмы, и в то же время предопределявшими будущее развитие и выдававшими потрясающие прогнозы³. Безусловно, эти рывки в самосознании были предвосхищаемы многими гениями и мыслителями предшествующих

3 Трудно не согласиться с А.А. Галактионовым, увидевшим в Сталине с его книгой «Марксизм и национальный вопрос», со многими чертами его политики в военные и послевоенные годы, преемство по отношению к Н.Я. Данилевскому, тогда как «законы культурно-исторических типов совпадают по смыслу с признаками нации, названными Сталиным через 40 лет после выхода в свет книги "Россия и Европа"». [Галактионов, 1993, с. 33]. О прогностическом даре К.Н. Леонтьева не будем здесь говорить, поскольку об этом уже немало написано исследователями.

эпох. Но потрясения всегда служили могучим толчком для общественного самосознания, они резко увеличивали остроту высказываемых провидцами идей и приближали эти идеи к «среднему уровню» образованных сословий русского общества.

В чем же суть «догоняющей» модели?

Она не в том даже, что русское мировоззрение своевременно не создает достойные продукты, адекватные духу времени и ставящие вопросы, располагающие к правильной постановке России как целого и в мире, и по отношению к самой себе (культурное, цивилизационное самосознание, модели коллективной идентичности). Проблема в разрыве между передовыми мыслителями цивилизационного самосознания и основной массой интеллигенции, политического и управленческого класса, застревающих в парадигме псевдоморфоза.

Русский псевдоморфоз

Приближение России к цивилизационному типу самосознания началось с древних времен, хотя и вышло оно на концептуальный уровень лишь в XIX столетии. Признаки цивилизационного самосознания можно усматривать уже при самом зарождения русской мысли (в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона), в таких творениях, как доктрина о Третьем Риме, свидетельствующая не столько о продолжении Русским государством старых империй как таковых (*translatio imperii*), сколько о сакральной миссии, переходящей к царствам-наследникам. Это же касается ясно выраженных в посланиях и высказываниях царя Ивана IV Грозного представлений о суверенности России и как государства, и как хранительницы «истинной веры».

Духовно-мировоззренческий кризис XVII в. с церковным расколом

и фактическим унижением национального образа религиозности и святости перед лицом признанной более аутентичной «греческой традиции» сам был симптомом глубокого коллапса Смутного времени, до конца не изжитого. Травматизм XVII в. выразился в дезориентации Церкви, ее ослаблении (за весь этот век было канонизировано святых меньше, чем в предыдущие века прославлялось за одно-два десятилетия). Петровские реформы с их игнорированием старого мировоззренческого уклада в этом смысле имели для себя хорошо подготовленную почву. И только в XIX столетии начался процесс восстановления сбалансированных форм общественного самосознания.

Еще до Данилевского идеи цивилизационного взгляда на мир и на свою собственную страну (в духе будущих теорий локальных цивилизаций и многолинейной социальной эволюции) начинают звучать у таких мыслителей, как Александр Герцен, Аполлон Григорьев, а также Николай Страхов, который прямо заявил о «нашей русской цивилизации» как о «другой цивилизации», а не «азиатском варварстве» [Страхов, 2010, с. 45].

Еще ранее у Петра Чаадаева, которого нередко называют предшественником западничества, недвусмысленно звучат мотивы о Западе как целостной цивилизации, чуждой России. При этом Чаадаев хотя и симпатизирует католицизму и говорит в 7-м философическом письме о желательности отождествления русского ума с Европой, однако же сам не верит в эту перспективу, что радикально отличает его от большинства позднейших русских западников. Именно Чаадаев поставил диагноз дефицита цивилизационного самосознания и, что редко отмечают, для него, как особенно чуткого мыслителя, было свойственно восприятие разных культурных миров как самостоя-

ятельных цивилизаций. Также и Россию он называет не иначе как «наша своеобразная цивилизация» (в скорбной интонации, но без тени иронии, что подтверждается и развитием его мыслей в других произведениях) [Чаадаев, 1991, с. 402, 323].

Немаловажно отметить, что интуиция великой будущности России как самостоятельного мира звучала и у классиков немецкой философии, в частности у И.Г. Гердера, видевшего в славянах силу, идущую на смену стареющей Европе, а Россию называвшего державой, «с самого своего основания шедшей иными, особыми путями по сравнению с западными государствами Европы» [Гердер, 2018, с. 613].

В свою очередь Г.Г. Гегель в одном из писем русскому другу высказывал такую мысль: «Другие современные государства как будто бы уж более или менее достигли цели своего развития; быть может, кульминационный пункт некоторых из них находится уже позади, и форма их приобрела постоянный характер, тогда как Россия, будучи уже, пожалуй, наиболее мощною силою среди остальных государств, заключает в своих недрах неограниченную возможность развития своей интенсивной природы» [Фишер, 1933, с. 90–91].

Рождение цивилизационной теории в России XIX в. является крайне важным, конститутивным для нашего самосознания фактом, породившим своего рода эстафету русской цивилизационистики, в контексте и в динамике которой мы до сих пор живем и развиваемся. Всё самое глубокое и ценное, что породила отечественная философская и общественная мысль за полтора столетия, было связано не с космополитическими иллюзиями и не с переживанием и осмыслением дихотомического парадокса «промежутка» между Западом и Востоком, самовоспроизводящегося раздвоения,

«расколотого общества» и т.п., а с выявлением, открытием и обоснованием своеобразных кодов Русской цивилизации (причем эти открытия не всегда осуществлялись целенаправленно и осознанно, а зачастую косвенно, но это не отменяет их ценности и значения в сокровищнице русского мировоззренческого канона, который продолжает формироваться).

Термин «псевдоморфоз», введенный Освальдом Шпенглером, завоевал видное место в социально-исторических изысканиях. Под псевдоморфозом понимается конфликт культурных и когнитивных кодов верхних и нижних слоев данного общества, связанный с подавляющим влиянием чужой, более мощной и сложной культуры. Страницы о псевдоморфозе в главном труде Шпенглера посвящены во многом именно русскому примеру: петровским преобразованиям и той вестернизации, которая, по мнению философа, продолжалась и далее, воспроизводясь с новой силой уже в большевистской революции (большевики, полагал Шпенглер, – «прямые потомки» Петра Великого, продолжатели его дела) [Шпенглер, 2014, с. 650–655].

Шпенглер представил дело весьма драматично: это был, по его утверждению, «псевдоморфоз, втиснувший первобытную русскую душу в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия. <...> Примитивный московский царизм в Петербурге был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы. <...> Народу была навязана искусственная и неподлинная история» [Шпенглер, 2014, с. 651].

Шпенглер не отказывал России в недюжинном потенциале: помимо сил, олицетворяющих псевдоморфоз, он усматривал в ней и ростки нового, в частности, в фигуре Достоевского он видел тот новый тип христианства, ко-

торый «принадлежит будущему тысячелетию...» [Шпенглер, 2014, с. 655].

При построении своей концепции псевдоморфоза немецкий мыслитель настойчиво использует ту же историко-софскую аналогию, что и до него Розанов в приведенной нами выше цитате, только с обратным знаком. Петровская реформа с насаждением европейских форм и институтов на русской почве рассматривается Шпенглером как буквальный аналог эллинистического влияния на Ближнем Востоке в эпоху после Александра Македонского.

Практически одновременно с трудом Шпенглера в России зарождается теория, близкая его концепции псевдоморфоза. Ее автор, молодой мыслитель и языковед князь Н.С. Трубецкой, будущий отец-основатель евразийства, в течение нескольких лет вынашивает и создает текст своей программной работы «Европа и человечество», прославившей позднее как катехизис евразийства. То что у Шпенглера называется псевдоморфозом, у Трубецкого также вырастает вокруг рефлексии о петровских преобразованиях – и он создает теорию «неорганической эволюции» («скачущей эволюции»), применяя ее помимо российского случая ко всем явлениям, связанным с вестернизацией западных обществ. Пафос Трубецкого, заданный революционными событиями, идет гораздо дальше его предшественников. Речь у него идет не просто о выходе России из «неорганической эволюции», освобождении ее от псевдоморфоза (этот термин Трубецкой, естественно, не употребляет, поскольку с трудом Шпенглера он познакомится позднее), но и о революции в мировоззрении нероманогерманских народов, о стратегии пробуждения самосознания и суверенного взгляда на мир в западных странах [Письма..., 2004, с. 12–13]. Само название своего труда «Европа и человечество»

Трубецкой осознанно сформулировал как своего рода рифму к знаменитому труду Данилевского «Россия и Европа» – как следующий шаг в том, что мы предлагаем здесь называть цивилизационной эстафетой русского самосознания.

Возвращаясь к внутрисоссийской проблематике, следует отметить, что она попала в поле зрения многих выдающихся разработчиков цивилизационной теории XX в., тем более что Шпенглер сумел весьма талантливо обратить внимание многих коллег на драматизм русской истории и русский псевдоморфоз.

Так, Арнольд Тойнби, говоря в 9-м томе «Постижения истории» о петровских реформах, отмечал, что это был «первый пример добровольной самовестернизации западной страны», однако «Запад так и не оказал глубокого влияния на жизнь и культуру России» [Тойнби, 2003, с. 48, 49]. Говоря о после-революционной России, Тойнби также далек от шпенглеровского максимализма и утверждает, что Россия получила «иностранный иротианский идеологию, чтобы использовать ее как движущую силу в проведении зилотской политики культурной самодостаточности» [Тойнби, 2003, с. 51, 52].

Один из выдающихся аналитиков мир-системного подхода Фернан Бродель в своих капитальных обзорных трудах по истории мировых цивилизаций в размышлениях о России продемонстрировал определенную двойственность и неуверенность – он колеблется между обманчивой европеизированной формой Российской империи после Петра и интуитивно улавливаемой самостоятельностью русского культурного мира. Для Броделя решающее значение имеют всё же экономические и технологические линии развития, и здесь он предлагает формулу «Россия – “другая Европа”»

имевшая “тесную связь с Западом”». [Бродель, 2008, с. 500].

С одной стороны, Бродель причисляет Россию к большой Западной цивилизации наряду с собственно Европой, «Американской» (США) и «Латиноамериканской» малыми цивилизациями. В то же время он неоднократно подчеркивал, что Россия – нечто среднее между Востоком и Западом, что Россия вообще долгое время была отдельной мир-экономикой. Он отмечает очень сильную «аккультурацию» со стороны Европы по отношению к России, которая «изменила образ жизни и образ мыслей не только аристократии, но и определенного слоя русской буржуазии и всей интеллигенции, которая тоже строила новую Россию. Философия Просвещения, обошедшая всю Европу, наложила глубокий отпечаток на русские правящие интеллектуальные круги» [Бродель, 1992, с. 455, 456].

Его инструментарий не настроен на изучение тех сфер, где и следует искать разгадку «русского сфинкса», а это не столько сферы технологии и хозяйственной инфраструктуры, в которых русские охотно заимствуют чужие достижения, но те сферы традиции-цивилизации, которые располагаются ближе к ее духовно-культурному ядру.

Для Уильяма Мак-Нила в его культурном труде «Восхождение Запада» вопрос о России как цивилизации как будто и не стоял. До определенного момента Россия у него – это варварские княжества, затем, когда она попадает в поле передовой цивилизации, появляются ее начатки. Наконец, она превращается в окраину Запада, «полузападное государство». При этом автор без всяких сомнений говорит о «великих азиатских цивилизациях» (Китае, Индии, Персии, Турции) [Мак-Нил, 2004, с. 789]. Правда, в поздних статьях Мак-Нил всё же признает, что Россия может рассматриваться как самосто-

ятельная цивилизация. Тем не менее трудно избавиться от чувства двусмысленности в отношении границ между цивилизациями у этого автора.

Вслед за Шпенглером Мак-Нил очерчивает глубину российского псевдоморфоза: он допускает сравнение русской гвардии XVIII в. с янычарами, подчеркивая чуждость верхушки петровской империи народу, говорит о разрушении культурной самобытности.

Парадоксальным образом Мак-Нил видит в этой ситуации псевдоморфоза силу России, которая через какое-то время вынуждена встать на путь «воссоздания культурной вселенной», причем это не было уже ни подражанием Западу, ни простым повторением допетровских форм сознания, а в чем-то и опережением самого Запада: «В то время как западноевропейцы еще не сомневались в прирожденном превосходстве своего культурного наследия, поколение русских интеллектуалов времен Достоевского нашло невозможным легко и автоматически принять какую-то одну культурную вселенную. <...> Русская литература XIX в. отразила превосходство и недостатки этой ситуации, как и нашей собственной, предвосхитила многие характерные особенности западной литературы XX в.» [Мак-Нил, 2004, с. 969].

Следующий в фарватере мак-ниловской концепции цивилизаций отечественный автор Ю.Л. Слезкин пишет о глубокой провинциальности западной глобализации, в которой при включении голосов внутренних меньшинств и иммигрантов в общеупотребимый культурный канон отсутствуют вершинные творения других цивилизационных канонов, такие как «Рамаяна», Коран или «Шахнаме». Что же касается России, исключительность ее положения в мире Слезкин объясняет тем, что она «не просто триста и более лет

жила с оглядкой на Европу. Россия триста и более лет жила общей с Европой интеллектуальной и духовной жизнью. Запад может, пусть с трудом, отменить Россию. Россия безнадежно осиротееет без Гамлета, Дон Кихота, Д'Артаньяна» [Слезкин, 2023].

Никто и не ставит вопрос об «отмене» в России культуры Запада – риск «осиротеть» в данном случае повисает в воздухе. И в случае длительного конфронтационного противостояния между цивилизациями западный культурный канон претерпит гораздо больший ущерб, чем канон русский. К тому же в России благодаря трехвековому псевдоморфозу сложился явный перекоп и дисбаланс в культурном тезаурусе в пользу Запада, тогда как плоды иных цивилизаций (включая Индию, Иран, Китай, Арабский мир) представлены в нашей культуре гораздо слабее. У России появляется шанс исправить этот дисбаланс и стать одной из самых восприимчивых (по Достоевскому, «всемирно отзывчивых») культур не только по отношению к Западу, как это было до сих пор, но и ко всем остальным.

Две программы преодоления состояния псевдоморфоза

Масштаб и глубина русского псевдоморфоза остаются дискуссионной темой. Более того, степень вестернизации России, ее взаимопроникновения с Западом не просто вызывает споры, но и, как видим, свергает исследователей в недоумение и приводит к диаметрально развернутым выводам.

Россия как будто таит в себе некий секрет, некоторую неясность относительно того, как же она на самом деле относится к Западу, насколько она на том или ином этапе своего развития самоотжествляется с ним ментально и духовно. (Вопрос о технологической и бытовой зависимости, привлекатель-

ности модного западного образа жизни – это всё же несколько иной вопрос.)

Мысль о способности устроить жизнь «как на Западе» чаще всего оказывается неким элементом наивной картины мира у представителей образованного или полуобразованного класса. Красноречиво сказано об этом у Достоевского в «Дневнике писателя»: «Нужна-де только европейская формула, и всё как раз спасено; приложить ее, взять из готового сундука, и тотчас же Россия станет Европой, а рубль талером. Главное, что приятно в этих механических успокоениях, – это то, что думать совсем не надо, а страдать и смущаться и подавно. <...> Чего думать, чего голову ломать, еще заболит; взять готовое у чужих – и тотчас начнется музыка...» [Достоевский, 2010, с. 763–764].

Однако эта «наивная картина мира» функционировала не только в головах светских «говорунов» и газетных публицистов, но и в среде чиновничества, и в предпринимательском классе, и в сфере высокого искусства. Псевдоморфоз поэтому носил не поверхностный, а глубокий и, можно сказать, всеобъемлющий характер. Причем если во времена Достоевского он мало задевал жизнь народных масс, то советская («большевистская») версия псевдоморфоза, пусть и в политически антизападной упаковке, затрагивала уже широкие слои населения. Однако рассмотрение специфики советского псевдоморфоза выходит за рамки данной статьи.

Великий советский композитор Г.В. Свиридов в ретроспективе оценивал преобразования в сфере музыкального искусства в XIX в. как осознанное внедрение элементов псевдоморфоза. Он указывал на то, что создание в России первой консерватории по западному образцу А. Рубинштейном исходило из предпосылки о «дикой, варварской, музыкально необразованной стране».

Это не могло не восприниматься лучшими композиторами того времени (круга «Могучей кучки») как несправедливость и оскорбление их национального достоинства человеком, который «Россию не знал и не имел желания узнать» [Свиридов, 2017, с. 226–227].

Разработка теории особых цивилизаций стала одним из главных конституирующих актов самосознания России как исторического целого. С этого момента мы можем говорить об эстафетном характере русской цивилизационной идеи, включающей большой спектр теорий и подходов, тем не менее интимно связанной с задачами самопознания России. По существу, русское мировоззрение дало две крупные программы преодоления западного псевдоморфоза, два связанных между собой узла эстафетной цивилизационной идеи.

Первый такой узел – почвенники и среди них Данилевский как создатель учения о культурно-исторических типах. Второй узел – евразийцы и Н.С. Трубецкой с учением о типах социальной эволюции. Сегодня мы можем говорить о том, что эта эстафета передана ими в нашу эпоху, и сейчас завязывается третий узел цивилизационной идеи России, который призван разрешить пока еще не решенные вопросы.

Почвенничество осуществило парадигмальный синтез различных мировоззренческих направлений внутри российской интеллигенции, вобрав в себя многие черты славянофильства, западничества, официального консерватизма. Это также и впитывание многих идей народничества и фокусировка их в новом почвенническом фокусе, что особенно плодотворно получилось у Достоевского.

В свою очередь Н.Н. Страхов в полемике с В.С. Соловьевым по поводу концепции культурно-исторических

типов Данилевского (полемика велась в 1888–1890 гг.) предостерегал от того, что на практике универсалистские теоретические модели, страдающие избыточной абстрактностью, неизбежно ведут к торжеству унификационизма, стиранию культур до состояния безликости. Любопытно, что почвенники не отрицали задачи, которые ставили сторонники универсалистских проектов (тот же Достоевский и сам был универсалист), однако они хорошо видели, что этот потенциал христианской традиции находится за пределами человеческой истории, а в истории он склонен вырождаться в свою противоположность [Страхов, 2010, с. 403–404]. Эти предостережения почвенников стали особенно понятны в наше время.

Как показали позднее евразийцы, такого рода реализация потенциала христианства не подразумевает глобализационного транснационального смешения на основе расщепления и атомизации обществ, но, напротив, вместо «обезличивания» каждый христианский народ обязан вырабатывать неповторимую культуру, «чтобы христианство оказалось воспринятым органически и интимно слилось с данной национальной психикой» [Трубецкой, 1999, с. 378–379].

Программа, предложенная Достоевским, Страховым, Данилевским и Аполлоном Григорьевым, будь она принята на вооружение Российской империей в конце XIX в., могла бы изменить ход истории. Однако и «властители дум», и широкие слои образованных классов шли совершенно в другом направлении, усугубляя раскол между разными партиями западного псевдоморфоза – сторонниками радикального революционного социализма и буржуазного либерализма. При этом в России почвенничеству было на что опереться: существовал мощный запрос в низах общества на выработ-

ку собственного, автохтонного по своему происхождению, мировоззрения и своеобразного пути. Набирали силу и сторонники консервативного народничества, и артельно-кооперативной, солидаристской самоорганизации. Но интеллигенция в целом предпочитала «легкие пути» демократизации и радикализации, без изобретения своего, без создания чего-то нового и цивилизационно своеобразного. Партия почвеннической ориентации и близкие к ней группы политически проиграли, оказавшись в явном меньшинстве.

Вторая программа преодоления псевдоморфозного характера русского самосознания – евразийство – в первые десятилетия своего развития, несмотря на явный успех в среде русской эмиграции, оказалась отрезанной от перспективы прямого воздействия на политику и государство в России, «отложенной» на потом. Ее возвращение в Россию в конце XX в. можно назвать триумфальным: благодаря усилиям Л.Н. Гумилева, В.В. Кожина, Д.М. Балашова, других популяризаторов евразийство быстро обрело вес и авторитет в обществе, вошло в политическую повестку многих постсоветских государств и структур евразийской экономической интеграции. Тем не менее и на этот раз мы вновь столкнулись с феноменом «запаздывающей рефлексии» и склонности уповать на «легкое очевидное решение». В результате мы вошли на новый 30-летний виток западнического псевдоморфоза, на этот раз разыгравшегося на российской почве, скорее, как фарс, карикатурное повторение черт предыдущих смут⁴.

В исправлении такого рода перекосов ведущая роль традиционно при-

надлежит государству – именно оно способно наверстать разрыв между цивилизационно ориентированной мыслью и общественным сознанием в целом. Для этого надо решительно избавиться от иллюзий псевдоморфозного характера, от склонности следовать усредненному обывательскому мейнстриму, который никогда не дает ответы на вопросы стратегического характера.

Сама по себе выработка зрелого типа цивилизационного самосознания, как нам представляется, способствует разрешению проблемы запаздывающей рефлексии. К этому нас подталкивает осознание того, что катастрофы 1917 и 1991 гг. были в значительной мере обусловлены неготовностью образованных слоев общества воспринять достижения отечественной мысли и науки в самоописании России как единственной в своем роде традиции-цивилизации.

Список литературы

Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. – Москва : Центральный издательский дом, 2012. – 696 с.

Аверьянов В.В. Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского? // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 95–103.

Багдасарян В.Э. Россия как государство-цивилизация // Интелрос. – 2009. – 5 с. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_17_09/11 (дата обращения: 15.09.2023).

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. – Москва : Весь мир, 2008. – 552 с.

4 Автор является многолетним разработчиком феноменологии Смутных времен в России (см.: [Аверьянов, 1996; Аверьянов, 2012, с. 622–648]), согласно которой в конце XX в. наша цивилизация пережила очередное Смутное время, острая фаза которого пришлась на 1986–2000 гг. Термины «Смутное время», «смута» приобретают в этом контексте не публицистическое, а категориальное содержание, которое постепенно завоевывает свое место в научном дискурсе.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. – Москва : Прогресс, 1992. – 679 с.

Галактионов А.А. Органическая теория как методология социологической концепции Н.Я. Данилевского // Российская социология. Межвузовский сборник. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского университета, 1993. – С. 22–35.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2018 – 760 с.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – Москва : Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.

Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга 1. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2003. – 383 с.

Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. – Киев : Ника-Центр ; Москва : Старклайт, 2004. – 1064 с.

Мировоззрение Русской цивилизации: Путь к себе. Доклад Изборского клуба под ред. В.В. Аверьянова // Изборский клуб. – 2024. – № 1. – С. 6–87.

Панарин А.С. Похищение России // Москва. – 1997. – № 1. – С. 146–157.

Петров М.К. Язык. Знак. Культура. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.

Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С. 3–15.

Письма и заметки Н.С. Трубецкого. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

Розанов В.В. Собрание соч. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина – Москва : Республика, 2006. – 436 с.

Свиридов Г.В. Музыка как судьба. – Москва : Молодая гвардия, 2017. – 795 с.

Слезкин Ю.Л. Самобытное государство-цивилизация, его соседи и родственники // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – № 4. – С. 44–55.

Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация : философско-политический анализ. – Москва : ИФ РАН, 2016. – 121 с.

Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – Москва : Институт русской цивилизации, 2010. – 576 с.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – Москва : Айрис-пресс, 2003. – 592 с.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – Москва : Аграф, 1999. – 560 с.

Фишер К. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом. – Москва – Ленинград : Соцэкономгиз, 1933. – 612 с.

Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том I. – Москва : Наука, 1991. – 800 с.

Шпенглер О. Закат Западного мира. – Москва : Альфа-книга, 2014. – 1085 с.

Coker Ch. The Rise of the Civilizational State: China, Russia and the Islamic Caliphate and the Challenge to the Liberal World bridge. – Cambridge : Polity Press, 2019. – 230 p.

Jacques M. When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. – New York : Penguin Books, 2012. – 848 p.

Mações B. The Attack Of The Civilization-State // Noema Magazine. – 2020. – 15 June. – URL: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/> (дата обращения: 21.06.2023).

Zhang Weiwei. The China Wave: Rise of a Civilizational State. – Hackensack, NJ : World Century Publishing Corporation, 2012. – 205 p.

Russian Experience

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.06

On the “Catching Up” Model of Self-awareness of Russia as a Civilization

Vitaly V. AVERIANOV

Dr. Sc. (Philosophy), Chief Research Fellow
State Academic University for the Humanities
Maronovskiy Per., 26, Moscow, Russian Federation, 119049;
Vice President of ANO “Izborsky Club”
Frunzenskaya Nab., 18, VII, Moscow, Russian Federation, 119146
E-mail: v-aver@mail.ru
ORCID: 0009-0009-2257-4789

CITATION: Averianov V.V. (2024). On the “Catching Up” Model of Self-awareness of Russia as a Civilization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 87–104 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.06

Received: 16.10.2024.

Revised: 26.11.2024.

ACKNOWLEDGMENT. The article was prepared at the State Academic University for the Humanities as part of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, following the competitive selection by the Expert Institute for Social Research (EISI). The project topic is No. FZNF-2024-0017 – “Civilizational Identity in Worldview, Its Actualization in Humanitarian Knowledge and Education in Modern Russia” (1024030400134-0-6.5.1).

ABSTRACT. *The article reveals the problem of “catching up” with the model of self-awareness and delayed worldview reflection in connection with the historiographical concept of pseudomorphosis proposed by Oswald Spengler. The problem is investigated in the optics of a new methodology of tradition-civilization as an indissoluble sociocultural complex. The article shows that the Russian philosophical and social thought proposed two large-scale programs to overcome the pseudomorphological type of development: Pochvennichestvo in the 19th century and Eurasianism in the 20th century. The creation of such programs*

represented a kind of jerks provoked by an identity crisis. Pochvennichestvo has advanced from its environment and defended the original theory of civilizations (cultural and historical types) of Nikolai Danilevsky. This program and N. Danilevsky’s system were a reaction to Russia’s defeat in the Crimean War and the collapse of the illusions of Eurocentrism and Russia’s organic entry into the family of European states. In turn, Eurasianism was formed as a worldview response to the cascade of revolutions of the early 20th century and the continuation of a radical Western pseudomorphosis at a different level. The proposed two pro-

grams were not only reactive, but also proactive: they comprehended the historical traumas experienced by Russia, and at the same time forecasts and scenarios of the future were built, and an impulse was given to a comprehensive scientific study of Russia as a civilization.

KEYWORDS: *Russian philosophy, Russian self-awareness, civilizational identity, state-civilization, cultural tradition, Pochvennichestvo, Eurasianism, pseudo-morphosis, Westernization.*

References

- Averyanov V.V. (1996). Phenomenology of the Time of Troubles: where to expect Minin and Pozharsky? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, No. 3, pp. 95–103 (in Russian).
- Averianov V.V. (2012). *Tradition and Dynamic Conservatism*. Moscow: Centralny izdatelskiy dom, 696 pp. (in Russian).
- Bagdasaryan V.E. (2009). Russia as a state-civilization. *Intelros*. 5 pp. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_17_09/11, accessed 15.09.2023 (in Russian).
- Braudel F. (1992). *Material Civilization, Economics and Capitalism, XV–XVIII Centuries. Vol. 3: Time of Peace*. Moscow: Progress, 679 pp. (in Russian).
- Braudel F. (2008). *Grammar of Civilizations*. Moscow: Ves' mir, 552 pp. (in Russian).
- Chaadaev P.Y. (1991). *Complete Works and Selected letters*. Vol. I. Moscow: Nauka, 800 pp. (in Russian).
- Coker Ch. (2019). *The Rise of the Civilizational State: China, Russia and the Islamic Caliphate and the Challenge to the Liberal World Bridge*. Cambridge: Polity Press, 230 pp.
- Dostoevsky F.M. (2010). *The Writer's Diary*. Moscow: Institut russkoy civilizacii, 880 pp. (in Russian).
- Fischer K. (1933). *Hegel. His Life, Writings and Teachings*. The first half volume. Moscow, Leningrad: Sotsekonmgiz, 612 pp. (in Russian).
- Galaktionov A.A. (1993). Organic theory as a methodology of N.Y. Danilevsky's sociological concept. In: *Russian Sociology. Interuniversity collection*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, pp. 22–35 (in Russian).
- Herder I.G. (2018). *Ideas for the Philosophy of Human History*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 760 pp. (in Russian).
- Jacques M. (2012). *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. New York: Penguin Books, 848 pp.
- Kagan M.S. (2003). *An Introduction to the History of World Culture*. Book 1. St. Petersburg: Petropolis, 383 pp. (in Russian).
- Maçães B. (2020). The Attack Of The Civilization-State. *Noema Magazine*, 15 June. Available at: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/>, accessed 21.06.2023.
- McNeil W. (2004). *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Kiev: Nika Center; Moscow: Starlight, 1064 pp. (in Russian).
- Mirovozzrenie... (2024). The worldview of Russian civilization: The Way to oneself. Report of the Izborsky Club, ed. by V.V. Averyanov // *Izborsky club*. No. 1, pp. 6–87 (in Russian).
- Panarin A.S. (1997). The Abduction of Russia. *Moskva*. No. 1, pp. 146–157 (in Russian).
- Petrov M.K. (2004). *Language. Sign. Culture*. Moscow: Editorial URSS, 328 pp. (in Russian).
- Pisma... (2004). *Letters and Notes by N.S. Trubetskoy*. Moscow: Languages of Slavic culture, 608 pp. (in Russian).
- Pivovarov Y.S. (1991). Karamzin's Time and "A Note on ancient and new Russia" (Preface). In: Karamzin N.M. *A Note on Ancient and New Russia in Its Political*

and Civil Relations. Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature, pp. 3–15 (in Russian).

Rozanov V.V. (2006). *Collected Works. Signs of Time (Articles and essays of 1912)*. Ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow: Respublika, 436 pp. (in Russian).

Slezkin Y.L. (2023). The original state-civilization, its neighbors and relatives. *Rossiia v globalnoy politike*. Vol. 21, no. 4, pp. 44–55 (in Russian).

Spengler O. (2014). *The Decline of the Western World*. Moscow: Alpha-kniga, 1085 pp. (in Russian).

Spiridonova V.I., Sokolova R.I., Shevchenko V.N. (2016). *Russia as a State-Civilization: Philosophical and Political Analysis*. Moscow: Institute of Philo-

sophy of the Russian Academy of Sciences, 124 pp. (in Russian).

Strakhov N.N. (2010). *The Struggle with the West*. Moscow: Institut russkoy civilizacii, 576 pp. (in Russian).

Sviridov G.V. (2017). *Music as Fate*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 795 pp. (in Russian).

Toynbee A.J. (2003). *Civilization Before the Court of History*. Moscow: Iris-press, 592 pp. (in Russian).

Trubetskoy N.S. (1999). *The Legacy of Genghis Khan*. Moscow: Agraf, 560 pp. (in Russian).

Zhang Weiwei (2012). *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. Hackensack, New York: World Century Publishing Corporation, 205 pp.

УДК 323(470+571)

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.07

Экологические протесты и национальная идентичность в многонациональном государстве: зеленый национализм в СССР и современной России

Елена Николаевна КАРАТУЕВА

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного
и муниципального управления

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Петербургское шоссе, д. 2, г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
196601;

докторант кафедры политологии

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Ленинградский проспект, д. 49/2, г. Москва, Российская Федерация, 125167

E-mail: e_karatueva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2169-3622

ЦИТИРОВАНИЕ: Каратуева Е.Н. Экологические протесты и национальная идентичность в многонациональном государстве: зеленый национализм в СССР и современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 105–121.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.06

Статья поступила в редакцию 28.09.2024.

Исправленный текст представлен 29.11.2024.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию зеленого национализма как социально-политического явления, объединяющего экологические и националистические аспекты, через анализ экологических протестов в национальных сообществах. В работе были исследованы эволюция и динамика экологических протестов в республиках СССР в период перестройки, а также современные экологические движения в российских регионах (Татарстане, Башкортостане, Ханты-Мансийском автономном округе). Основное внимание уделено тому, как экологические*

протесты переплетаются с националистическими идеями, превращаясь в инструмент политической мобилизации. Методология исследования основана на историческом, дискурсивном, сравнительном и контент-анализах, что позволило изучить эволюцию зеленого национализма, а также определить региональные особенности и общие закономерности протестной активности. В заключении отмечается соотношение зеленого и ресурсного национализма в позднесоветский и постсоветский периоды. Эти направления могут конфликтовать,

но способны интегрироваться в период политической мобилизации и отстаивания национальных интересов. Основой для преодоления внутренних противоречий и укрепления единства общества в многонациональном государстве может стать идентичность, основанная на многоэтничности, поликонфессиональности и культурном многообразии. Основные выводы исследования подчеркивают, что выявление причин возникновения зеленого национализма является важным фактором предотвращения радикализации политических настроений в стране. Ключевую роль в этом поможет сыграть развитие зеленого патриотизма как более конструктивной и прогрессивной альтернативы развитию национальных сообществ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *зеленый национализм, эконационализм, энвайронментализм, окружающая среда, экологические протесты, национальная идентичность, многонациональное государство, СССР, Россия.*

Введение

Концепция зеленого национализма, включающая защиту экологических объектов и националистические тенденции, объединяет два, на первый взгляд, несовместимых понятия. Национализм создает границы, тогда как энвайронментализм выступает за защиту окружающей среды за их пределами. Многие исследователи в конце XX в. прогнозировали конец национализма и национальных государств в условиях глобализации, окончания холодной войны и появления новых технологий, способствующих объединению людей в глобальное сообщество [Ohmae, 1995]. Но уже в начале XXI в. стало понятно, что в мире происходит возрождение национализма. Его устой-

чивость объясняется историческим развитием и присутствием на всех уровнях общества в качестве идеологии, способствующей национальной солидарности [Malešević, 2019]. Национализм заставляет государства фокусироваться на вопросах внутренней безопасности и однородности, а не на глобальных проблемах и бедах других стран [Conversi, Hau, 2021]. Но зеленая окраска национализма позволяет использовать его различным политическим силам, придающим экологическим вопросам значение национальной идеи.

Объекты окружающей среды могут иметь для национального государства экономическую, культурную и экологическую ценность. Зеленый национализм, рассматривающий окружающую среду как исключительно экономический ресурс, демонстрирует реакцию на угрозы, которые экозащитные движения представляют для государств, эксплуатирующих природные ресурсы своей территории. Природа воспринимается как национальное достояние, эксплуатация которого оправдана только в интересах государства. Сторонники ресурсного национализма минимизируют влияние антропогенной деятельности на окружающую среду, либо выступая против требований экологов, либо апеллируя к необходимости экономической выгоды от использования природных ресурсов для поддержания национальной экономики [Posocco, Watson, 2022].

Социально-культурная ценность окружающей среды включает в себя ценность объектов, принадлежащих национальной экосистеме и имеющих символическую значимость для укрепления национального самосознания [Кокаревич, 2024]. В этом контексте зеленый национализм можно рассматривать как реакцию этнонационалистов на чрезмерную эксплуатацию природных ресурсов, отсутствие социальной

справедливости в их распределении и посягательство на национальные символы культурной идентичности [Винер, Дивисенко, 2015]. При этом зеленый национализм может служить как инструментом защиты культурных символов коренных народов, так и идеологией доминирующей этнической группы в национальном сообществе [Тулаева, Снарский, 2022].

Зеленый национализм как инструмент антиправительственной деятельности основывается на убеждении, что угрозы для окружающей среды являются следствием ошибок доминирующей политической системы. Националисты, представляя себя защитниками природы и обвиняя своих оппонентов в безразличии к экологическим вопросам, применяют концепцию зеленого национализма для продвижения идей политической независимости, автономии и получения международного признания [Цепилова, 2023]. Однако главной проблемой становится снижение активности в экологической сфере после того, как политические цели достигаются [Conversi, Hau, 2021]. Националисты используют проблемы изменения климата и защиту окружающей среды для получения политической выгоды, в то время как выгода для окружающей среды остается незначительной.

Альтернативой зеленому национализму может стать зеленый патриотизм, или национальная гордость за объекты окружающей среды и политика государства, направленная на устойчивое развитие. Такой подход является наиболее продуктивным и эффективным для укрепления экологических ценностей и сплочения нации [Dobson, 2007].

В целом *зеленый национализм* можно определить как социально-политическое явление, в котором экологические протесты и экологическая риторика становятся инструментом укрепления

национальной идентичности, а также средством политической мобилизации. Он проявляется в многонациональных государствах, где экологические проблемы переплетаются с вопросами защиты национальных интересов, автономии или независимости, трансформируясь в механизм давления на государственные структуры и выражения культурной самобытности.

Целью данной статьи является исследование зеленого национализма как социально-политического явления через анализ экологических протестов в национальных сообществах на примере республик СССР и регионов современной России. В рамках достижения цели исследования в статье решаются следующие задачи: 1) исследовать идейные основания проявлений зеленого национализма на позднесоветском и постсоветском пространстве на основе анализа освещенности этого явления в трудах советских, российских и зарубежных исследователей; 2) проанализировать исторические примеры проявлений зеленого национализма в СССР и его роль в протестной активности; 3) исследовать современные экологические протесты в российских регионах и их связь с националистическими движениями; 4) выявить причины зеленого национализма в СССР и современной России.

Для достижения цели исследования был использован комплексный методологический подход. Исторический анализ позволил выявить причины возникновения зеленого национализма в контексте распада СССР и трансформации экологических движений в современной России. Дискурсивный анализ обеспечил изучение риторики экологических протестов через анализ публикаций СМИ, официальных заявлений и текстов активистов, что помогло определить ключевые идеи и символы, лежащие в основе зеленого

национализма. Контент-анализ позволил систематизировать текстовые данные и выявить тенденции, характерные для экологической и националистической риторики. Сравнительный анализ развития зеленого национализма в различных регионах помог обнаружить как общие черты, так и уникальные особенности экологических протестов в многонациональном контексте.

Несмотря на актуальность и рост интереса к вопросам национализма и экологической политики, тема зеленого национализма остается недостаточно изученной. Научные исследования преимущественно сосредоточены на отдельных аспектах экологической мобилизации или проявлениях национализма, в то время как их синтез в виде зеленого национализма требует более глубокого анализа. Особенно это актуально для многонациональных государств, таких как Россия, где экологическая повестка нередко переплетается с вопросами идентичности и политической автономии. Настоящая работа направлена на восполнение данного пробела и исследование механизмов взаимосвязи экологической риторики и националистических идей.

Зеленый национализм как инструмент сепаратизма в СССР: роль экологических движений в политических процессах

Протестные движения в Европе, первоначально вызванные экологическими проблемами, нередко включали требования, касающиеся социальных, экономических, политических и культурных сфер. В СССР экологическая проблематика приобрела важное значение в протестной деятельности лишь в середине 1980-х годов, в период гласности и роста общественных свобод. Вопросы изменения климата и разви-

тия альтернативной энергетики перестали восприниматься исключительно в экологическом контексте и стали выражать озабоченность местных властей проблемами национального самоопределения. В дополнение к экологическим вопросам в повестку дня советских республик вошли проблемы территориальной целостности и культурной идентичности.

Активность экологических организаций в советских республиках усиливалась по мере взаимодействия с международными экологическими движениями. Созданные при участии и финансовой помощи международных фондов экологические неправительственные организации (экоНПО) продемонстрировали значительный потенциал в привлечении общественного внимания к экологическим вопросам и включении их в социально-политическую повестку [Халий, 2010]. Осознание необходимости решения экологических проблем в национальных сообществах привело к формированию зеленого национализма, который перенаправил глобальную экологическую политику в русло защиты национальных интересов коренного населения. Экологическая риторика стала важным инструментом, оправдывающим сепаратистские процессы в многонациональном государстве.

Изучением вопросов гражданских инициатив, включая экологические протесты, периода перестройки активно занимались советские, а впоследствии и российские ученые. Они рассматривали экологическую активность как часть более широких процессов формирования гражданского общества и трансформации общественного сознания. Исследования подчеркивали, что экологические движения стали одним из первых легитимных каналов выражения недовольства существующим политическим порядком. Особое

внимание уделялось тому, как экологическая риторика использовалась для мобилизации масс и становилась платформой для обсуждения более широких политических вопросов (автономии, прав человека, демократизации). Исследователи отмечали, что экологическая проблематика переплеталась с национальными и социальными требованиями. Работы Е.А. Здравомысловой были сосредоточены на социальной базе экологических движений, гендерных аспектах участия в протестах, а также на роли экологических организаций в развитии гражданского общества [Здравомылова, 1990]. Валерий Тишков исследовал экологические протесты в национальных республиках СССР, включая Среднюю Азию, Прибалтику и Кавказ, где экология использовалась как часть националистической повестки [Тишков, 2011]. О.Н. Яницкий изучал экологические движения в контексте становления гражданского общества на постсоветском пространстве [Яницкий, 1992]. Эти исследования остаются важным вкладом в изучение экологических протестов как инструмента социальных и политических изменений. Они раскрыли взаимосвязь между экологическими движениями и процессами демократизации и показали, как экология стала частью политической повестки, связанной с национальной идентичностью и социальной справедливостью.

Особую роль в освещении политизации экологических протестов в СССР и на постсоветском пространстве сыграли исследования западных экспертов. По их мнению, потребительское отношение к природным ресурсам в республиках Советского Союза стало одним из факторов роста протестных движений. Понятие «эконационализм», предложенное Джейн Доусон, согласуется с националистическими идеями создания независимых государств, свя-

занными с экологическими движениями в советских республиках [Dawson, 1996]. Анализируя социальную активность в СССР в конце 1980-х годов, она обнаружила сближение национализма и энвайронментализма, особенно в регионах с высокими сепаратистскими настроениями, таких как Прибалтика, Грузия и Украина. В этих республиках роль защиты окружающей среды сводилась в основном к инструменту в достижении политических целей [Dellapenna, 2010]. Американские исследователи Мерри Фешбах и Альфред Фрэндли в своей работе «Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении» утверждали, что государственная политика, ориентированная на масштабное социалистическое производство, привела к экологическому ущербу и массовым проблемам со здоровьем населения [Фешбах, Фрэндли-младший, 1992]. Они полагали, что экоцид стал одним из факторов, способствовавших распаду Советского Союза. Дуглас Вайнер, исследуя экологическую историю СССР, охарактеризовал природопользование советского государства как хищническое, направленное на эксплуатацию как природных, так и человеческих ресурсов [Weiner, 1990]. Йоахим Радкау, один из основоположников экологической истории Германии, описал тесную связь между телом, здоровьем и окружающей средой как важный фактор, приобретающий политическое значение в эпоху позднего социализма [Radkau, 2002].

В 1980-е годы политизация экологической проблематики в СССР достигла своего апогея. Первые «зеленые» организации возникли в рамках Хельсинкских соглашений и вскоре стали организационной основой для более широких протестных движений. Власти воспринимали эти организации как относительно безопасные, предоставляя им определенную свободу дей-

ствий, что объяснялось несколькими факторами:

1. Многие «зеленые» разделяли марксистские взгляды и обвиняли капитализм в чрезмерной эксплуатации природных ресурсов.

2. Экологические активисты могли стать источником политической информации благодаря своему международному сотрудничеству.

3. Экозащитные организации служили демонстрацией «советской демократии» для внешнего мира.

4. Небольшие масштабы движения делали его участников легко контролируемыми.

Относительная терпимость к экологическим группам обеспечивала прикрытие для тех, кто на самом деле мог быть более заинтересован в национализме или сепаратизме. Экологические организации были на тот момент единственными неформальными негосударственными объединениями, которые притягивали радикализирующую часть общества. В условиях перестройки и гласности неразрешенные экологические проблемы, вызванные чрезмерным загрязнением окружающей среды в результате функционирования опасных видов производства, стали поводом для политических протестов. Экологические организации, такие как волгоградский «Экологический клуб», в конце 1980-х годов трансформировались в мощные протестные движения, обретавшие всё большее политическое влияние.

К началу 1990-х годов экологическая повестка превратилась в инструмент политической борьбы за независимость. Лидеры экологических движений становились активными участниками широкой борьбы за культурную, экономическую и политическую автономию, часто объединяясь с националистами. Протесты в советских республиках, изначально направленные

против загрязняющих производств, постепенно приобрели политический характер и способствовали росту сепаратизма.

Экологическая проблематика открыла своего рода окно возможностей для протеста против советского «колониализма». Эстонские «зеленые» основали свою партию, чтобы участвовать в выборах, соединяя главный лозунг о возвращении государственного суверенитета с чистой окружающей средой. В Армении протестующие против опасных производств и строительства ядерных реакторов изначально объединялись вокруг вопросов охраны окружающей среды [Каратуева, 2024]. Однако впоследствии стали поднимать и другие политические темы. В 1988 г. протесты усилились в связи с событиями в Нагорном Карабахе, приобретая характер борьбы за отстаивание национальных интересов. Протесты в Казахстане, начавшиеся против ядерных испытаний в Семипалатинске, привели к развитию националистических и сепаратистских процессов [Каратуева, 2024]. Лидер движения «Невада – Семипалатинск» Олжас Сулейменов обвинял центральную власть в целенаправленном размещении опасных производств на территории республики, что наносило ущерб национальной земле. В Средней Азии националисты также обвиняли центральные власти в геноциде местных народов. Сельскохозяйственная политика в регионе Аральского моря и бассейне Амударьи воспринималась как «часть исторического заговора со стороны русских с целью эксплуатации своих мусульманских подданных» [Фешбах, Френдли-младший, 1992].

Авария на Чернобыльской АЭС 1986 г., ставшая одной из самых громких экологических катастроф XX в., значительно повысила уровень национального самосознания в наиболее по-

страдавших от радиоактивного загрязнения республиках, таких как Белоруссия и Украина. Вскоре после аварии на Украине возникло националистическое движение «Рух» [Каратуева, 2024]. Сергей Одарич, один из его основателей, заявил: «Чернобыль помог нам осознать, что мы были колонией» [Dellapenna, 2010]. Протесты против использования ядерной энергии стали частью более масштабного протеста против советской власти. Первым шагом возрождения украинского национализма стало принятие Верховным Советом УССР в 1991 г. закона о радиационном загрязнении. Украинские коммунисты также присоединились к критике, чтобы сохранить свои политические позиции после распада СССР.

Чернобыльская катастрофа и развитие националистических движений на Украине побудили украинскую диаспору на Западе искать пути для взаимодействия с общественными активистами республики. Североамериканская диаспора сыграла ключевую роль в установлении связей с движением «Рух», «Украинским Хельсинкским союзом», ассоциацией «Зеленый мир» и другими оппозиционными группами. Эти организации оказали значительную гуманитарную помощь пострадавшим от чернобыльской катастрофы [Perga, 2022]. В 1990 г. ассоциация «Зеленый мир» предложила Божене Ольшановской, председателю организации «Американцы за права человека в Украине» (AHRU), занять должность одного из восьми директоров правления Экофонда. Кроме того, в Канаде в 1988–1989 гг. были созданы две группы для помощи Украине: Комитет по охране окружающей среды (CECU) и группа «Эколос». Эти группы активно информировали западное общество об экологических проблемах на Украине и поддерживали первые украинские экологические движения. В результа-

те сотрудничества западных экологов и украинских активистов был запущен проект «Витамин», направленный на обеспечение жертв Чернобыля необходимыми витаминами и медицинской помощью. Таким образом, помощь жертвам Чернобыля стала важным каналом влияния на Украину.

В Белорусской ССР, которая сильно пострадала от радиоактивного загрязнения, также усилились протесты. Делегаты Верховного Совета СССР от Белоруссии настаивали на расследовании действий, связанных с чернобыльской катастрофой. В 1991 г. в республике прокатилась волна забастовок на угольных шахтах, бастующие активно использовали СМИ для обсуждения чернобыльской катастрофы и требований отставки Президента и Верховного Совета СССР. Поддержка экологических групп Белорусским народным фронтом «Возрождение» способствовала дальнейшему усилению сепаратистских настроений в стране. Народный фронт потребовал прекратить строительство сомнительных с экологической точки зрения промышленных предприятий, провести очистку объектов химической промышленности и остановить работу крупных животноводческих предприятий. Все новые строительные объекты должны были обсуждаться на национальном или региональном референдуме, чтобы получить «экологически чистую Беларусь» [Arndt, 2022]. Тогда именно экологические проблемы стали триггером для сепаратистских настроений.

Экологический императив стал важной частью политической жизни в постсоветских странах, предоставив общественным движениям дополнительные аргументы в борьбе за независимость. Экологические проблемы, такие как загрязнение рек, вырубка лесов или строительство промышленных объектов, в республиках СССР воспри-

нимались не только как угроза окружающей среде, но и как посягательство на национальную территорию, ресурсы и культурное наследие. Протесты, происходящие в национальных сообществах, интегрировали экологические требования с националистической риторикой. Централизованное использование природных ресурсов в СССР в интересах всего Союза часто вызывало недовольство в республиках, где ресурсы добывались. Их эксплуатация воспринималась как форма экономического неравенства и способ подавления национальной автономии. На этом этапе политического противостояния советских республик с центральными властями зеленый национализм противопоставлялся ресурсному национализму союзного государства, но интегрировался с ним на региональном уровне, подчеркивая особую значимость экологических объектов как национального достояния и возможность использования природных ресурсов только в национальных интересах.

Зеленая повестка в борьбе за отстаивание национальной идентичности в регионах России

В конце 1980-х годов активно обсуждались вопросы статуса автономных республик в СССР и децентрализации управления. Декларация о суверенитете, принятая Верховным Советом Татарской АССР 30 августа 1990 г., провозгласила независимость Татари, преобразовав ее в Республику Татарстан. В 1992 г. на референдуме республика объявила себя суверенным государством, выстраивающим отношения с Россией на равноправной основе. В этот период антиядерные протесты, связанные со строительством новой атомной электростанции, стали катализатором националистических настроений в регионе.

В 1987–1988 гг. небольшие дискуссионные клубы начали обсуждать вопросы культуры и экологии в Татарстане. Первые массовые акции касались в основном таких экологических проблем, как строительство объектов в лесных массивах и зонах отдыха. Студенческий экологический клуб Казанского государственного университета стал центром мобилизации общественности, что привело к созданию независимого «Экологического клуба» в 1987 г. Этот клуб впоследствии сыграл ключевую роль в формировании Татарского народного фронта (ТНФ), который сочетал требования о прекращении строительства Татарской АЭС с вопросами государственного суверенитета. Однако радикальные националисты, недовольные умеренностью ТНФ, создали новую политическую организацию, более соответствующую «национальным» интересам, – Татарский общественный центр (ТОЦ). Политическая мобилизация всё больше разделялась по этническому признаку. Радикальные татарские националисты, такие как Альберт Гарапов, рассматривали антиядерную деятельность как символ борьбы за суверенитет и независимость татар. Их рассуждения о вреде ядерной энергетики включали предостережения об угрозе для татарской нации и необходимости защиты ее от централизованной ядерной политики. К 1990 г. в Татарстане начали возникать радикальные националистические организации, такие как «Иттифак», которые призывали к созданию исключительно этнического татарского государства [Dawson, 1996]. Во время выборов 1990 г. кандидаты активно использовали экологическую повестку для критики потребительской политики СССР и России по отношению к Татарстану. Верховный Совет Татарстана в 1989 г. издал указ, призывающий отменить строительство Татарской АЭС на осно-

вании плохого технологического планирования. Впоследствии ликвидация нежелательных ядерных объектов стала символом суверенитета как России, так и Татарстана.

Современные соглашения между Российской Федерацией и Татарстаном поддерживают требования татар о большем контроле над своими природными ресурсами, однако они не удовлетворяют интересам радикальных этнических групп, сохраняющих влияние на общество. В настоящее время в Татарстане наблюдается новый виток экологических протестов. В феврале и марте 2023 г. прошли пикеты против строительства атомной электротехнологической станции (АЭТС), а летом того же года состоялись акции против строительства мусоросжигательного завода¹. Эти протесты, организованные антиядерным обществом Татарстана, вновь акцентируют внимание на связи между экологическими и национальными проблемами.

В Башкортостане принятие Декларации о государственном суверенитете привело к преобразованию Башкирской АССР в Республику Башкортостан. В 1993 г. на референдуме было провозглашено, что земля, недра и природные ресурсы республики принадлежат ее многонациональному народу. Однако федеративные реформы 2000-х годов ослабили независимость региона. В последние годы протесты против разработки шиханов, которые символизируют национальную идентичность башкир, вновь вывели на первый план вопросы экологии и национализма. Несмотря на участие в протестах представителей разных национально-

стей, особая роль отводилась титульной нации республики – башкирам. В результате протестов проект был отменен, а Башкирская содовая компания национализирована. В апреле 2023 г. в Башкортостане вновь вспыхнули протесты против геолого-разведочных работ на горном хребте Ирендык². Лидер протестов Фаиль Алсынов был осужден, что вызвало еще большую эскалацию протестов. Эти акции вновь подчеркнули специфику национально-экологических проблем в республике, где разработки месторождений воспринимаются как «чужаки», посягающие не только на экологию, но и на национальную идентичность.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре этнический национализм проявляется слабее. Титульные национальности автономного округа составляют всего 1,86% населения. Во времена Советского Союза центральное правительство активно проводило политику добычи и освоения природных ресурсов, в результате чего ханты и манси были вытеснены со своих земель. Большинство оставшихся представителей коренного народа утратили свои традиции, поэтому их восстановление стало особенно важным фактором возрождения национальной идентичности и культуры. Конфликты на этой территории, такие как протесты против добычи нефти в заповеднике «Нумто», были обострены несправедливым распределением доходов от природных ресурсов и угрозой традиционному укладу жизни местных народов. Основные требования о сохранении природных угодий находились в тесной связи с культур-

1 Антонов К. Протест разбирают на атомы // Коммерсантъ. – 2023. – № 24. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5812641> (дата обращения: 09.10.2024).

2 Макаркин А. «Черный» или «простой»: как экологические протесты в Башкирии стали политическими // Forbes. – 2024. – 19 января. – URL: <https://forbes.ru/turbopages.org/forbes.ru/s/mneniya/504535-cernyj-ili-prostoj-kak-ekologiceskie-protesty-v-baskirii-stali-politiceskimi> (дата обращения: 11.09.2024).

но-исторической проблематикой. Заповедные территории были важны для коренного населения прежде всего как источник их традиционных ценностей и уникального образа жизни [Тулаева, Снарский, 2022].

Рассмотренные виды взаимоотношений национально-территориальных образований с руководством России демонстрируют ряд общих критериев. Одним из главных аспектов является зависимый характер отношений, который ограничивает возможность субъектов федерации самостоятельно распоряжаться национальными природными ресурсами. Политику Татарстана и Башкортостана можно рассматривать через призму утверждения национальной независимости «сверху», исходящей от государственных структур республик. Провозглашение суверенитета включало в себя исключительное право распоряжения национальными природными ресурсами, которые признавались национальной собственностью. На первом этапе протестной деятельности экологические лозунги поддерживались как гражданским обществом, так и руководством республик.

Тем не менее существуют значительные различия в проявлениях зеленого национализма в разных регионах. В Татарстане экологическая активность была инициирована в рамках антиядерной кампании, которая началась в 1980-х годах по всему Советскому Союзу. В этом случае экозащитная активность стала частью международного зеленого движения, которое получило благодатный отклик на национальной почве. Современные протесты в Татарстане направлены не столько против эксплуатации природных ресурсов (учитывая, что Татарстан является одним из крупнейших поставщиков нефти и газа на международные рынки), сколько против строительства опасных

производственных объектов. Протестное ядро, созданное антиядерной кампанией 1980-х годов, продолжает свою активность, о чем свидетельствует ведущая роль в современных протестах председателя антиядерного общества Татарстана Альберта Гарапова.

Если в Татарстане протесты были инициированы международным энвайронментализмом, то в Башкортостане акцент экологических протестов был сделан на преступные последствия эксплуатации ресурсов центральными властями, что привело к экологической деградации республики. В 1980-х годах протестующие также требовали остановить строительство Башкирской атомной электростанции, предприятия «Химволокно» и Иштугановского водохранилища, однако массового характера движение тогда не приобрело. Современные протесты в Башкортостане демонстрируют большую приверженность защите национально-культурных символов и природных богатств республики.

В Ханты-Мансийском автономном округе представители титульной нации составляют меньшинство и не смогли выстроить активную экологическую политику. Основной движущей силой протестов стало несправедливое распределение природных ресурсов между центром и коренными народами, а также стремление отстаивать культурную самобытность.

В современной России экологические вопросы тесно переплетаются с национальной идентичностью и социальными требованиями, что делает их неотъемлемой частью региональной политики. Ресурсный национализм на государственном уровне приобрел форму контроля над стратегическими ресурсами (нефтью, газом) и использованием их для обеспечения экономической стабильности и политического влияния. Однако в некоторых регионах

ресурсный национализм трансформировался в локальные протесты против экологических и экономических последствий эксплуатации ресурсов федеральными властями.

Заключение

Противоречие между энвайронментализмом, стремящимся к глобальному взаимодействию, и национализмом, создающим границы, было преодолено в концепции зеленого национализма. Синтез экологических и националистических идей позволил протестным движениям одновременно выступать за защиту окружающей среды и отстаивать национальные интересы, стремясь к политической независимости.

Наряду с зеленым национализмом проявился феномен ресурсного национализма, при котором природные ресурсы воспринимаются как национальное достояние, служащее основой для обеспечения экономической и политической независимости. Эти направления могут конфликтовать, особенно в многонациональном государстве, когда использование природных ресурсов в общенациональных целях воспринимается на уровне национальных сообществ как несправедливое и эксплуататорское, но способны интегрироваться в период политической мобилизации в противостоянии государственной власти на региональном уровне. В позднесоветский период это проявлялось в критике централизованного распределения ресурсов, которое воспринималось как эксплуатация национальных богатств в интересах центральной власти. В современной России ресурсный национализм играет ключевую роль в обеспечении экономической стабильности и национальной безопасности, особенно в условиях глобальных геоэкономических вызовов. Ресурсный национализм

в период СВО стал основой экономической стратегии России, направленной на преодоление санкций и поддержание суверенитета. Однако усиление добычи ресурсов и перераспределение доходов вызывают напряженность в регионах и усиливают экологическую нагрузку, поскольку акцент на экономической выгоде от добычи ресурсов может игнорировать экологические и культурные аспекты. Это создает почву для протестов и дискуссий о необходимости более рационального использования природных богатств.

Ключевым понятием в рамках концепции зеленого национализма выступает национальная идентичность как сложная структура, объединяющая гражданские, этнические, культурные и региональные аспекты [Осянин, 2019]. В условиях многонационального СССР экологические протесты часто становились инструментом для выражения национальных притязаний. Например, в национальных республиках экологическая риторика переплеталась с требованиями национальной независимости, основываясь на этнической и культурной идентичности. В то же время в центральных регионах акцент делался на гражданской солидарности и региональной принадлежности. В контексте анализа взаимосвязи экоционализма и идентичности на уровне субъектов Российской Федерации под национальной идентичностью понимается многослойное понятие, включающее гражданскую, этническую, региональную и культурную составляющие. В зависимости от специфики конкретного региона та или иная составляющая выходит на первый план: в национальных республиках идентичность выражается через защиту природных объектов как символов этнической самобытности, тогда как в регионах с доминирующей русской культурой акцент делается на обще-

национальную гражданскую гордость за природные богатства. В многоэтнических регионах природные объекты становятся фактором объединения локальных сообществ, формируя синтез идентичностей. На современном этапе развития Россия вновь сталкивается с необходимостью выбора пути цивилизационного развития. Важнейшей основой для преодоления внутренних противоречий и укрепления солидарного единства российского народа становится цивилизационная идентичность, которая формируется на основе многоэтничности, поликонфессиональности и культурного многообразия [Абдулкадыров, 2024].

На основании проведенного исследования можно выделить несколько ключевых аспектов, которые позволяют определить причины зеленого национализма в СССР и современной России:

1. Политические факторы. Ошибки политической системы, такие как неэффективное управление природными ресурсами, отсутствие адекватного экологического регулирования и пренебрежение интересами местных сообществ, ведут к ухудшению состояния окружающей среды. Это способствует росту общественного недовольства и активному распространению идей энвайронментализма, который, в свою очередь, часто переплетается с националистическими настроениями и стремлением к автономии или суверенитету национальных сообществ в многонациональном государстве.

2. Социально-экономические факторы. Экономические интересы, связанные с экологическими объектами, могут стимулировать рост зеленого национализма в том случае, когда местные сообщества ощущают эксплуатацию национальных природных ресурсов в интересах центральной власти. Этот фактор усиливает чувство соци-

альной несправедливости и способствует активизации протестов.

3. Исторические факторы. В регионах с долгой историей подавления национального самосознания экологические проблемы могут стать катализатором для возрождения национализма, когда природные ресурсы и охраняемые территории воспринимаются как часть национального наследия.

4. Культурно-символические факторы. Природные объекты, представляющие экологическую ценность, могут восприниматься как символы национальной идентичности. Угроза их существованию усиливает стремление к сохранению национальной культуры, что придает экологическим протестам особый символический смысл.

В условиях крайне турбулентных геополитических процессов зеленый национализм может как усилить внутренние противоречия, так и стать платформой для диалога между обществом и властью (при поддержке конструктивных инициатив). Для предотвращения радикализации экологических движений государству важно: 1) интегрировать экологическую повестку в национальную стратегию развития; 2) поддерживать локальные экологические инициативы, сохраняя баланс между интересами центра и регионов; 3) перевести зеленый национализм в форму «зеленого патриотизма», ориентированного на созидание и стабильность.

В отличие от *зеленого национализма*, который часто принимает радикальные формы и направлен на защиту интересов «возрождающейся» нации, *зеленый патриотизм* представляет собой более конструктивную и прогрессивную альтернативу развития национальных сообществ. Он фокусируется на гордости за рациональное использование природных ресурсов, участии в глобальных экологических инициа-

тивах и защите окружающей среды, избегая при этом враждебности к другим нациям и государствам. Зеленый патриотизм предлагает позитивный путь для развития экологической политики, который не несет рисков политической радикализации и сепаратизма.

Таким образом, изучение причин возникновения зеленого национализма и развитие зеленого патриотизма становятся важными факторами для разработки мер по предотвращению радикализации политических настроений и формирования экологической политики, соответствующей концепции устойчивого развития.

Список литературы

Абдулкадыров Ю.Н. Цивилизационная идентичность современной России: проблемы и сущностные смыслы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 8. – С. 13–18. – DOI: 10.24412/2220-2404-2024-8-28.

Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // Социология науки и технологий. – 2015. – № 4. – С. 177–196.

Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. – 1990. – № 7. – С. 88–94.

Каратуева Е.Н. Зеленый национализм: от распада СССР к угрозе политической стабильности современной России // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2024. – С. 263–264.

Кокаревич М.Н. Укрепление национальной идентичности как зна-

чимый фактор благополучия российского общества // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – № 2 (53) – С. 13–22. – DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773.

Осянин А.Н. Национальная идентичность российского общества: социологический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. – 2019. – № 1 (53). – С. 65–72.

Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2011. – 232 с.

Тулаева С., Снарский Я. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // *Laboratorium*: журнал социальных исследований. – 2022. – № 3. – С. 4–33. – DOI: 10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33.

Фешбах М., Френдли-младший А. Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении. – Москва : НПО «Биотехнология» и «Голос», 1992. – 308 с.

Халий И.А. Этапы взаимодействия российского экологического движения с властями // Политическая наука. – 2010. – № 2. – С. 132–157.

Цепилова О.Д. Этапы институционализации экологического протестного движения в постперестроечной России // Власть и элиты. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 211–233. – DOI: 10.31119/re.2023.10.2.9.

Яницкий О.Н. Экологическое движение и контекст становления гражданского общества в посттоталитарной среде // Социологические исследования. – 1992. – № 12. – С. 40–51.

Arndt M. Environmentalism or Sau-sages? Politicizing the Environment in the Late Soviet Union // *European History Quarterly*. – 2022. – Vol. 52, N 3. – P. 418–439. – DOI: 10.1177/02656914221103152.

Conversi D., Hau M.F. Green nationalism. Climate action and en-

vironmentalism in left nationalist parties // *Environmental Politics*. – 2021. – vol. 30, N 7. – P. 1089–1110. – DOI: 10.1080/09644016.2021.1907096.

Dawson J.I. *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. – Durham : Duke University Press, 1996. – 240 p.

Dellapenna J.W. Behind the Red Curtain: Environmental Concerns and the End of Communism // *Journal of Eurasian Law*. – 2009. – Vol. 2, N 3. – P. 1–35.

Dobson A. *Green Political Thought*. – London : Routledge, 2007. – 240 p. – DOI: 10.4324/9780203964620.

Malešević S. *Grounded Nationalisms: A Sociological Analysis*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 320 p.

Ohmae K. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. –

New York : Simon and Schuster, 1995. – 214 p.

Perga T. 9 Eco-Nationalism in the Soviet Union in the Late 1980s and Early 1990s: The Ukrainian Case // *Nationalism in a Transnational Age: Irrational Fears and the Strategic Abuse of Nationalist Pride*. – Berlin, Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2022. – P. 177–194. – DOI: 10.1515/9783110729290-009.

Posocco L., Watson I. Reflexive Green Nationalism (RGN): A sociological antidote to the climate crisis? // *Frontiers in Sociology*. – 2022. – Vol. 7. – P. 1–19.

Radkau J. *Natur und Macht. Eine Weltgeschichte der Umwelt*. – München : Beck, 2002. – 469 S. – Нем. яз.

Weiner D.R. Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia // *Journal of the History of Biology*. – 1990. – Vol. 23, N 2. – P. 336–337.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.07

Environmental Protests and National Identity in a Multinational State: Green Nationalism in the USSR and Modern Russia

Elena N. KARATUEVA

PhD (Political Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration

Saint Petersburg State Agrarian University

Peterburgskoe Shosse, 2, Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation, 196601;

Doctoral Student of the Department of Political Science

Financial University under the Government of the Russian Federation

Leningradsky Avenue, 49/2, Moscow, Russian Federation, 125167

E-mail: e_karatueva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2169-3622

CITATION: Karatueva E.N. (2024). Environmental Protests and National Identity in a Multinational State: Green Nationalism in the USSR and Modern Russia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 105–121 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.04.07

Received: 28.09.2024.

Revised: 29.11.2024.

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of green nationalism as a socio-political phenomenon combining environmental and nationalist aspects through the analysis of environmental protests in national communities. The paper investigated the evolution and dynamics of environmental protests in the republics of the USSR during the period of perestroika, as well as modern environmental movements in Russian regions (Tatarstan, Bashkortostan, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug). The main focus is on how environmental protests are intertwined with nationalist ideas, turning into a tool for political mobilization. The research methodology is based on historical, discursive, comparative and content methods of analysis, which made it possible to study the evolution of green nationalism, as well as identify regional*

features and general patterns of protest activity. In conclusion, the correlation of green and resource nationalism in the late Soviet and post-Soviet periods is noted. These areas may conflict, but they are able to integrate during a period of political mobilization and defending national interests. The basis for overcoming internal contradictions and strengthening the unity of society in a multinational state can be an identity based on multiethnic, multi-confessional and cultural diversity. The main conclusions of the study emphasize that the causes of green nationalism is an important factor in preventing the radicalization of political sentiment in the country. The development of green patriotism as a more constructive and progressive alternative to the development of national communities will help to play a key role in this.

KEYWORDS: *green nationalism, econationalism, environmentalism, environment, environmental protests, national identity, multinational state, USSR, Russia.*

References

- Abdulkadyrov Yu.N. (2024). Civilization identity of modern Russia: problems and essential meanings. *Humanitarian, Socio-economic and Social Sciences*. No. 8, pp. 13–18 (in Russian). DOI: 10.24412/2220-2404-2024-8-28.
- Arndt M. (2022). Environmentalism or Sausages? Politicizing the Environment in the Late Soviet Union. *European History Quarterly*. Vol. 52, no. 3, pp. 418–439. DOI: 10.1177/02656914221103152.
- Conversi D., Hau M.F. (2021). Green nationalism: Climate action and environmentalism in left nationalist parties. *Environmental Politics*. Vol. 30, no. 7, pp. 1089–1110. DOI: 10.1080/09644016.2021.1907096.
- Dawson J.I. (1996). *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham: Duke University Press, 240 pp.
- Dellapenna J.W. (2009). Behind the Red Curtain: Environmental Concerns and the End of Communism. *Journal of Eurasian Law*. Vol. 2, no. 3, pp. 1–35.
- Dobson A. (2007). *Green Political Thought*. London: Routledge, 240 pp. DOI: 10.4324/9780203964620.
- Feshbach M., Friendly A.Jr. (1992). *Ecocide in the USSR: Health and Nature Under Siege*. Moscow: NPO “Biotechnology” and “Golos”, 308 pp. (in Russian).
- Karatueva E.N. (2024). Green nationalism: from the collapse of the USSR to the threat of political stability in modern Russia. In: *Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Paradigms of Development*. Proceedings of the X All-Russian Congress of Political Scientists of RPSA with international participation. Moscow: Aspect Press, pp. 263–264 (in Russian).
- Khaly I.A. (2010). Stages of interaction between the Russian environmental movement and the authorities. *Political Science*. No. 2, pp. 132–157 (in Russian).
- Kokarevich M.N. (2024). Strengthening national identity as a significant factor in the well-being of Russian society. *Vectors of Well-being: Economics and Society*. No. 2 (53), pp. 13–22 (in Russian). DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773.
- Malešević S. (2019). *Grounded Nationalisms: A Sociological Analysis*. – Cambridge: Cambridge University Press, 320 pp.
- Ohmae K. (1995). *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. New York: Simon and Schuster, 214 pp.
- Osyenin A.N. (2019). National identity of Russian society: sociological aspect. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. No. 1 (53), pp. 65–72 (in Russian).
- Perga T. (2022). Eco-Nationalism in the Soviet Union in the Late 1980s and Early 1990s: The Ukrainian Case. In: *Nationalism in a Transnational Age: Irrational Fears and the Strategic Abuse of Nationalist Pride*. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, pp. 177–194. DOI: 10.1515/9783110729290-009.
- Posocco L., Watson I. (2022). Reflexive Green Nationalism (RGN): A sociological antidote to the climate crisis? *Frontiers in Sociology*. No. 7, pp. 1–19.
- Radkau J. (2002). *Nature and Power. A World History of the Environment*. München: Beck, 469 pp. (in German).
- Tishkov V.A. (2011). *Unity in Diversity: Publications from the Journal “Ethnopanorama” 1999–2011*. Orenburg: OGAU Publishing Center, 232 pp. (in Russian).
- Tsepilova O.D. (2023). Stages of institutionalization of the environmental protest movement in post-Perestroika Russia. *Power and Elites*. Vol. 10, no. 2,

pp. 211–233 (in Russian). DOI: 10.31119/pe.2023.10.2.9.

Tulaeva S., Snarsky Ya. (2022). Green nationalism in a resource-based state: ecological agenda and national identity in Russian regions. *Laboratorium: Social Research Journal*. No. 3, pp. 4–33 (in Russian). DOI: 10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33.

Viner B.E., Divisenko K.S. (2015). Russian ethnosociology: boundaries, research areas, and research groupings. *Sociology of Science and Technology*. No. 4, pp. 177–196 (in Russian).

Weiner D.R. (1990). Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia. *Journal of the History of Biology*. Vol. 23, no. 2, pp. 336–337.

Yanitsky O.N. (1992). Environmental movement and the context of civil society formation in a post-totalitarian environment. *Sociological Research*. No. 12, pp. 40–51 (in Russian).

Zdravomyslova E.A. (1990). Sociological approaches to the analysis of social movements. *Sociological Research*. No. 7, pp. 88–94 (in Russian).

В рамках дискуссии

УДК 327+316.722

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.08

Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории

Константин Анатольевич ФЕОФАНОВ

доктор политических наук, профессор
ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2279-5292

ЦИТИРОВАНИЕ: Феофанов К.А. Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 122–135.
DOI: 10.31249/kgt/2024.04.08

Статья поступила в редакцию 26.09.2024.

Исправленный текст представлен 28.11.2024.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена концепции «государства-цивилизации» как направлению в развитии цивилизационной теории. Анализируются история применения понятия «цивилизация», содержание, состав и структура цивилизаций, исторические и геополитические детерминанты противостояния Запада и России, углубление цивилизационного противостояния «Запад – Россия» в XXI в., цивилизационно-исторические феномены «государства-нации» и «государства-цивилизации», цивилизационно детерминированные тенденции трансформации современного мирового порядка. Первоначально используемая для описания общественно-политической жизни в различных странах, на рубеже XIX–XX вв. цивилизационная теория становится самостоятельным научным направлением. Ее прорывным*

достижением является понимание истории как множества локальных цивилизаций с уникальной спецификой. Перспективным направлением цивилизациологии становится анализ содержания, состава и структуры локальных цивилизаций, их подсистем и элементов, объединенных в уникальные целостные конгломераты. Исследуются исторические и геополитические детерминанты противостояния Запада и России, его углубление в XXI в. Особое внимание уделено «государствам-нациям» и «государствам-цивилизациям» как широко используемым в современной цивилизационной теории терминам, отражающим различные цивилизационно-детерминированные способы внутривнутриполитического и внешнеполитического поведения государств. Формулируются предположения об их дальнейшем сосуществовании и взаи-

модействии, предстоящих транс-формациях мирового порядка и новой ступени в развитии цивилизационной теории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *цивилизация, цивилизационная теория, цивилизационизация, государство-цивилизация, государство-нация, империя, исторические детерминанты, геополитические детерминанты, цивилизационное противостояние, мировой порядок, Россия, Запад, Китай, Индия.*

Введение

Появление понятия «цивилизация» восходит к периоду европейского Просвещения XVIII в. В XIX–XX вв. получили развитие материалистическое и культурно-историческое понимание цивилизаций. Если сначала данное понятие используется для описания специфики общественной жизни в различных странах (в России это произведения А.Н. Радищева и П.Я. Чаадаева), то во второй половине XIX в., а также в первой половине XX в. в работах российского панслависта Н.Я. Данилевского, германского консервативного историка О. Шпенглера, российско-американского социолога П.А. Сорокина и британского историка и культуролога А. Тойнби цивилизационная теория становится самостоятельным научным направлением. Понимание истории не как единого процесса, а как множества локальных цивилизаций с уникальной спецификой стало научным прорывом. Затем под влиянием модернистских рациональных и позитивистских подходов цивилизационные теории отходят на второй план. Однако в 1990-е годы интерес к ним многократно возрастает и переходит в политическую

плоскость, что связано с завершением биполярного мирового порядка, регионализацией и усилением противоречий во взаимодействии Запада с исламским миром, Китаем и Россией. После окончания холодной войны становятся очевидными возрастание роли незападных цивилизаций и усложнение мира, самостоятельные поиски идентичности народами, не только недавно вышедшими из «капиталистического» и «социалистического» «лагерей», но и формировавшимися на протяжении многотысячелетней цивилизационной истории. В 1990–2000 гг. по цивилизационной проблематике во всем мире было опубликовано огромное количество научных работ. Идея «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона [Хантингтон, 1994] обоснованно и своевременно отразила возвращение в мировую политику значительно более глубоких, по сравнению с геополитическими и идеологическими, противоречий между цивилизациями и, в целом, тенденцию «цивилизационизации» международных и региональных отношений, насыщения противостояний и альянсов глубинными цивилизационными уровнями и аспектами, конгломератами и состояниями [Феофанов, 2021, с. 8].

Содержание, состав и структура локальных цивилизаций

«Цивилизиология» изначально отличалась многозначностью терминов. Цивилизации понимались как «синоним культуры и уровень общественного развития, <...> степень развития, следующая за варварством¹. Описание цивилизаций через культуру снижало ценность предлагаемых определений, так как игнорировало наличие других

1 Цивилизация // Философский энциклопедический словарь/под ред. С.С. Аверинцева [и др.]. – Москва : Советская энциклопедия. 1989. – С. 733.

компонентов. Понятие культуры также является полисемантическим, ведь только в русскоязычном сегменте научной литературы можно обнаружить сотни определений. Значительно различающиеся по количеству и описанию классификации локальных цивилизаций в подходах вышеупомянутых классиков свидетельствуют об отсутствии четких критериев и использовании неточных, эмпирически не верифицируемых, нередко трансцендентных понятий – таких как «душа народа», «духовность», «ментальность», «психический уклад», «цивилизационный архетип» и т.п. Особое место в российской цивилизационной теории занимает проблема «пограничности», «смешанности» и «многоядерности». Их признаком является наличие синтеза двух и более цивилизационных конгломератов. Детерминантой российского цивилизационного развития выступает «сверхгетерогенный» конфессиональный, этнонациональный и территориально-географический синтез, привносящий в российский цивилизационный конгломерат кластеры Севера и Юга, Запада и Востока, Европы и Азии, равнин и гор, суши и моря, неотъемлемое культурное, религиозное, национальное и региональное многообразие. Наряду с синтезом сверхгетерогенность ведет к повседневной то возрастающей, то уменьшающейся противоречивости многоядерных цивилизационных структур, подсистем и элементов, жизненных укладов и векторов развития, рискам общественных преобразований.

Актуальной задачей цивилизационной теории является конкретизация содержания и структуры локальных цивилизаций через взаимодействующие подсистемы и элементы (в частности, предложенное автором «структурное картирование цивилизаций» как объединенных в целостный кон-

гломерат ценностей и норм, культур, институтов и традиций) [Феофанов, 2021, с. 14–15]. Значительная часть подобного структурирования опирается на применение системного и структурно-функционального подходов и связана с анализом структуры локальных цивилизаций – концепции Э. Шилза, Ш. Эйзенштадта, Е.Б. Рашковского, В.Г. Хороса, Б.С. Ерасова, Г.А. Аванесовой и других (см., например [Рашковский, Хорос, 2002]). Содержание и состав мировых и локальных цивилизаций уникальны и никогда не исчерпываются обнаруженными исследователями элементами. В то же время изучение цивилизаций позволяет «картировать» их в связи с общественно-политическими вызовами и угрозами, проявляя внимание к ключевым пространственно-территориальным, историческим, внутри- и внешнеполитическим, социально-структурным, экономическим, этнонациональным и другим подсистемам и элементам. Понятия цивилизационного ядра, количества ядер и характера взаимодействий между ними открывают перед исследователями новые возможности для интерпретации в ложных случаях «полицивизаций», к которым можно отнести прежде всего Китай, Индию, страны Латинской Америки и Россию.

Конгломераты (комплексы) значимых детерминант развития существенно различаются и составляют поддающуюся научному анализу, осязаемую и различимую в эмпирически интерпретируемых формулировках структурную специфику локальных цивилизаций. Данное направление цивилизационной теории позволяет анализировать не только подсистемы и элементы цивилизаций, но и характер взаимосвязей между ними, выступая в качестве основы «продвинутой» цивилизационной компаративистики и позволяя сопоставлять и «срав-

нивать» цивилизации, формулируя аналитические, исторически, прогностически, внешне- и внутривнутриполитически содержательные выводы, уже не ограничиваемые «туманом» множественных философско-культурологических определений. Формулируемая в эмпирически интерпретируемых определениях цивилизационная теория также дает возможность содержательного соотнесения глобальных и региональных тенденций с цивилизационной, страново-национальной и региональной спецификой в целях лучшего понимания современных глобальных и региональных вызовов и угроз.

Исторические и геополитические детерминанты противостояния Запада и России

Противостояние Запада и России началось в ранневизантийский период (V–VI вв.) в виде «отдаления» друг от друга западных и восточных частей в условиях сверхвысокой с точки зрения имевшихся управленческих возможностей пространственной протяженности Римской империи. Региональные административные, поведенческие и догматические различия способствовали всё большему усилению центробежных сил и взаимным анафемам X–XI вв. (не отмененным до 1965 г.). Великий христианский раскол 1054 г. способствовал окончательному разделению римско-католической и православной церквей, дальнейшему исключению православной цивилизации из европейских процессов перехода от Средневековья к Новому времени (Ренессансу, Реформации и Просвещению) и следованию собственным уникальным путем. Знаковым событием углубляющегося размежевания католической и православной цивилизаций

стало образование в 962 г. на территориях Западной Европы конфедерации католических государств как продолжения, пусть и в квази- или эрзац-варианте, античного имперского Рима в виде Священной Римской империи.

Геополитическое положение Руси как «срединной земли», «центральной земли» или «Хартленда» (в терминах Х. Маккиндера), способствуя спасению Старого Света и всей Евразии от монгольского завоевания, привело в действие компенсаторные мессианские идеологические конструкции, главной из которых становится доктрина «Москва – третий Рим». В начале XIX в. схожая геополитически обусловленная ситуация повторяется в виде возможности предотвращения дальнейшего наполеоновского «перекраивания» Европы. Защищая себя от завоевателей, Россия спасает другие народы от наполеоновского завоевания и победоносно участвует в европейской политике. Геополитически детерминированная логика истории снова воспроизводится в периоды Первой (обеспечение победы Антанты) и, особенно, Второй мировой войны (обеспечение победы антигитлеровской коалиции), еще больше упрочивая самоидентификационное противопоставление с Западом и мессианские идеи «особой роли» Руси – России – СССР. Спустя 120 лет после идей Х. Маккиндера представляют интерес гипотезы о смещении «Хартленда» в сторону Китая и Индии и их особой будущей значимости для человечества [Кортунов, 2019].

Наряду с многовековым, начиная с проевропейских реформ Петра I, стремлением на Запад и осознанием себя как части Европы, неотъемлемым элементом самоидентификации России в продолжение столетий выступало критическое отношение к Западу, разграничение «мы» и «они». Противоположно направленные тен-

денции в российском общественном сознании и архетипах коллективного бессознательного приводили к европоцентризму XIX в., к прозападной ориентированности постсоветской России в форме «нового мышления» в конце XX в. [Горбачёв, 1987] и к проевропейским интеграционным проектам «от Лиссабона до Владивостока» в начале XXI в., а также ко всё более глубокому размежеванию с цивилизационным Западом в 2010–2020-е годы. Цивилизационная теория позволяет убедительно интерпретировать данные противоречивые про- и антиевропейские, в целом про- и антизападные самоидентификационные архетипы.

Углубление цивилизационного противостояния «Запад – Россия» в XXI в.

В результате распада СССР идеология социализма и коммунизма утрачивает господствующий статус, что приводит российское общество к саморефлексии, попыткам нового осознания собственных цивилизационных детерминант. «Кто мы?», «откуда мы?», «куда идем?», «кто виноват?», «что делать?» и «чем мы отличаемся от них?» – как всегда на переломных этапах истории, ставились вопросы цивилизационного выбора, результирующие, итоговые ответы на которые, как было показано выше, на протяжении столетий всегда формулировались в терминах «уникальность», «самобытность» и «особый путь». Идеологическое противостояние «капитализм – социализм» постепенно цивилизационизировалось, трансформировалось в основанное на более глубоких и комплексных многовековых детерминантах, цивилизационное противостояние «Запад – Россия». В свою очередь, на основе нового осознания «особого пути» и цивилизационной суверен-

ности стали возникать новые формы идеологических, а также гибридных противостояний, связанных с парадигматическими изменениями в дискурсивных, пропагандистских, медийных и кибернетических механизмах искажения информации в эпоху «постправды» [Феофанов, 2023, с. 36–38].

Страны, ранее входившие в «орбиту» СССР, присоединились к Европейскому союзу и НАТО и в целом к западной цивилизации. Или же наоборот – к восточной интеграции на конфессиональной основе, активизировав участие в международных исламских организациях. Славянские и православные солидарности также претерпели изменения в сторону их ослабления. Православие продолжает сохранять цивилизациеформирующий характер в России, выступающей в качестве отдельной цивилизации, государства-цивилизации и полицивилизации с православным, исламским и другими ядерными цивилизационными конгломератами. Геополитическая конкуренция с Западом сопровождается демографическими вызовами с Востока, связанными с высоким приростом тюркоязычного населения в южных регионах России и граничащих с Россией азиатских странах. В свете указанных процессов можно, согласно авторской концепции, говорить об определенной степени «цивизационного одиночества» России и реализации в современных условиях пророчества старца Филофея о «Москве – третьем Риме» [Феофанов, 2021, с. 28].

Использование термина «государство-цивилизация» в Концепции внешней политики Российской Федерации в редакции от 31 марта 2023 г. свидетельствует, помимо коррекции политических приоритетов на фундаменте нового осознания собственной цивилизационной субъектности, самобытности и суверенности,

об изменении доктринального содержания и повышении обществоведческого внимания к цивилизационной теории². Как показано выше, новейшая артикуляция самоидентификационного противостояния «мы – они» не является исключительно политическим решением. Оно имеет значительно более глубокие детерминанты и свидетельствует о возобновлении после временного замешательства 1990-х – начала 2000-х годов евразийского цивилизационного и интеграционного проекта как антитезы проекту евроатлантическому.

Цивилизационно-исторические феномены «государства-нации» и «государства-цивилизации»

«Государство-нация» (также «национальное государство», *nation state*) является широко известным политологическим и историческим термином. На протяжении XX в. привлекательность государственного суверенитета способствовала возрастанию количества независимых государств с 62 до 193. Вместе с тем данная форма организации государственности не свободна от вызовов и угроз. В мире существует немного национальных государств, в которых государственные и этнические границы совпадают. Межнациональным и межгосударственным конфликтам способствуют национальные меньшинства, стремящиеся к суверенизации, и неустойчивые государственные и региональные границы, особенно в государствах, возникших в XIX–XX вв. на обломках прежних империй. Западное либеральное понимание национального государства основано не на национальности или этнической принадлежности,

а на факторах, понимаемых универсалистски, гражданства и гражданской солидарности. Наивысшим практическим проявлением модернистской концепции национальных государств стала деятельность Лиги Наций и Организации Объединённых Наций и в целом формирование биполярного миропорядка как отношений между национальными государствами. Однако в современных условиях модернистские универсальные и региональные международные организации всё больше подвергаются критике как не справляющиеся со своими задачами. В этом критики модерна, в том числе модернистской концепции «государств-наций», усматривают серьёзный вызов, провозглашая предстоящие парадигматические перемены в мировой политике. Начиная с 1960-х годов на волне модернизационных и научно-технологических достижений модернизм перестает быть господствующей мировоззренческой парадигмой, продолжая далее сосуществовать с постмодернизмом, провозглашающим недоверие к «безупречным» и «рациональным» «истинам», обогатившим политические науки концепциями поствестфальского и полицентричного мира, глобализации и регионализации, симулякров и «постправды», не только возможностью, но и ожидаемостью различных, в том числе противоположных, интерпретаций. Начиная с конца 2000-х годов можно говорить о метамодернизме как колебаниях между модернистскими и постмодернистскими подходами в попытках отказаться от ограничений и того и другого.

В дополнение и в противовес к классической модернистской идее о государстве-нации термин «госу-

2 На концепцию «государство-цивилизация» опирается образовательная дисциплина «Основы российской государственности». См.: [Сергеев, 2024].

дарство-цивилизация» (также «цивилизационное государство», *civilization state, civilizational state*) всё масштабнее используется в 2010-е годы как в научной литературе [Zhang Weiwei, 2012; Prakash Singh, 2016; Coker, 2019, pp. xi–xii; Acharya, 2020; Therborn, 2021], так и в СМИ³. Данный термин был впервые применен британским исследователем М. Жаком для характеристики Китая, его уникально долгой преемственности традиций и ценностей, уникальной территориальной, демографической и этнической разнородности [Jacques, 2009]. Впрочем, идея значимой специфики осознавалась исследователями и политиками этих стран задолго до активного научного использования подходящего термина. Прежде всего речь идет о Китае, Индии и России (например, [Кошкин, Черданцев, 2017; Наумкин, 2020; Данильченко, 2023]), реже о Турции [Al-Hafidh, 2020]. Также встречаются работы о самобытной цивилизованности Ирана [Mousavinia, Dareini, 2021], Египта [Soliman, 2021] и Армении [Arzumanyan, Arzumanian, 2020]. Идея применялась и в политических целях для иллюстрации собственной уникальности по сравнению с «обычными» государствами-нациями. Китай уже две тысячи лет позиционирует себя прежде всего как цивилизацию, а не как страну или государство-нацию – сегодня может идти речь о «Синосфере» (*Sinosphere*) как китайском мире [Fogel, 2009]. Данное утверждение в значительной мере можно отнести и к другим вышеназванным государствам. Признаками государств-цивилизаций являются «адаптивность системы государствоустройства к ци-

визационной среде, <...> двухуровневая идентичность, включающая уровни этнической и цивилизационной идентификации; надэтническая идеология, <...> наличие идентичной, исторически преемственной системы ценностей и смыслов, <...> позиционирование в качестве ядра цивилизационного мира, выходящего <...> за рамки границ соответствующего государства» [Багдасарян, 2022]. Признаками государств-цивилизаций также обычно считаются их «культурная уникальность», «историческая устойчивость», «геополитическая роль», «незападность» и «имперское прошлое», а также такие проявления сверхгетерогенности, как «обширная территория» и «многонациональный состав» [Зевелёв, 2009; Спиридонова, Соколова, Шевченко, 2016; Смирнов, 2019; Ильичева, Лапин, Ильичева, 2024].

Понятие «государство-цивилизация» терминологически связано с понятиями этноса, нации, национализма, империи, институтов и механизмов государственной политики нации и империестроительства, что нашло отражение в многочисленных исследованиях [Кара-Мурза, Куропаткина, 2014; Багдасарян, 2014; Паин, 2016; Астафьева, 2016; Бахлова, Бахлов, 2019; Тишков, 2021]. В отличие от одноставных этносов, наций и многочисленных форм национализма (этнического, географического, исторического, идеологического, теократического и мессианского, «официального» и «неофициального» и др.), формирующих этнонациональные идентичности в национальных государствах, империи и государства-цивилизации обладают значительно большей гетерогенностью

3 Например: Rachman G. China, India and the Rise of the «Civilisation State» // Financial Times. – 2019. – 4 March; Pabst A. China, Russia and the Return of the Civilisational State // NewStatesman. – 2019. – 8 May; Dorsey J.M. Civilizationism vs the Nation State // Eurasia Review. – 2019. – 25 March. – URL: <https://www.eurasiareview.com/25032019%20civilizationism%20vs%20the%20nation%20state%20analysis/> (дата обращения: 21.09.2024).

и двусоставной (не только этнонациональной, но и цивилизационной) идентичностью. Империи в своем генезисе восходят к античности, выступая в качестве распространенного типа наднациональной политической структуры с сильным центром и управляемой, как правило, насильственно присоединенной, завоеванной или колонизированной периферией. Империи строятся для талассократической или теллурократической формы экспансии принципы государственного управления различными территориями. Понятие «государство-цивилизация» отражает реалии современной трансформации миропорядка, опирается на достижения цивилизационной теории, акцентирует продолжительность и устойчивость опыта цивилизационного развития государств.

Идея государства-цивилизации и в целом антизападные и антиуниверсалистские подходы критикуются противниками из числа сторонников теории «государство-нация» за цивилизационный (и национальный) снобизм, самовозвеличивание, консерватизм, антилиберализм, авторитаризм и нетерпимость по отношению ко «всем остальным» странам, которые «не дотягивают» до «цивилизационных гигантов», являясь государствами-нациями или занимая промежуточное положение. Они выступают за «архаичность», древнее премодернистское происхождение основополагающих ценностей, норм и традиций [Степанянц, 2021; Ситников, 2022], а также за упрощенчество и эклектизм, игнорирование того, что не укладывается в теорию – отнесение того или иного государства к государствам-цивилизациям то на основе религиозного, то этнического, то территориального, то «имперского» критерия. М. Жак, в частности, настаивает на большей

цивилизационности Китая по сравнению с Индией, что вызывает много вопросов не только у индийских исследователей. Тем не менее в политических науках и в практической политике становится всё более распространенной «цивилизационистская» саморепрезентация ряда государств, прежде всего Китая, Индии, России и нескольких других. Переизбыток информации в «эпоху постправды», когда каждый исследователь ограничен собственным произвольным выбором авторитетов и литературы среди предшественников по цивилизационной теории, нередко способствует «изобретению велосипеда» и снижает глубину рассмотрения вследствие недоучета уже разработанных концепций («картирования» факторов сверхгетерогенности, состава и структуры цивилизаций, одноядерности государств-наций и многоядерности государств-цивилизаций).

Понятия «государство-цивилизация» и «государство-нация» нередко рассматриваются как противоположные, отражая напряженность между западной либеральной цивилизацией и незападными консервативными государствами-цивилизациями, между цивилизационным и геополитическим Западом и Востоком. Тем не менее и для западных, и для незападных государств становится всё более характерно участие в международном дискурсе о государствах-цивилизациях: для западных государств – в качестве средства подчеркивания собственных цивилизационных преимуществ и критики незападных государств; для незападных государств – как средства привлечения внимания внутри- и внешнеполитических адресатов к отстаиванию и сохранению собственной цивилизационной идентичности. В трансформирующихся конфигурациях мирового порядка вполне по-метамодернистски будут происходить «колебания» между мо-

дернистскими и постмодернистскими акторами и институтами, интерпретациями и векторами развития, так как ни одна парадигма ни добровольно, ни принудительно пока не собирается полностью прекращать свое существование. При широком распространении государств-наций в качестве цивилизационной конструкции несколько государств, продолжая обладать отдельными характеристиками государств-наций или постепенно утрачивая их, будут во всё большей степени осознавать самих себя государствами-цивилизациями и на этой основе выстраивать внешнеполитические и внутривнутриполитические взаимодействия. Конкурентное сосуществование государств-наций и государств-цивилизаций, нескольких крупных акторов из числа тех и других, попеременное усиление и ослабление противостоящих государств и союзов, возникновение и сопряжение новых интеграционных платформ в условиях цивилизационного плюрализма и полицентричного мира XXI в. будут способствовать возникновению парадигматически новых, более сложных вследствие своей многоуровневости конфигураций мирового порядка. Увеличение политического и научно-теоретического внимания к государствам-цивилизациям отражает и провозглашает происходящую в настоящее время новую смену парадигмы цивилизационного развития человечества, связанную с переходом к мироустройству, основанному на различных национально-цивилизационных укладах и способах сосуществования. Данный трансформационный тренд в обществах и общественно-политических науках будет продолжать развиваться, соответствуя парадигматическим изменениям мирового порядка и новой ступени в развитии цивилизационной теории.

Заключение

Вслед за реанимированным в 1990-е годы понятием «цивилизация» термин «государство-цивилизация» с конца 2000-х годов занял устойчивые позиции в мировом общественно-политическом дискурсе. Интерес к нему был обусловлен проблематизацией моноцентричного миропорядка и глобалистско-универсалистских моделей общественного развития в государствах-нациях наряду с увеличением политических и экономических возможностей суверенных и самобытных государств-цивилизаций. Современному пониманию государств-цивилизаций предшествовала длительная история преемственности и борьбы идей от изучения традиционных ценностей и институтов досовременных обществ через интерпретацию модернизации современных наций-государств к рассмотрению государств-цивилизаций в качестве особого цивилизационного конгломерата. Государства-нации, основанные на национальной идентичности, государственном суверенитете, правовом равенстве, национальной культуре и традициях, послужили формированию миропорядка XX в., представляемому как отношения между ними, в том числе посредством универсальных международных организаций.

Государство-цивилизация представляет собой другую, особую форму цивилизационной организации, не ограничиваемую рамками физической территории и основанную на многотысячелетних объединяющих ценностях и нормах, культуре, институтах и традициях. Это прежде всего Китай, в котором традиции, культура и конфуцианская этика тысячелетиями выступают фундаментом общественно-политического устройства. Это также Индия, самостоятельная цивилизационность которой обусловлена

многотысячелетними традициями, сформировавшимися на основе разнообразия этносов, языков и религий. Это Россия, тысячелетняя самобытная цивилизованность которой формировалась в условиях территориальной и этнической сверхгетерогенности под влиянием Византии, Золотой Орды и Европы при объединяющей роли православного христианства. Это и другие государства современного мира, не укладывающиеся в прокрустово ложе государств-наций вследствие многотысячелетней цивилизационной специфики и национально-этнической, территориальной и конфессиональной сверхгетерогенности. Адаптивность и автономность по отношению к внешним воздействиям создают для государств-цивилизаций предпосылки длительной устойчивости и особой цивилизационной и геополитической роли.

Список литературы

- Астафьева Е.М. Нациестроительство в гетерогенном обществе: проблема выбора пути // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3 : Общественные науки. – 2016. – № 1 (149). – С. 52–66.
- Багдасарян В.Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17, № 6. – С. 23–24. – DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-6-15-29.
- Багдасарян В.Э. Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 47–50.
- Бахлова О.В., Бахлов И.В. Государственная политика нациестроительства в России: содержание, институты и механизмы // Регионология. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 413–435. – DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.413-435.
- Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. – Москва : Издательство политической литературы, 1987. – 271 с.
- Данильченко С.Л. Российское государство-цивилизация в пространстве современного гуманитарного знания: монография. – Уфа : Аэтерна, 2023. – 138 с.
- Зевелёв И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // Россия в глобальной политике. – 2009. – Т. 7, № 6. – С. 176–193.
- Ильичева Л.Е., Лапин А.В., Ильичева М.В. Умеренный консерватизм как идеология российского государства-цивилизации // Власть. – 2024. – Т. 32, № 2. – С. 24–42. – DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-24-42.
- Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. Нациестроительство в современной России. – Москва : Алгоритм, 2014. – 408 с.
- Кортунов А.В. Воссоединение Хартленда: геополитическая химера или исторический шанс? // РСМД. – 2019. – 6 февраля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vossoedinenie-khartlenda-geopoliticheskaya-khимерa-ili-istoricheskii-shans/> (дата обращения: 18.09.2024).
- Кошкин А.П., Черданцев В.В. Россия как государство-цивилизация: современная российская нация. – Москва : Белый ветер, 2017. – 192 с.
- Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 78–93. – DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06.
- Паин Э.А. Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестник общественного мнения. – 2016. – № 1–2 (122). – С. 126–139.
- Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность //

Восток – Запад – Россия : сб. статей. – Москва : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 36–66.

Сергеев А.Л. Основы российской государственности : учебное пособие. – Москва : Проспект, 2024. – 144 с.

Ситников А.П. Архаизация российского общества: культурные детерминанты, формы проявления и перспективы развития. дис. ... докт. филос. наук. – Майкоп : Адыгейский государственный университет, 2022. – 307 с.

Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. – Москва: ООО «Садра», 2019. – 216 с.

Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. – Москва : ИФ РАН, 2016. – 122 с.

Степанянц М.Т. Цивилизация как объект политического конструирования // Электронный философский журнал «Vox». – 2021. – Март, Вып. 32. – С. 10–11. – URL: <http://vox-journal.org> (дата обращения: 23.09.2024).

Тишков В.А. Нация, национализм и нацистроительство // Россия в глобальной политике. – 2021. – № 2 (108). – С. 42–62. – DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-42-62.

Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель – Observer. – 2023. – № 2 (397). – С. 36–51. – DOI: 10.48137/2074-2975_2023_2_36.

Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. – 3-е изд., испр. и перераб. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2021. – 218 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.

Acharya A. The Myth of the Civilization State: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // Ethics & International Affairs. – 2020. – Vol. 34,

N 2. – P. 139–156. – DOI: 10.1017/S0892679420000192.

Al-Hafidh R. Rise of the Civilizational State in Post-Nation-State Middle East // Daily Sabah. – 2020. – May 29. – URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/oped/rise-of-the-civilizational-state-in-post-nation-state-middle-east> (дата обращения: 21.09.2024).

Arzumanyan A., Arzumanyan H. Armenia in the Context of the Concept of a Civilization State // Academia.edu. – 2020. – 28 p. – URL: https://www.academia.edu/57780453/Armenia_in_the_context_of_the_concept_of_a_civilization_state (дата обращения: 23.09.2024).

Coker Ch. The Rise of the Civilizational State: China, Russia and the Islamic Caliphate and the Challenge to the Liberal World Bridge. – Cambridge : Polity Press, 2019. – 230 p.

Fogel J. Articulating the Sinosphere. – Cambridge : Harvard University Press, 2009. – 216 p.

Jacques M. When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. – London : Allen Lane, 2009. – 576 p.

Mousavinia S.R., Dareini A.A. “Civilization State” or “Nation State”: A Perspective on Iran’s Foreign Policy // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 4. – С. 145–153. – DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.18.

Prakash Singh A. New Paradigm for India: from Nation-State to Civilizational-State // Swarajya. – 2016. – March 21. – URL: <https://www.swarajyamag.com/books/new-paradigm-for-india-from-nation-state-to-civilizational-state> (дата обращения: 21.09.2024).

Soliman M. The Return of the Pharaohs: The Rise of Egypt’s Civilization State // Middle East Institute. – 2021. – September 16. – URL: <https://www.mei.edu/publications/return-pharaohs-rise-egypts-civilization-state> (дата обращения: 23.09.2024).

Therborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. – 2021. – Vol. 14. – P. 225–242. – DOI: 10.1007/s40647-020-00307-1.

Zhang Weiwei. The China Wave: Rise of a Civilizational State. – Hackensack, NJ: World Century Publishing Corporation, 2012. – 205 p.

Under Discussion

DOI: 10.31249/kg/2024.04.08

The Concept of “Civilization State” as a Direction in the Development of Civilizational Theory

Konstantin A. FEOFANOV

Dr. Sc. (Political Sciences), Professor, Leading Researcher at the Center for Interdisciplinary Research Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117149
E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2279-5292

CITATION: Feofanov K.A. (2024). The Concept of “Civilization State” as a Direction in the Development of Civilizational Theory. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 122–135 (in Russian).
DOI: 10.31249/kg/2024.04.08

Received: 26.09.2024.

Revised: 28.11.2024.

ABSTRACT. *The article is devoted to the concept of “civilization state” as a direction in the development of civilizational theory. It analyzes the history of scientific application of the concept of civilization, the content, composition and structure of civilizations, historical and geopolitical determinants of the confrontation between the West and Russia, the deepening of the civilizational confrontation “West – Russia” in the 21st century, the phenomena of “nation state” and “civilization state”, the civilizationally determined trends of transformation of the modern world order. Initially used to describe the social and*

political life in different countries, at the turn of the 19th – 20th centuries civilization theory became an independent scientific direction. Its breakthrough achievement was the understanding of history as a multitude of local civilizations with unique specificity. The analysis of the content, composition and structure of local civilizations, their subsystems and elements united into unique integral conglomerates became a promising direction of civilization research. Historical and geopolitical determinants of the confrontation between the West and Russia, its deepening in the 21st century are explored. Particular atten-

tion is paid to “nation states” and “civilization states” as terms widely used in contemporary civilizational theory, reflecting different civilization-determined ways of domestic and foreign policy behavior of the states. Assumptions are formulated about their further coexistence and interaction, upcoming transformations of the world order, and the new stage in the development of civilizational theory.

KEYWORDS: *civilization, civilizational theory, civilizationization, civilization state, nation state, empire, historical determinants, geopolitical determinants, civilizational confrontation, world order, Russia, West, China, India.*

References

- Acharya A. (2020). The Myth of the Civilization State: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. *Ethics & International Affairs*. Vol. 34, no. 2, pp. 139–156. DOI: 10.1017/S0892679420000192.
- Al-Hafidh R. (2020). Rise of the Civilizational State in Post-Nation-State Middle East. *Daily Sabah*. May 29. Available at: <https://www.dailysabah.com/opinion/oped/rise-of-the-civilizational-state-in-post-nation-state-middle-east>, accessed 21.09.2024.
- Arzumanyan A., Arzumanian H. (2020). Armenia in the Context of the Concept of a Civilization State. *Academia.edu*. 28 pp. Available at: https://www.academia.edu/57780453/Armenia_in_the_context_of_the_concept_of_a_civilization_state, accessed 23.09.2024.
- Astafieva E.M. (2016). Nation-building in a heterogeneous society: the problem of choosing a path. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3 “Social Sciences”*. No. 1 (149), pp. 52–66 (in Russian).
- Bagdasaryan V.E. (2014). Nation-building or empire-building: a fork in the road. *Problem Analysis and Public Administration Design*. Vol. 7, no. 1, pp. 47–50 (in Russian).
- Bagdasaryan V.E. (2022). The concept of the state-civilization: problems of methodology and political implementation. *Srednerusskiy vestnik sotsialnykh nauk*. Vol. 17, no. 6, pp. 23–24 (in Russian). DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-6-15-29.
- Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. (2019). State policy of nation building in Russia: content, institutions and mechanisms. *Regionology*. Vol. 27, no. 3, pp. 413–435 (in Russian). DOI: 10.15507/2413-1407.107.027.201903.413-435.
- Coker Ch. (2019). *The Rise of the Civilizational State: China, Russia and the Islamic Caliphate and the Challenge to the Liberal World Bridge*. Cambridge: Polity Press, 230 pp.
- Danilchenko S.L. (2023). The Russian State-Civilization in the Space of Modern Humanitarian Knowledge. Ufa: Aeterna, 138 pp. (in Russian).
- Feofanov K.A. (2021). *The Civilizational Theory of Modernization*. 3rd ed. Moscow: Publishing and Trading Corporation “Dashkov and Co.” 218 pp. (in Russian).
- Feofanov K.A. (2023). Post-truth as a factor of degradation of socio-political discourse. *Observer*. No. 2 (397), pp. 36–51 (in Russian). DOI: 10.48137/2074-2975_2023_2_36.
- Fogel J. (2009). *Articulating the Sinosphere*. Cambridge: Harvard University Press, 216 pp.
- Gorbachev M.S. (1987). *Perestroika and New Thinking for Our Country and the Whole World*. Moscow: Publishing House of Political Literature, 271 pp. (in Russian).
- Huntington S. (1994). Clash of Civilizations. *Polis (Russian Federation)*. No. 1, pp. 33–48 (in Russian).
- Ilyicheva L.E., Lapin A.V., Ilyicheva M.V. (2024). Moderate conservatism as an ideology of the Russian state-civilization. *Vlast*. Vol. 32, no. 2, pp. 24–42 (in Russian). DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-24-42.
- Jacques M. (2009). *When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom*

and the End of the Western World. London: Allen Lane, 576 pp.

Kara-Murza S.G., Kuropatkina O.V. (2014). *Nation-building in Modern Russia*. Moscow: Algorithm Publisher, 408 pp. (in Russian).

Kortunov A.V. (2019). The reunification of the Heartland: a geopolitical chimera or a historical chance? *RIAC*. February 6. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vossoedinenie-khartlenda-geopoliticheskaya-khimera-ili-istoricheskii-shans/> accessed 18.09.2024.

Koshkin A.P., Cherdantsev V.V. (2017). *Russia as a State-Civilization: The Modern Russian Nation*. Moscow: Bely Veter Publisher, 192 pp. (in Russian).

Mousavinia S.R., Dareini A.A. (2021). "Civilization State" or "Nation State": A Perspective on Iran's Foreign Policy. *Humanities and Law Research*. No. 4, pp. 145–153. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.18.

Naumkin V.V. (2020). The model of the non-West: is there a state-civilization? *Polis (Russian Federation)*. No. 4, pp. 78–93 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06.

Pain E.A. (2016). Modern Russian nationalism: dynamics of political role and content. *Bulletin of Public Opinion*. No. 1–2 (122), pp. 126–139 (in Russian).

Prakash Singh A. (2016). New Paradigm for India: from Nation-State to Civilizational-State. *Swarajya*. March 21. Available at: <https://www.swarajyamag.com/books/new-paradigm-for-india-from-nation-state-to-civilizational-state>, accessed 21.09.2024.

Rashkovsky E.B., Khoros V.G. (2022). World civilizations and modernity. *East – West – Russia: Collection of articles*. Moscow: Progress-Tradition, pp. 36–66 (in Russian).

Sergeev A.L. (2024). *Fundamentals of Russian Statehood: A Textbook*. – Moscow: Avenue, 144 pp. (in Russian).

Sitnikov A.P. (2022). *Archaization of Russian Society: Cultural Determinants, Forms of Manifestation and Development Prospects*. Dissertation of Dr. Sc. in Philosophy. Maikop: Adygea State University, 307 pp. (in Russian).

Smirnov A.V. (2019). *The Universal vs Panhuman*. Moscow: Sadra LLC, 216 pp. (in Russian).

Soliman M. (2021). The Return of the Pharaohs: The Rise of Egypt's Civilization State. *Middle East Institute*. September 16. Available at: <https://www.mei.edu/publications/return-pharaohs-rise-egypts-civilization-state>, accessed 23.09.2024.

Spiridonova V.I., Sokolova R.I., Shevchenko V.N. (2016). *Russia as a State-Civilization: Philosophical and Political Analysis*. Moscow: Institute of Philosophy of the RAS, 122 pp. (in Russian).

Stepanyants M.T. (2021). Civilization as an object of political construction. *Vox electronic philosophical magazine*. March, issue 32, pp. 10–11 (in Russian). Available at: <http://vox-journal.org>, accessed 23.09.2024.

Therborn G. (2021). States, Nations, and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 14, pp. 225–242. DOI: 10.1007/s40647-020-00307-1.

Tishkov V.A. (2021). Nation, nationalism and nation building. *Rossiia v global'noy politike*. No. 2 (108), pp. 42–62 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-42-62.

Zevelev I.A. (2009). The future of Russia: nation or civilization? *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 7, no. 6, pp. 176–193 (in Russian).

Zhang Weiwei (2012). *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. Hackensack, NJ: World Century Publishing Corporation, 205 pp.

УДК 008+001.89

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.09

Цивилизационный подход и исследование цивилизаций в библиотечном и наукометрическом анализе

Сергей Валерьевич СОКОЛОВнаучный сотрудник, заведующий Научно-исследовательским отделом
библиотековедения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: beholder73@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2068-6797

ЦИТИРОВАНИЕ: Соколов С.В. Цивилизационный подход и исследование цивилизаций в библиотечном и наукометрическом анализе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 136–154.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.09

Статья поступила в редакцию 23.06.2024.

Исправленный текст представлен 08.07.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье представлены возможности библиотечного и наукометрического анализа при определении структуры, тематического охвата, ведущих научных институтов и образовательных организаций, авторов и редакторских коллективов научной области «исследование цивилизаций и методика цивилизационного подхода». Уточняется вклад российских авторов в развитие данного подхода и особенно сотрудников Российской академии наук, в частности Института научной информации по общественным наукам РАН. Комплексное исследование отдельной предметной области проводится на основе инструментария научной электронной библиотеки eLibrary. Значительное внимание в статье уделяется

новому виду поиска с использованием искусственного интеллекта («нейро-поиску»), выявлению его преимуществ и недостатков, а также определению предметной области «цивилизационный подход» при помощи поиска по ключевым словам. Анализируется значение публикаций по библиотековедению, библиографоведению и книговедению в развитии данной темы, определяются перспективы использования библиотечного и наукометрического анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цивилизационный подход, библиотечный и наукометрический подход, наукометрия, eLibrary, обзорная статья, искусственный интеллект, ключевые слова.

Введение

Цивилизационный подход и исследование цивилизаций как методологической основы понимания особенностей экономического, социального, культурного и политического развития стран и народов в первой четверти XXI в. приобрели новый импульс развития с учетом кардинальных геополитических изменений, нарастающим не только политическим и экономическим, но и онтологическим (цивилизационным) противостояния между странами объединенного Запада, Российской Федерацией, другими центрами силы многополярного мира.

В настоящее время, когда вопросы консолидации постсоветского пространства являются решающими в нарастающем цивилизационном противостоянии, уточнение принципов формирования цивилизаций, факторов регионального интеграционного взаимодействия имеет максимальную актуальность и научную значимость. С признанием тезиса о том, что диалектическое единство духовной и материальной культуры [Яковлев, 2011] является основой для формирования цивилизаций, следует признать и то, что предпосылки социально-экономической интеграции стран постсоветского пространства во многом связаны с удовлетворением как материальных, так и духовных потребностей народов объединяющихся стран [Яковлев, 2013, с. 223]. Решение вопроса о том, готова ли Россия стать центром новой цивилизационной идентичности или продолжит выполнять свою мировую миссию как государство-цивилизация, зависит от воли политических лидеров, социально-экономических условий интеграционных процессов, должной проработки внешнеполитической стратегии, учитывающей

как экономическую, так и духовную компоненты. Систематизация всего корпуса литературы по проблеме «государства-цивилизации» и смежным темам, выделение наиболее значимых публикаций по «цивилизационной» проблематике, постановка проблемы о соотношении цивилизации и общественно-экономической формации возможны при использовании библиотечного и наукометрического анализа.

Библиотечный и наукометрический анализ является комплексной методикой исследования общественно-политических, социокультурных процессов при помощи библиотечного справочного-поискового аппарата, инструментария лингвистического и технологического обеспечения библиотечно-информационной деятельности. Принимая во внимание значимость системы документных коммуникаций в общественной жизни, роль научной электронной библиотеки *eLibrary* в научной и образовательной политике, отметим, что проведенный на основе ее алгоритмов библиотечный и наукометрический анализ обладает прекрасным функционалом изучения предметных областей научного знания. Для комплексного исследования отдельной методики цивилизационного подхода и предметной области исследования цивилизаций можно воспользоваться такими инструментами, как сквозной поиск по всем полям в *eLibrary*, так называемый нейропоиск, который был запущен с апреля 2024 г., и поиск по ключевым словам. Определим авторитетные научные работы по цивилизационному подходу и исследованию цивилизаций; выделим блок взаимосвязанных публикаций и обозначим ведущие и наиболее перспективные исследовательские темы в данной предметной области.

Определение авторитетных научных работ по цивилизационному подходу и исследованию цивилизаций в сквозном поиске по всем полям поисковой базы eLibrary

Проведение сквозного поиска по всем полям поисковой базы (в названиях публикаций, организаций, где работают авторы, в аннотациях, в полных текстах публикаций) возможно в eLibrary с учетом морфологии ведущего поискового слова, например «цивилизация». Научные публикации, в которых с учетом морфологии содержится слово «цивилизация», представляют большую выборку из 158945 работ, в которой более 1000 цитирований имеют монографии П.А. Сорокина [Сорокин, 1992], С. Хантингтона [Хантингтон, 2003], У. Бека [Бек, 2000], В.С. Степина [Степин, 2000], Э. Тоффлера [Тоффлер, 1999], А. Тойнби [Тойнби, 1991], Н. Лумана [Луман, 2004], М.К. Горшкова в соавторстве с Ф.Э. Шереги [Горшков, Шереги, 2010], А.М. Новикова [Новиков, 2000], К.А. Абульхановой-Славской в соавторстве с Т.Н. Березиной [Абульханова-Славская, Березина, 2001], В.И. Данилова-Данильяна в соавторстве с К.С. Лосевым [Данилов-Данильян, Лосев, 2000] и совместная монография Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Инглхарт, Вельцель, 2011]. В этой подборке присутствуют учебные пособия С.С. Алексеева по правоведению [Алексеев, 1995] (в список попали как первое, так и второе издание учебника), Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез по лингводидактике [Гальскова, Гез, 2006] и В.А. Масловой по лингвокультурологии [Маслова, 2004].

Также в данном списке присутствует публикация И. Пригожина [Пригожин, 1991] в журнале «Вопросы философии» (организация-издатель –

Институт философии РАН) и статья С. Хантингтона [Хантингтон, 1994] в журнале «Полис. Политические исследования». Характерно, что в данном списке из 18 работ треть опубликована сотрудниками институтов Российской академии наук (Института философии РАН, Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Института водных проблем РАН и др.), а еще в нескольких они выступили редакторами.

Особенно хотелось бы выделить в списке ведущих работ по проблемам развития цивилизаций работу выдающегося российского библиотековеда А.В. Соколова [Соколов, 2002]. А.В. Соколов известен своими работами в области взаимодействия библиотечной и информационной сфер с системой общественных коммуникаций, включая науку и образование. Основа большинства исследований этого автора – внимание к национальной безопасности и ее гуманитарным составляющим. В данном учебном пособии А.В. Соколов видит историю человечества как историю цивилизаций, начиная с «локальных цивилизаций» так называемой археокультуры в IV–III тыс. до н. э., через неокультуру западной цивилизации до постнеокультуры современного мира «с мультимедийными глобальными коммуникационными каналами и с культурным наследием, хранящимся в распределенной памяти компьютерных сетей» [Соколов, 2002, с. 4]. Под западной цивилизацией, отличающейся преобладанием документальных коммуникативных каналов, ролью книги и печатной продукции в целом в системе социальных коммуникаций, автор объединяет Западную Европу и Ближний Восток [Соколов, 2002, с. 118]. В связи с этим формирование национальных библиотечных систем автор считает особенностью западной цивилизации [Соколов, 2002, с. 127]. Четыре раздела

духовной культуры (национальный язык, самосознание общества, социальные нормы и технологические умения) и три раздела материальной культуры (документы, артефакты как предметы музейных коллекций и освоенная природа) образуют культурное наследие [Соколов, 2002, с. 64] – основу любой цивилизации, которая вместе с социальным бессознательным (предмет изучения этнопсихологии) формирует историческую память. Развитие цивилизаций идет в постоянной борьбе традиций и новаций, в которой библиотеки и музеи являются «цитаделью традиционности», «но не в силу традиционной технологии библиотечного или музейного дела, а в силу присущих им функций хранения документированного культурного наследия и обеспечения общественного его использования» [Соколов, 2002, с. 62]. В настоящее время автор видит решающее значение «макрокоммуникационного диалога», в котором участвуют народы государства и прежде всего цивилизации [Соколов, 2002, с. 33]. Автор признает зависимость современной российской цивилизации от документной коммуникации и предлагает четыре сценария («Россия во мгле», «Россия в сумерках», «Россия на рассвете» и «Россия – страна чудес»), которые напрямую связывает с суверенитетом России и ее способностью сохранять цивилизационную самобытность в зависимости от «сохранения русской книжности» [Соколов, 2002, с. 231]. С учетом значимости в концепции автора книжной культуры для сохранения цивилизации в целом, вне зависимости от того, западная она или российская, последней автор противопоставляет не атлантическую цивилизацию, а «общечеловеческую всемирную цивилизацию», «мульти-

медийную общественную коммуникационную систему» (ОКС), основанную на радикальном внедрении новых коммуникационно-информационных технологий.

Использование «нейропоиска» *eLibrary* для определения блока взаимосвязанных публикаций «цивилизационный подход и исследование цивилизаций»

Нейропоиск близких по тематике публикаций присутствует в окне поиска *eLibrary* и предполагает помещение в поисковый запрос аннотации, фрагмента текста или полного текста документа. Для уточнения искомой предметной области сравним несколько вариантов выборки текстов, основанных на различных источниках. Первый вариант запроса основан на поиске по фрагменту текста – цитаты статьи из Большой российской энциклопедии (БРЭ) «Цивилизационный подход»: «Цивилизацио́нный подхо́д, метод в гуманитарной науке, рассматривающий различные аспекты жизни, ментальности и социального функционирования тех или иных общностей через призму их включенности в единый взаимосвязанный процесс развития, характеризующий деятельность больших социальных целостностей, пребывающих в истории в отдельности друг от друга»¹. Автор статьи – канд. филос. наук, доцент кафедры истории русской философии МГУ им. М.В. Ломоносова, с.н.с. ИНИОН РАН Б.В. Межуев. Статья в энциклопедии помечена тегами #Этнические и гражданские общности, #Социальная организация, #Научные теории в политологии, #Политические концепции и теории в России, что расходится с упоминаниями зарубежных

1 Цивилизационный подход // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/tsivilizatsionnyi-podk-hod-0d33333> (дата обращения: 21.06.2024).

авторов (Й. Арнасона, Дж. Вико, А. Тойнби, О. Шпенглера, С. Хантингтона и Ш. Эйзенштадта) и проблематикой статьи в целом; статья имеет 1 407 просмотров. Показатель в полторы тысячи просмотров для данной энциклопедии достаточно высокий с учетом того, что статья «Россия. История. Русское государство» имеет 1 131 просмотр.

Поисковый запрос, в основе которого лежит определение цивилизационного подхода из Большой российской энциклопедии, был осуществлен по всем типам входящих в РИНЦ публикаций за все годы с сортировкой по тематической близости в порядке убывания. Наиболее близкая статья для предметной области цитируемого текста в общей выборке без учета количества цитирований – коллективная статья авторов из ставропольских высших учебных заведений в журнале Южного федерального университета «Гуманитарные и социально-экономические науки» [Гончаров, Аверкина, Берковский, 2019]. Выводы авторов о значимости «духовной культуры» и «нравственных начал» в формировании культурного кода и образа жизни российских граждан, рассуждения об особом пути коммуникации граждан и власти могут свидетельствовать об их цивилизационном подходе к российской социальной реальности, но в статье отсутствуют упоминания цивилизации и самого цивилизационного подхода. В первой сотне наиболее близких к определению из БРЭ публикаций отметим те, которые имеют более одного цитирования (30 публикаций). Наиболее цитируемые из них – публикации д. филос. н., проф. Департамента философии Уральского государственного университета В.Е. Кемеров [Кемеров, 2011; Кемеров, 2014; Кемеров, 2018] в журналах Института философии РАН «Вопросы философии» и «Человек». В их основе – рассуждения о единстве гуманитар-

ного (индивидуального) и социально-го в перестройке обществоведческой мысли. Ни в одной из этих статей цивилизация или цивилизационный подход также не упоминаются, хотя по близости к исходному тексту в нейропоиске эти публикации были на 10-м, 16-м и 21-м местах. Отметим, что нейропоиск по фрагменту текста очень условно формирует близкие по тематике предметные области. Тем не менее особенности взятого исходного текста из БРЭ, специфически трактующего цивилизационный подход в русле гуманитарного знания, возможно, определили «уход» подборки публикаций из политико-географической и медийной сферы в философскую область.

Другой способ проведения нейропоиска представлен в *eLibrary* по нахождению близких по тематике публикаций не к фрагменту текста, а к целой публикации. Для этого в инструментах поиска при открытии наиболее релевантной для искомой тематической области статьи существует функция «найти близкие по тематике публикации». Выберем для такого поиска статью д. ист. н., проф., г.н.с. Института востоковедения РАН, проф. Восточного факультета ГАУГН А.И. Яковлева в журнале «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право» о цивилизационном измерении мировой политики [Яковлев, 2018]. Обратим внимание, что данный тип нейропоиска, возможно, с учетом того, что был обработан гораздо больший объем исходного текста по сравнению с поиском по фрагменту текста, дает гораздо более релевантные результаты.

Рассмотрим наукометрические показатели и особенности группы тематически связанных по цивилизационному подходу публикаций, составленной на основе нейропоиска близких по тематике статей в *eLibrary*. Для анализа брались данные после об-

работки 1 000 статей, больше нейропоиска *eLibrary* не обрабатывает. При сохранении публикаций как отдельной подборки ранжирование их по тематической близости возможно через сортировку по «номеру в подборке». Кроме того, остаются традиционные для *eLibrary* виды сортировки по дате выпуска, названию публикации, дате регистрации и числу цитирований. Нет сортировки по уровню научной значимости журнала. Исключение или сортировка статей по базам данных журналов из «ядра РИНЦ» и входящих в РИНЦ возможны только на уровне работы с расширенным поиском статей, но не с сохраненной подборкой. Характерно, что при нейропоиске *eLibrary* отказалось от дополнительного выбора статей по зарубежным базам *Web of Science* или *Scopus*, а также по таким индексам цитирования, как статьи в российских журналах, включенных в текущий перечень ВАК и входящих в *Russian Science Citation Index*. Переход к одному качественному показателю «ядро РИНЦ», который заменил многочисленные дублирующие друг друга базы данных в рейтинговых журналах, считают шагом вперед, хотя в некоторых случаях пользователю необходима будет работа с научной информацией в рамках конкретной базы.

Для сужения выборки статей по научной значимости с учетом большого количества материалов по цивилизационному подходу оставляем при нейропоиске близкие по тематике публикации только статьи из «ядра РИНЦ». Итоговое количество статей остается больше 1 000, но теперь уже будут обработаны и описаны как единая тематическая область статьи из наиболее рейтинговых журналов. Рассмотрим некоторые способы нейропоиска в публикациях из «ядра РИНЦ», тематически близких к способам, указанным в статье А.И. Яковлева.

1. Поиск на основе совместного цитирования публикаций. Для поиска близких по тематике документов используется информация о социальном цитировании (два документа цитируются в одной статье) и социальности (два документа ссылаются на одну и ту же статью). В данном типе поиска *eLibrary* выдает всего две статьи по цивилизационному подходу: А.Д. Воскресенского и В.Д. Останина-Головни. Обе работы цитируются в монографии «Ближний и Постсоветский Восток» [Ближний..., 2023]. Совместно цитируемые статьи не обнаружены. Характерно, что именно монография ИНИОН РАН стала основой для семантической близости процитированных статей по цивилизационному подходу.

2. Поиск на основе совместного просмотра публикаций и включения в подборку. Для поиска близких по тематике документов используются информация о совместных просмотрах (описание двух документов просматривались одним и тем же пользователем) и включения в подборку (оба документа включались в одну персональную подборку). Этот показатель свидетельствует об интересе к данным статьям такого исследовательского сообщества, которое наиболее плотно работает с *eLibrary*, просматривает здесь статьи и составляет здесь свои подборки. В результате данного поиска найдено 13 статей. Большинство статей связано с тематиками «Политика. Политические науки», «Комплексное изучение отдельных стран и регионов» и опубликовано в журналах ИНИОН РАН, Института Африки РАН и Института Дальнего Востока РАН, Московского государственного университета, а также Российского гуманитарного научного фонда. Наиболее близкая по тематике статья о геополитических треугольниках в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы опубликована в журнале «Контур-

ры глобальных трансформаций: политика, экономика, право» ИНИОН РАН [Худайкулова, 2020].

3. Поиск с учетом всех типов связей между документами одновременно с семантическим поиском с помощью нейросети: выискиваются те же типы связей между документами, а также близость семантических представлений документов. Наиболее интересный вид нейропоиска, который дает возможность не только автоматически подобрать тематически близкие к какой-либо статье документы, но и найти внутренние связи между ними, то есть выделить единую предметную область, в данном случае – область исследований, связанная с цивилизационным подходом на основе близости к статье А.И. Яковлева [Яковлев, 2018]. Найденные в первых двадцати публикациях данной подборки работы И.В. Следзевского [Следзевский, 2020] и других авторов (К.С. Гаджиева [Гаджиев, 2017], А.Н. Чумакова [Чумаков, 2018], В.Л. Иноземцева и Е.С. Кузнецова [Иноземцев, Кузнецова, 2001] и др.) действительно образуют единую тематическую область публикаций по цивилизационному измерению современного мирового развития. С другой стороны, такой расширенный поиск с учетом многочисленных переменных автоматически помещает в выборку технически схожие, но по экспертному уровню совершенно разные публикации, пусть и вошедшие в ядро РИНЦ. Так, наряду с ведущими специалистами из академических институтов в первую двадцатку тематически близких работ вошли статьи кандидатов наук из Томского и Тюменского государственных университетов, публикации многих специалистов из других региональных вузов (например, переводная статья пяти авторов англоязычного журнала Набережночелнинского государственного педагогического университета [Categories..., 2023]).

Очевидно, нейропоиск *eLibrary* находится в самом начале пути своего развития. Тематические особенности публикаций, отобранные по различным основаниям, позволяющие по-новому взглянуть на исследуемую предметную область, подойти к ней с разных методологических позиций. Возможно, в будущем будет сокращено количество журналов, входящих в «ядро РИНЦ», и исследователю будет представлена возможность делать выборку из действительно качественных публикаций. Кроме того, хочется в будущем увидеть подборки и по другим типам связей между публикациями, например по принадлежности авторов к редакционным советам, по наличию руководящей должности или по схожей аффилиации.

Поиск по ключевым словам в *eLibrary* как основа выделения единой предметной области «цивилизационный подход»

Количество ключевых слов в *eLibrary*, имеющих отношение к цивилизации или цивилизационному подходу, чрезвычайно велико – 4024 единицы. К ключевым словам, найденным в более чем 100 публикациях, относятся следующие понятия: цивилизация, социология культуры и цивилизации, цивилизационный подход, российская цивилизация, техногенная цивилизация, цивилизационная идентичность, цивилизации, западная цивилизация, русская цивилизация, цивилизационное развитие, столкновение цивилизаций, диалог цивилизаций, информационная цивилизация, европейская цивилизация, современная цивилизация, цивилизационный кризис, евразийская цивилизация, локальная цивилизация, цивилизационный выбор, мировая цивилизация, государство-цивилизация. Этот список в целом отражает приори-

теты российских авторов по рассмотрению цивилизаций через их противостояние, особенно противостояние русской (евразийской) и западной (техногенной) цивилизаций как по линии усиления цивилизационной идентичности, так и в прямом столкновении. В терминах, формируемых по географическому принципу, на первом месте по использованию выделяются русская, евразийская, европейская, западная, китайская, кавказская, индийская, восточная цивилизации; по религиозному фактору – православная, христианская, буддийская и мусульманская цивилизация; по этническому – русская, славянская, тюркская, арийская, монгольская, китайская цивилизации. В отличие от ключевых слов, автоматически индексируемых по проблемам и истории цивилизаций в Немецкой национальной библиотеке, в число наиболее употребляемых российских ключевых слов не вошли понятия «арабская цивилизация», «синтоистская (японская) цивилизация», а также слова, связывающие цивилизацию с поэзией, архитектурой и искусством, телевидением и медиа.

С учетом большого количества ключевых слов, связанных с изучением цивилизаций, разберем только ключевое слово «цивилизационный подход». Рассмотрим наиболее авторитетные, то есть опубликованные в авторитетных журналах и наиболее цитируемые публикации, а также определим ведущих авторов и организации, публикующие работы по данной тематике. Разберем предметные области дисциплин, по которым публикуются работы с данным ключевым словом, а также создадим модель предметной области «цивилизационный подход», в которой вершинами будут ключевые слова, наиболее часто употребляемые совместно с этим ключевым словом. Определим роль в этой модели библиотековедения как науки не только о библиотеке как социальном

институте в его историческом развитии, но и науки о системе документных коммуникаций, имеющей историческую и цивилизационную специфику.

Ключевое слово «цивилизационный подход» присутствует в 716 работах, проиндексированных научной электронной библиотекой *eLibrary*, и находится на 3-м месте по количеству публикаций, посвященных цивилизациям. Уточнение качественного уровня журналов, в которых представлены публикации с ключевым словом «цивилизационный подход», возможно на этапе расширенного поиска по конкретному ключевому слову, но не при работе с уже сохраненной подборкой. Из 716 публикаций с данным ключевым словом в «ядро РИНЦ» входят 57 публикаций (7,96%). С учетом того, что из 8245 публикаций с ключевым словом «цивилизация» в «ядро РИНЦ» входят 564 работы (6,84%), а с ключевым словом «социология культуры и цивилизации» (3-е место по количеству статей, посвященных цивилизациям) из 1808 работ в «ядро РИНЦ» не входит ни одна работа, можно отметить, что показатель научно-значимых работ с данным ключевым словом достаточно высокий. Наиболее цитируемыми публикациями из «ядра РИНЦ», посвященными цивилизационному подходу, являются работы В.Н. Шевченко [Шевченко, 2016] (Институт философии РАН), В.И. Ильина [Ильин, 2017] (Санкт-Петербургский государственный университет), авторов из Ухтинского государственного технического университета [Безогодов, Вологин, Шилова, 2018], С.Г. Кирдиной-Чэндлер [Кирдина-Чэндлер, 2019] (Институт экономики РАН) и Н.Р. Нуреева [Нуреев, 2010] (Высшая школа экономики). Можно видеть, что в список высокоцитируемых работ из авторитетного списка журналов наряду с ведущими университетами и академическими институтами попадают и работы авторов из небольших региональных вузов.

Согласно другим индексам цитирования, среди 716 работ, посвященных цивилизационному подходу, 40 статей в журналах входят в *Web of Science* или *Scopus* (почти все ведущие статьи с большим количеством цитирований из предыдущего списка вошли и в эту подборку), 388 статей – в российские журналы, включенные в текущий перечень ВАК, и 42 статьи включены в *Russian Science Citation Index*. Из всех вышеперечисленных списков особняком находятся только статьи в российских журналах, включенных в текущий перечень ВАК. Статьи здесь имеют гораздо большее количество цитирований с учетом, что статистика цитирования статей из перечня ВАК искусственно завышается, принимая во внимание востребованность журналов из этого списка со стороны большого количества аспирантов. Здесь представлены в первой десятке по цитированию такие журналы, как «Вестник евразийской науки» (квартиль ВАК К2 – далее К2), «Теория и практика общественного развития» (К2), «Обозреватель» (К2), «*НВ: Культура и искусства*» (не включен в настоящее время), «Известия Уральского государственного экономического университета» (не включен в настоящее время), «Инициативы XXI в.» (документы на рассмотрении). Факт, что большое количество журналов данной подборки, включенных в текущий перечень ВАК, имеют неопределенный статус, раскручиваются с учетом административного фактора, связанного с управлением государственной аттестацией научных и научно-педагогических работников, не позволяет относить статьи из перечня журналов списка ВАК по умолчанию к максимально авторитетным и научно значимым.

Определение предметной области «цивилизационный подход» возможно на основе определения списка наиболее часто применяющихся ключевых слов в публикациях с данным ведущим ключевым словом.

Другие ключевые слова являются индикаторами тем, которые разрабатываются с применением метода «цивилизационный подход» и вместе с ним образуют единую предметную область. Используя инструментарий *eLibrary* «анализ публикаций в данной подборке», определим «распределение публикаций из подборки по ключевым словам». Первые двадцать наиболее применяемых ключевых слов в работах с ключевым словом «цивилизационный подход» представлены в таблице 1.

Таблица 1. Ключевые слова в публикациях по цивилизационному подходу

Table 1. Key words in publications on the civilizational approach

Ключевое слово	Количество публикаций
Цивилизационный подход	743
<i>Civilizational Approach</i>	421
Цивилизация	128
Формационный подход	96
<i>Civilization</i>	93
<i>Civilization Approach</i>	84
<i>Formational Approach</i>	57
Глобализация	46
Культура	42
Россия	42
<i>Globalization</i>	41
<i>Russia</i>	33
Евразийство	27
<i>Culture</i>	26
<i>Eurasianism</i>	23
История	23
Методология	23
Геополитика	21
Государство-цивилизация	20
Модернизация	18

В данный список вошли русскоязычные ключевые слова и их перевод на английский язык, обязательный для всех публикаций в российских научных изданиях. Характерно, что англоязычный перевод термина «цивилизационный подход» как *civilization approach* представляет собой лексему, не встречающуюся в оригинальных работах зарубежных авторов (у Хантингтона, например, это звучит как *civilizational approach* [Huntington, 1996, p. 14, 36, 189]; у Э. Тоффлера – *Second Wave approach* [Toffler, 1980, p. 422]), описывающую цивилизации индустриального общества. У А. Тойнби подход дифференцировался в зависимости от изучения типа цивилизации, например, североамериканский подход – *The North American approach* [Toynbee, 1988, p. 339] или *The West European approach* – западноевропейский подход [Toynbee, 1988, p. 340]. Считаю более верным перевод ключевого слова «цивилизационный подход» на английский как *civilizational approach*, тем не менее некоторое количество (80 работ) русскоязычных авторов его переводят как *civilization approach*, используя автоматизированные переводные сервисы. В список работ с неправильным переводом вошли 9 статей из «ядра РИНЦ», например, опубликованных в академических журналах «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность» (Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН), «Журнал социологии и социальной антропологии» (ФНИСЦ РАН), «Общественные науки и современность» (РАН).

Характерно присутствие в списке ключевых слов, наиболее часто употребляющихся со словом «цивилизационный подход», выражения «формационный подход». Понятие «формационный подход» отсутствует и в Большой российской энциклопедии, и в Большой

советской энциклопедии. Современные справочники раскрывают это понятие как «методология изучения государства и права, основывающаяся на марксистском диалектико-материалистическом учении о смене общественно-экономических формаций» [Элементарные начала..., 2019]. К сожалению, современные системы индексации научной информации не позволяют искать модальности цитируемых фраз и ключевых слов. При помощи автоматизированного поиска невозможно понять, во всех ли работах цивилизационный подход пропагандируется вместе с критикой формационного подхода. Тем не менее возможность расширенного поиска ключевого слова «формационный подход» в подборке «цивилизационный подход» позволяет при помощи экспертного анализа найти работы, которые видят позитивные стороны каждой из концепций, и возможность их взаимодополнения, например, наиболее цитируемая работа из данного списка – публикация специалистов Уральского государственного экономического университета [Дворядкина, Сбродова, 2008].

Ключевое слово «глобализация», вошедшее в первые десять наиболее употребляемых ключевых слов вместе с термином «цивилизационный подход», имеет (в отличие от понятия «формационный подход») однозначно негативную коннотацию. Среди работ, посвященных глобализации в рамках цивилизационного подхода, особенно выделяется максимальным количеством цитирований продолжающиеся статьи в журнале Института стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции) «Обозреватель» [Павленко, Штоль, 2013а; Павленко, Штоль, 2013б]. Авторы статей проводят критический анализ феномена глобализации, а также противопоставляют «Альянсу западного Постмодерна с Контрмодерном

исламского фундаментализма новый российский проект, соединяющий достижения советской эпохи с традиционной проектной преемственностью, сформировавшейся в условиях 500-летнего противостояния с западной цивилизацией» [Павленко, Штоль, 2013b, с. 27]. Статья ректора МГИМО, академика РАН А.В. Торкунова [Торкунов, 2018], во многом системообразующая для предметного поля публикаций по цивилизационному подходу, также противопоставляет глобальные и цивилизационные процессы. Автор дает свое представление о глобализации как о «победном шествии по планете либерально-демократического мироустройства» [Торкунов, 2018, с. 9]. «Чем теснее стягивается узлами глобализации в единое целое комбинация традиционных обществ и обществ, которые входят, по сути дела, в постмодернистский период развития, тем, очевидно, более опасным будет становиться грядущий мир» [Торкунов, 2018, с. 8], писал автор.

Некоторая часть публикаций с использованием цивилизационного подхода посвящена российской цивилизации. Ключевые слова «Россия», «евразийство», «государство-цивилизация», хотя и составляют вместе всего 11% от всей подборки, являются одним из ведущих подсистем этого научного поля. Хотя понятие «государство-цивилизация» характеризует, согласно цивилизационному подходу, кроме России, еще Китай, Индию, Египет и США, среди работ, представленных в *eLibrary*, данное ключевое слово относится только к России и к русскому миру. Наиболее цитируемая статья в списке с данным ключевым словом – работа главного научного сотрудника сектора философских проблем политики Института философии РАН В.Н. Шевченко [Шевченко, 2019]. В статье с позиций мир-системного анализа (полицивилизационного) развития человеческого

общества западной цивилизации противопоставляются незападные, в число которых входит и Россия, сохранившая свой культурный код и самобытность.

В первые двадцать наиболее употребляемых ключевых слов вместе с понятием о цивилизационном подходе вошел термин «модернизация». Считаю важным выделить отдельно это слово вместе с группой других, менее представленных в расширенном списке ключевых слов (1 000 единиц), как, например, «техника», «технологии», «цифровое образование», «искусственный интеллект», «инновация» и т.п. Особенность западной цивилизации в преимущественном развитии технического прогресса, модернизации и в настоящее время цифровизации как самодостаточной цели позволяет в рамках данной статьи поставить вопрос, так же ли модернизация для российских авторов является предметом критики, как и глобализация? С.Г. Кирдина-Чэндлер в статье о самоопределении российского общества [Кирдина-Чэндлер, 2019] в систему своих научных координат включила понимание логики теории модернизации как преобразования всех обществ по образцам развитых западных демократий, нашедшей свое продолжение в теориях глобализации. Статья В.И. Пантина по проблемам методологического синтеза теорий мирового политического развития показывает в том числе, что «Первая и Вторая мировые войны – это прежде всего результат неорганичной модернизации западных обществ» [Пантин, 2012, с. 35]. Автор прогнозирует конфликты традиционных и западных цивилизаций, тем не менее находит возможным выбор третьего пути – сохранения «национальной самобытной и многообразной культурно-цивилизационной основы» в процессе модернизации, что возможно только с признанием «альтернативности мировой и российской динамики» [Пантин, 2012, с. 39].

В электронном справочнике «Общественные науки за рубежом. Библиотекведение в междисциплинарном дискурсе» [Соколов, 2023] автор настоящей статьи определял взаимодействие библиотекведения и зарубежных общественных дисциплин по представленности понятий, связанных с библиотечным делом в списке ключевых слов, единых для десяти ведущих научных журналов каждой дисциплины. В списке из 1000 ключевых слов, употреблявшихся вместе с ключевым словом «цивилизационный подход», представлено всего несколько понятий, связанных с библиотечным делом. Это слова «информационная культура» и «информация» (находятся на 725-м и 726-м местах по частотности употребления). Понятие «информация» в статье с применением цивилизационного подхода использовали авторы в журналах *KANT* [Пелевин, 2019] (Ставропольский государственный педагогический институт), «Теория и практика общественного развития» [Максимова, 2014] (Пятигорский государственный лингвистический университет) и «Обсерватория культуры» [Ахромеева, Малинецкий, Посашков, 2017] (Российская государственная библиотека). Принимая во внимание, что наиболее профессионально ориентированная информация содержится в профильных журналах, а «Обсерватория культуры» – один из ведущих журналов, входящих в список изданий ВАК по библиотечному делу, библиографии и книговедению, рассмотрим именно последнюю статью. Один из авторов данной статьи, Г.Г. Малинецкий, опубликовал наибольшее количество статей, в которых цивилизационный подход имеет ключевое положение [Ахромеева, Малинецкий, Посашков, 2017]. Публикация входит в список наиболее цитируемых в рассматриваемой подборке. В статье утверждается, что «информационный

подход к культуре на рассматриваемом цивилизационном уровне неприемлем» [Ахромеева, Малинецкий, Посашков, с. 262]. Понятие «информация» с учетом его излишней обобщенности должно быть заменено на понятие «ценная информация». Мемы – «единицы содержательной, важной для их обладателей информации» [Ахромеева, Малинецкий, Посашков, 2017, с. 263] – являются культурно-историческим проявлением цивилизационного кода, кирпичиками ценностной картины мира. Авторы отмечают как важность для укрепления российской цивилизационной идентичности сохранения библиотек и традиционных книжных фондов, так и организованное противодействие «новой, компьютерной культуре и идентичности, ориентированной сейчас на разрыв с прошлым, с традицией» [Ахромеева, Малинецкий, Посашков, с. 265]. Тезисы данной статьи были повторены Г.Г. Малинецким в другой работе, опубликованной также в журнале «Обсерватория культуры» [Малинецкий, 2021]. В статье автор предлагает свое понимание значимости междисциплинарного, синергетического и исторического подходов для осмысления современной социокультурной реальности. Важнейший раздел этой фундаментальной работы Г.Г. Малинецкого – программа практических мероприятий, направленная на «вывод гуманитарного знания в России из кризиса» [Малинецкий, 2021, с. 348]. Основные шаги, ориентирующие российскую науку, культуру и образование на исторический цивилизационный выбор, следующие:

1. Отказ от «цифровых иллюзий» в образовании.
2. Возвращение книги в социальное пространство.
3. Осознанность, ответственность, способность к коллективным действиям, противостоящим бюрократии.

4. Доминанта общественного сознания – общее дело и образ желаемого будущего.

5. Формирование мировоззрения, опирающегося на междисциплинарные подходы, и образования, сочетающего развитие в социальном, эмоциональном и интуитивном пространствах.

6. Постановка ключевых междисциплинарных и гуманитарных проблем.

7. Возрождение РАН как организации, занимающейся постановкой ключевых проблем и координацией научных исследований.

8. Возрождение аспирантуры как института подготовки научных кадров.

Поиск по ключевым словам в научной электронной библиотеке *eLibrary* позволяет определить единое поле публикаций в области цивилизационного подхода, уточнить важнейшие направления исследований как связь с формационным подходом, противодействие теориям глобализации и модернизации, показать раскрытие феномена российской цивилизации, в котором важнейшими элементами являются библиотека как социальный институт и книга как хранитель историко-культурного наследия.

Заключение

Цивилизационный подход и исследование цивилизаций были рассмотрены в статье на основе обращения к базам и при помощи автоматизированной обработки публикаций, размещенных в научной электронной библиотеке *eLibrary*. В ходе исследования были определены авторитетные научные работы по цивилизационному подходу и исследованию цивилизаций в сквозном поиске по всем полям поисковой базы *eLibrary*. Показано, что по видам публикаций это были прежде всего отдельные авторские монографии и учебные пособия, а профильные организации,

уточненные по аффилиации авторов, – институты системы Российской академии наук, в частности Институт научной информации по общественным наукам РАН. В статье большое внимание было уделено новым возможностям использования искусственного интеллекта в *eLibrary*, внедренного в эту систему в апреле 2024 г. Использование «нейропоиска» *eLibrary* для определения блока взаимосвязанных публикаций «цивилизационный подход и исследование цивилизаций» показало преимущества и недостатки искусственной интеллектуальной обработки текстов, размещенных в *eLibrary*. Поиск ключевых слов, связанных с понятием цивилизационного подхода, показал важность в данной группе публикаций статей, разбирающих и критикующих формационный, глобалистский и модернистский подходы, ориентированных на выявление российской цивилизационной идентичности, значимости мир-системного анализа. Перспективы проведения библиотечного и наукометрического анализа в исследовании предметной области цивилизационного подхода и других областей научного знания связаны с совершенствованием алгоритмов традиционного и нейропоиска в *eLibrary*; открытием доступа к зарубежным наукометрическим и библиографическим базам данных, обладающих системами интеллектуального поиска; созданием авторитетной российской системы наукометрических показателей, которая учитывает зарубежный опыт развития науковедения и отразит суверенный подход к российской научной и образовательной политике.

Список литературы

Абульханова-Славская К.А., Березина Т.Н. *Время личности и время жизни*. – Москва : Издательство Алетей, 2001. – 304 с.

Алексеев С.С. Теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство «БЕК», 1995. – 320 с.

Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Культура. Самоорганизация. Моделирование // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 260–267. – DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-3-260-267.

Безгодов Д.Н., Вологин Е.А., Шилова С.В. Философия как базовая дисциплина для технических направлений бакалавриата и специалитета // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27, № 3. – С. 135–143.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну : монография. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

Ближний и Постсоветский Восток: 2022 г. / Аватков В.А. [и др.]. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – 158 с.

Гаджиев К.С. Новая «Великая трансформация»? // Вопросы философии. – 2017. – № 7. – С. 75–86.

Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – 3-е изд. – Москва : Academia, 2006. – 336 с.

Гончаров В.Н., Аверкина Ю.С., Берковский В.А. Социальные и культурные отношения в обществе: методологические аспекты исследования // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 1 (104). – С. 9–13.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – Москва : Институт социологии РАН. – 2-е изд., доп. и испр. – 2010. – 592 с.

Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 416 с.

Дворядкина Е.Б., Сбродова Н.В. Промышленность как системообразующий фактор развития региона // Известия Уральского государственного

экономического университета. – 2008. – № 3 (22). – С. 8–13.

Ильин В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. Социология. Этнология. – 2017. – Т. 26, № 4. – С. 30–50. – DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-30-50.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. – Москва : Новое изд-во, – 2011. – 464 с.

Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 6. – С. 131–139.

Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человеческий век. – 2011. – № 1. – С. 5–19.

Кемеров В.Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии // Вопросы философии. – 2014. – № 2. – С. 3–13.

Кемеров В.Е. Кризис, который всегда с тобой // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 89–98.

Кирдина-Чэндлер С.Г. К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // Мир России. Социология. Этнология. – 2019. – Т. 28, № 2. – С. 6–24. – DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-6-24.

Луман Н. Общество как социальная система. Том 1. – Москва : ООО Издательская группа «Логос», 2004. – 232 с.

Максимова Е.Ю. Социально-философские методы исследования традиции // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 4. – С. 29–33.

Малинецкий Г.Г. Культура, гуманитарное знание и теория самоорганизации // Обсерватория культуры. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 340–351. – DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-4-340-351.

Маслова В.А. Лингвокультурология : уч. пособие для студентов вузов. – 2-е изд. – Москва : Academia, 2004. – 208 с.

Новиков А.М. Российское образование в новой эпохе: парадоксы наследия векторы развития. – Москва : Эгвес, 2000. – 272 с.

Нуреев Р.М. Сравнение экономических систем во времени: цивилизационные подходы к анализу // Terra Esonomicus. – 2010. – Т. 8, № 2. – С. 138–153.

Павленко В.Б., Штоль В.В. Проект «Глобализация»: роль и место во всемирно-историческом процессе // Обозреватель. – 2013а. – № 4 (279). – С. 6–26.

Павленко В.Б. Проект «Глобализация»: роль и место во всемирно-историческом процессе (вторая часть) // Обозреватель. – 2013б. – № 5 (280). – С. 5–28.

Пантин В.И. Исследование перспектив мирового политического развития: проблемы методологического синтеза // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 27–40.

Пелевин С.И. Современное общество в контексте технологических процессов: социально-философский анализ // Kant. – 2019. – № 1 (30). – С. 213–217.

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.

Следзевский И.В. Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 1. – С. 82–90. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-82-90.

Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. – Санкт-Петербург : Издательство Михайлова В.А. – 2002. – 461 с.

Соколов С.В. Общественные науки за рубежом. Библиоковедение в междисциплинарном дискурсе : электронный справочник. – Москва : ИНИОН РАН, 2023. – 415 с.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.

Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.

Тойнби А. Постигание истории : сборник. – Москва : Издательская группа «Прогресс», 1991. – 730 с.

Торкунов А. Великая евразийская держава в потоке перемен // Международные процессы. – 2018. – Т. 16, № 1 (52). – С. 6–13.

Тоффлер Э. Третья волна. – Москва : Издательство АСТ, 1999. – 784 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва : АСТ, 2003. – 608 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 33–48.

Худайкулова А.В. Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 53–73. – DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3.

Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // Вестник Московского университета. Серия 27 : Глобалистика и геополитика. – 2018. – № 1. – С. 30–44.

Шевченко В.Н. Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // Философские науки. – 2019. – Т. 62, № 1. – С. 29–47.

Шевченко В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 33–44.

Элементарные начала общей теории права : учеб. пособие / под общ. ред. В.И. Червонюка. – Москва : Право и закон, КолосС. – 2003. – 544 с.

Яковлев А.И. Диалектика материального и духовного // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 1. – С. 68–84.

Яковлев А.И. Принципы социально-экономической интеграции // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 4. – С. 220–225.

Яковлев А.И. Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 6–29.

Categories and methods of civilizational approach in modern philosophical and historical discourse / Galiakberova A.A., Mukhametshin A.G., Asratyan N.M.,

Kornilova I.V., Galiev R.M. // *Amazonia Investiga*. – 2023. – Vol. 12, No. 61. – P. 202–211.

Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – New York : Simon & Schuster, 1996. – 368 p.

Toffler A. *The Third Wave*. – New York : William Morrow and Company, 1980. – 552 p.

Toynbee A. *A Study of History*. Volume II: *Abridgement of Volumes VII–X*. – [S. l.] : Oxford University Press, 1988. – 432 p.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.09

The Civilizational Approach and the Study of Civilizations in Library and Scientometric Analysis

Sergei V. SOKOLOV

Researcher and the Head Research Department of Library & Information Science of the Fundamental Library

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: beholder73@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2068-6797

CITATION: Sokolov S.V. (2024). The Civilizational Approach and the Study of Civilizations in Library and Scientometric Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 136–154 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.09

Received: 23.06.2024.

Revised: 08.07.2024.

ABSTRACT. *The article presents the possibilities of library and scientometric analysis in determining the structure, thematic coverage, leading scientific institutions and educational organizations, authors and editorial teams of the scientific field of the study of civilizations and the methodology of the civilizational approach.*

The contribution of Russian authors in the development of this approach and especially the staff of the Russian Academy of Sciences, in particular the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, is clarified. A comprehensive study of a particular subject area is carried out on the basis of the

eLibrary Scientific Electronic Library toolkit. In the article considerable attention is paid to a new type of search using artificial intelligence (“neuropoisk”), identifying its advantages and disadvantages, as well as defining the subject area of the “civilizational approach” using the keyword search. The importance of publications on library science, bibliography and book studies in the development of this topic is analyzed, the prospects for the use of library and scientometric analysis are determined.

KEYWORDS: *civilizational approach, library and scientometric approach, scientometry, eLibrary, review article, artificial intelligence, keywords.*

References

- Abulkhanova-Slavskaya K.A., Berezina T.N. (2001). *Personal Time and Life Time*. Moscow: Aletheia Publishing House. 304 pp. (in Russian).
- Akhromeeva T.S., Malinetskiy G.G., Posashkov S.A. (2017). Culture. Self-organization. Modeling. *Observatoriya kul'tury*. Vol. 14, no. 3, pp. 260–267 (in Russian). DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-3-260-267.
- Alekseev S.S. (1995). *Theory of Law: Textbook*. 2nd ed. Moscow: WEK, 320 pp. (in Russian).
- Beck W. (2000). *Risk Society. Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Tradition, 384 pp. (in Russian).
- Bezgodov D.N., Vologin E.A., Shilova S.V. (2018). Philosophy as a basic discipline for technical areas of bachelor's and specialist's degrees. *Vysheye obrazovaniye v Rossii*. Vol. 27, no. 3, pp. 135–143 (in Russian).
- Blizhniy... (2023). Avatkov V.A. et al. *Middle and Post-Soviet East: 2022*. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 158 pp. (in Russian).
- Categories... (2023). Galiakberova A.A. et al. Categories and methods of civilizational approach in modern philosophical and historical discourse. *Amazonia Investiga*. Vol. 12, no. 61, pp. 202–211.
- Chumakov A.N. (2018). Cultural and civilizational studies: their role and value in the global world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika*. No. 1, pp. 30–44 (in Russian).
- Danilov-Danilyan V.I., Losev K.S. (2000). *Environmental Challenge and Sustainable Development*. Moscow: Progress-Tradition, 416 pp. (in Russian).
- Dvoryadkina E.B., Sbrodova N.V. (2008). Industry as a system-forming factor in the development of the region. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. No. 3 (22), pp. 8–13.
- Elementarniye... (2003). Chervonyuk V.I. (ed.). *Elementary Principles of the General Theory of Law*. Moscow: Pravo i zakon, KolosS, 544 pp. (in Russian).
- Gadzhiev K.S. (2017). New “Great Transformation”? *Voprosy filosofii*. No. 7, pp. 75–86 (in Russian).
- Galskova N.D., Gez N.I. (2006). *The Theory of Teaching Foreign Languages. Lingvopedagogy and Methodology*. 3rd ed. Moscow: Academia, 336 pp. (in Russian).
- Goncharov V.N., Averkina Yu.S., Berkovskiy V.A. (2019). Social and cultural relations in society: methodological aspects of the study. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*. No. 1 (104), pp. 9–13 (in Russian).
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010). *Youth of Russia: A Sociological Portrait*. Institute of Sociology RAS. 2nd ed. Moscow: Institute of Sociology RAS, 592 pp. (in Russian).
- Huntington S. (1994). The Clash of Civilizations? *Polis (Russian Federation)*. No. 1, pp. 33–48.
- Huntington S.P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 368 pp.
- Huntington S. (2003). *Clash of Civilizations*. Moscow: AST, 608 pp. (in Russian).

- Ilyin V.I. (2017). The structure of the historical track of Russia: problems of methodology. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. Vol. 26, no. 4, pp. 30–50 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-30-50.
- Inglehart R., Welzel K. (2011). *Moder- nization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Mos- cow: New publishing house, 464 pp. (in Russian).
- Inozemtsev V.L., Kuznetsova E.S. (2001). Global conflict of the 21st century. Reflections on the origins and prospects of intercivilizational contradictions. *Polis (Russian Federation)*. No. 6, pp. 131–139 (in Russian).
- Kemerov V.E. (2011). Humanitarian and social: from opposition to synthesis. *Chelovek*. No. 1, pp. 5–19 (in Russian).
- Kemerov V.E. (2014). The keys to mod- ernity lie in shifts in methodology. *Voprosy filosofii*. No. 2, pp. 3–13 (in Russian).
- Kemerov V.E. (2018). A crisis that is always with you. *Voprosy filosofii*. No. 6, pp. 89–98 (in Russian).
- Khudaykulova A.V. (2020). Geopoliti- cal triangles in the context of competition between traditional and rising centers of power. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 13, no. 4, pp. 53–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-3.
- Kirdina-Chandler S.G. (2019). To- wards self-determination of Russian society: in search of a coordinate sys- tem. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. Vol. 28, no. 2, pp. 6–24 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-6-24.
- Luhmann N. (2004). *Society as a social system*. Volume 1. Moscow: LLC Publi- shing Group “Logos”, 232 pp. (in Russian).
- Maksimova E.Yu. (2014). Social and philosophical methods of studying tradi- tion. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 4, pp. 29–33 (in Russian).
- Malinetsky G.G. (2021). Culture, hu- manitarian knowledge and the theory of self-organization. *Observatoriya kul'tury*. Vol. 18, no. 4, pp. 340–351 (in Russian). DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-4-340-351.
- Maslova V.A. (2004). *Linguoculturo- logy: A Textbook for University Students*. 2nd ed. Moscow: Academia, 208 pp. (in Russian).
- Novikov A.M. (2000). *Russian Educa- tion in a New Era: Paradoxes of Heritage, Vectors of Development*. Moscow: Egves, 272 pp. (in Russian).
- Nureyev R.M. (2010). Comparison of economic systems over time: civilizational approaches to analysis. *Terra Economicus*. Vol. 8, no. 2, pp. 138–153 (in Russian).
- Pantin V.I. (2012). Study of the pros- pects of world political development: problems of methodological synthesis. *Polis (Russian Federation)*. No. 6, pp. 27–40 (in Russian).
- Pavlenko V.B., Shtol V.V. (2013a). Pro- ject “Globalization”: role and place in the world-historical process. *Obozrevatel'*. No. 4 (279), pp. 6–26 (in Russian).
- Pavlenko V.B., Shtol V.V. (2013b). Pro- ject “Globalization”: role and place in the world-historical process (second part). *Oboz- revatel'*. No. 5 (280), pp. 5–28 (in Russian).
- Pelevin S.I. (2019). Modern society in the context of technological processes: socio-philosophical analysis. *Kant*. No. 1 (30), pp. 213–217 (in Russian).
- Prigogine I. (1991). Philosophy of in- stability. *Voprosy filosofii*. No. 6, pp. 46–52 (in Russian).
- Shevchenko V.N. (2016). The civiliza- tional approach is under fire. *Voprosy filo- sofi*. No. 2, pp. 33–44 (in Russian).
- Shevchenko V.N. (2019). Ontological constants of Russia as a state-civilization in the context of world history. *Philoso- phical Sciences*. Vol. 62, no. 1, pp. 29–47 (in Russian).
- Sledzevsky I.V. (2020). The civiliza- tional dimension of modern world devel- opment: problems and approaches. *World Economy and International Relations*. Vol. 64, no. 1, pp. 82–90 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-82-90.

Sokolov A.V. (2002). *General Theory of Social Communication*. St. Petersburg: Publishing house Mikhailov V.A., 461 pp. (in Russian).

Sokolov S.V. (2023). *Social Sciences Abroad. Library Science in Interdisciplinary Discourse: Electronic Reference Book*. Moscow: INION RAN, 415 pp. (in Russian).

Sorokin P.A. (1992). *Man. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat, 543 pp. (in Russian).

Stepin V.S. (2000). *Theoretical Knowledge: Structure, Historical Evolution*. Moscow: Progress-Tradition, 743 pp. (in Russian).

Toffler A. (1988). *The Third Wave*. New York: William Morrow and Company, 552 pp.

Toffler A. (1999). *The Third Wave*. Moscow: AST Publisher, 784 pp. (in Russian).

Torkunov A.V. (2018). A great Eurasian power in a tide of change. *Mezhdu-*

narodnyye protsessy. No. 1 (52), pp. 6–13 (in Russian).

Toynbee A. (1988). *A Study of History. Volume II: Abridgement of Volumes VII-X*. S. 1.: Oxford University Press, 432 pp.

Toynbee A. (1991). *A Study of History: Collection*. Moscow: Progress, 730 pp. (in Russian).

Yakovlev A. (2011). The dialectic of the material and the spiritual. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya*. No. 1, pp. 68–84 (in Russian).

Yakovlev A.I. (2013). Principles of socio-economic integration. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya*. No. 4, pp. 220–225 (in Russian).

Yakovlev A.I. (2018). The civilizational dimension of world politics: problems and opportunities. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 11, no. 4, pp. 6–29 (in Russian).

Вокруг книг

УДК 340:341(510)

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.10

Китайское право и его международная проекция

Елена Васильевна АЛФЕРОВА

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник,
заведующая Отделом правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ealf@list.ru

ORCID: 0000-0003-1630-1070

Елена Вячеславовна СКУРКО

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Отдела правоведения
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: e.skurko@mail.ru

ORCID: 0009-0004-1139-951X

ЦИТИРОВАНИЕ: Алферова Е.В., Скурко Е.В. Китайское право и его международная проекция // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2024. Т. 17. № 4. С. 155–166.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.10

Статья поступила в редакцию 18.10.2024.

Исправленный текст представлен 25.11.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье представлена рецензия на книгу М.Ф. Стейано «Китайское право и его международная проекция: строительство сообщества с общим будущим для всего человечества», вышедшую в Сингапуре в 2023 г. В книге исследуются особенности китайского права, эволюция которого происходит под влиянием национальных реформ и международного права. С одной стороны, китайская правовая система основана на традиционных ценностях китайской культуры, национальном праве и включенных в эту систему норм и принципов международного права, с другой – внутреннее изменение китайского права и пред-

лагаемые Китаем концепция «Сообщества единой судьбы человечества» и инициатива «Один пояс – один путь» отражают «обратную связь» – воздействие постулатов китайского права на развитие международного права и международных отношений в целях строительства «общего для всего человечества будущего». Китай в своих международных отношениях, реализуя различные программы и планы действий, руководствуется собственной иерархической системой ценностей и значимостью дружественных отношений с тем или иным государством, с международными организациями. Автор, исходя из конфуцианской фило-

софии, установок Коммунистической партии Китая, пытается понять, как и почему Китайская Народная Республика действует в сфере международных отношений. Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» предлагает строить международные отношения на основе общих интересов, «всеобъемлющего верховенства закона»; она способствует установлению нового многополярного миропорядка для защиты фундаментальных прав, международной справедливости и правосудия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайская правовая система, китайское право, законодательство Китая, международное право, международные отношения, «Сообщество единой судьбы человечества», «Один пояс – один путь», «Шёлковый путь»; взаимодействие национального и международного права.

В 2023 г. в издательстве Springer вышла монография «Китайское право и его международная проекция: строительство сообщества с общим будущим для всего человечества». Автор данной книги – проф. Мария Франческа Стейано, директор Латиноамериканской исследовательской академии «Сообщество ради общего будущего» и инициативы «Один пояс – один путь», руководитель Центра изучения Китая Института международных отношений Национального университета Ла-Платы в Аргентине, во введении так объясняет свой порыв к ее написанию: «Прежде всего, это научный интерес к внутренней динамике правового развития Китая и прогрессивный выход этой страны на международно-правовой уровень, его стремление и потребность способствовать созда-

нию симбиотического, основанного на взаимопонимании международного сообщества» [Staiano, 2023, p. x]. В книге речь не идет о темах «Китай и другие» или «Китай как отдельная вселенная», а раскрывается китайская специфика как культурная форма, дополняющая действующее международное право и проникающая в международные отношения. В основе этой специфики лежит идея этической интерпретации международных отношений. В связи с этим М.Ф. Стейано уместно цитирует слова Си Цзиньпина, произнесенные им в Программной речи на саммите Коммунистической партии Китая (КПК) и мировых политических партий 6 июля 2021 г.: «Несмотря на различия между странами в истории, культуре, институтах и уровне развития, их народы разделяют общие ценности человечества: мир, развитие, равенство, справедливость, демократию и свободу. Обладая сильным чувством ответственности за будущее всего человечества, мы должны отстаивать общие ценности человечества, способствовать широкой терпимости к пониманию идеалов различными цивилизациями и уважать стремления разных народов по превращению ценностей в реальность. Таким образом, общие ценности человечества будут воплощены в практику отдельных стран для конкретного и реалистичного служения интересам их собственного народа»¹ (цит. по: [Staiano, 2023, p. ix]).

«Чувство справедливости, которое заставляет нас «терпеть» позитивное право, – утверждает М.Ф. Стейано, – становится общим элементом, новым инструментом международного диалога, в котором, наряду с другими, участвуют государства из Азии, Латинской Америки и Африки» [Staiano, 2023, p. x].

1 См.: Keynote address by Xi Jinping at CPC and World Political Parties Summit. July 6, 2021. – URL: http://en.qsttheory.cn/2021-07/08/c_640967.htm (дата обращения: 01.10.2024).

В этом смысле, как отмечает автор, симптоматично то, что Китай выступает движущей силой вовлечения этих до сих пор считающихся «периферийными» (*hitherto considered peripheral*) регионов в обсуждение проблем «старого» международного правопорядка и создателем инновационных преобразований, способных реконструировать и сделать его более справедливым [Staiano, 2023, р. x]. Показательно то, что сегодня в Китае, по словам автора, укореняется концепция, традиционно характерная для «западной матрицы», – демократия, права человека, верховенство права, но «с китайской спецификой». Исходя из этой модели в Китае сформировался «двухфазный» процесс изменения норм права. Первая фаза – «нисходящая» – международное право воздействует на внутреннее законодательство; вторая – «восходящая», когда Китай продвигает на международно-правовой уровень инициативные проекты, нормы, принципы [Staiano, 2023, р. ix].

Исследование такого ракурса влияния китайского права на международное право позволяет по-новому взглянуть на практику взаимодействия национального и международного права. М.Ф. Стейано не только показывает новые источники их взаимовлияния, но, главное, раскрывает китайский взгляд на будущее международного сообщества и международного правопорядка, стремление Китая внести свой вклад и воздействовать на международное право в целях строительства «сообщества общего будущего для всего человечества». Автор понимает, что читателю для оценки этого вклада важно погрузиться в специфику китайской право-

вой системы. Исходя из этой задачи, она целесообразно и логично выстраивает содержание этого небольшого по объему, но глубокого и актуального по тематике научного труда, отражающего китайское политико-правовое видение развития национального и международного права.

В пяти ее главах представлены традиционные элементы правовой системы Китая (гл. 1), международное право как источник права Китая (гл. 2), эволюция правовой системы Китая и создание «правового государства» с китайской спецификой (гл. 3), проект строительства «сообщества общего будущего для всего человечества»² (гл. 4) и формирование этого сообщества с учетом китайских концепций международных отношений (гл. 5).

Далее избирательно остановимся на основных положениях, рассмотренных М.Ф. Стейано в своей работе. Прежде всего подчеркнем, что основная цель, которую автор преследует в своей книге, – показать не только внутреннюю эволюцию китайского права, но и постепенное его влияние на международное право посредством таких амбициозных инициатив, как «Сообщество общего будущего для человечества» и «Один пояс – один путь», проектирующих формирование международных отношений нового типа, направленных на многополярное их развитие.

Следует отметить, что с первых глав внимание автора акцентируется на общей характеристике правовой системы Китая, ее специфике, обусловленной взаимосвязью между правом, языком, культурой и традициями, существующими в этой стране, использованием структур и институтов, которые

2 В отечественных политико-правовых источниках встречаются различные варианты перевода этого выражения, в том числе как «Сообщество единой судьбы человечества», см., напр.: К вопросу о трактовке китайской концепции «сообщества единой судьбы» // Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений / отв. ред.-сост. А.О. Виноградов. – Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2018. – С. 45–54.

не встречаются в западных правовых системах. Язык здесь имеет фундаментальное значение для эффективного понимания феномена китайского права, и для читателя интересно узнать, что китайский язык, основанный на иероглифах, идеограммах и пиктограммах – символах, представляет собой границу между воображаемым и реальным. То есть приобщение к китайской правовой культуре требует от исследователя составления представления о праве, этике и справедливости в соответствии с философией и общей теорией права, которые исходят из ценностей, образов и понятий, отличных от западных. Именно в этом смысле приобретает актуальность определение «китайской специфики». Традиционное китайское право (чжунхуа фаси) (*the Sincic juridical tradition – Zhonghua faxi*), на котором зиждется право современного Китая, содержит классическую китайскую правовую мысль, которая оказала значительное влияние на правовое развитие народов, находившихся в орбите китайской государственности [Staiano, 2023, p. 2].

Чжунхуа фаси обладало рядом характеристик: 1) единство ритуала и наказания; 2) суверен – источник права; 3) неравенство в праве; 4) нераздельность административного и судебного. Важно то, что, сравнивая современное китайское право с традиционным, автор подчеркивает его преемственность и почтительное отношение к историческим культурным и нравственным ценностям, начиная с конфуцианской этики. Справедливость – в конфуцианской мысли – входит в концепцию 義 (и), «чувство правильного», означающего действие сообразно обстоятельствам, представление о том, что уместно делать в данной ситуации. Это связано с концепцией ритуала 禮 (ли), то есть значимого действия (*significant act par excellence*). «Дух ритуала» (*ritual spirit*) и «чувство правильного» (*sense of what*

is right) составляют основу конфуцианской этики, нормы которой применяются каждым лично и прагматично, а отнюдь не в западном трансцендентальном измерении. В этом смысле *li* до сих пор противопоставляется традиционной концепции закона 法 (*fa*), понимаемой как позитивистская концепция права, основанного на принуждении через применение санкций. Из этого последовало четкое и определенное разделение в китайской традиции гражданского права как организованного в соответствии с *li* и уголовного права с его санкциями, установленными законом *fa*.

Вместе с тем автор подчеркивает, что современное право КНР, в отличие от западного, по-прежнему следует таким традиционным ценностям, как приоритет коллективных прав над индивидуальными, социальной гармонии – над индивидуальной свободой, обязанность работать противопоставляется праву на труд, государственный контроль над экономикой – свободному рынку, уважение к политическому руководству – политическому недовольству, семейные отношения – распаду семьи. Сегодня эти идеалы получили название «азиатские ценности», закрепленные в Бангкокской декларации о правах человека 1993 г.

В связи с этим несомненно заслуживает внимания экскурс М.Ф. Стейано в историю права Китая и особенности традиций китайской правовой системы, рассказ о влиянии на нее Великого шёлкового пути, соединявшего Китай с Европой и проходившего через Евразию. «Древний Шёлковый путь простирался до долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы, соединяя колыбели египетской, вавилонской, индийской и китайской цивилизаций, расширял зоны конвергенции различных верований, таких как буддизм, христианство и ислам, охваты-

вал регионы, населенные различными народами и расами. Представители разных цивилизаций, религий и национальностей искали точки соприкосновения, прекращая свои споры, стремились к открытости и терпимости, вместе создавали великолепные стихи о взаимном уважении и прекрасные картины, посвященные общему развигу»³ (цит. по: [Staiano, 2023, p. 10]). Точно так же новая китайская инициатива «Один пояс – один путь» – преемник древнего Шёлкового пути – выходит за рамки отношений между государствами, включая связь между народами, цивилизациями и религиями. Исходя из этого ракурса, автор подчеркивает, что правовая система современного Китая – «продукт многомерного и кумулятивного культурного процесса, в ходе которого различные современные правовые концепции и новые идеи накладывались на пласты древнекитайской мысли, создавая гибкий комплекс схем, моделей и парадигм, относящихся к разным культурам и периодам» [Staiano, 2023, p. 13].

Примечательно то, что Китай в своих международных отношениях, реализуя различные программы и планы действий, руководствуется собственной иерархической системой ценностей и значимостью дружественных отношений с тем или иным государством. Понять, как и почему КНР действует совершенно по-разному в областях международных отношений, можно, если знать конфуцианскую философию влияния отношений на престиж человека. Личность важна, лишь когда она является частью сообщества, семьи, иерархических и дружеских связей. «Отношения» – фундаментальный инструмент построения жизни человека, и именно поэтому они связаны с тре-

мя другими ключевыми для конфуцианства концепциями: *Жэньцин*, *Лянь* и *Мяньцзы* (*Renqing*, *Lian* and *Mianzi*).

Жэньцин (人情) выражает чувство человечности, которое отражается в моральных обязательствах выстраивать и поддерживать межличностные отношения. В соответствии с представлениями о международных отношениях этот принцип следует реализовывать и в межгосударственных отношениях. В китайской дипломатии считается очень важным узнать друг друга: виртуального контакта недостаточно – надо встречаться лично, проводить вместе время и делить мысли между работой и отдыхом (*share time and thoughts together between work and rest*). Из этого принципа можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, КНР поддерживает международные отношения со всеми странами, с другой – все эти отношения различаются и не со всеми одинаковы. Иерархия в международных отношениях (в представлении Китая) выстраивается и зависит от их истории, но и от уровня, который Китай придает тем или иным международным отношениям в соответствии с собственной четкой схемой.

Лянь (脸) – это моральная целостность (*moral integrity*); она проявляется в поведении, адекватном данным отношениям, – в уважении к иерархии и статусу каждого лица.

Мяньцзы (面子) означает «лицо» (*face*) и выражает социальное восприятие человека другими людьми; по сути, это авторитет, который личность сумела достичь, ее репутация или социальная ценность. То есть *Мяньцзы* – это результат общей оценки. *Мяньцзы* ассоциируется с такими ключевыми концепциями, как «потерять лицо» (*lose face*), то есть потерять уважение

3 Work Together to Build the Silk Road Economic Belt and The 21st Century Maritime Silk Road: Speech by H.E. Xi Jinping. – URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/13299.html> (дата обращения: 07.10.2024).

сообщества – 丢面子 (*Diu mianzi*); «сохранить лицо» (*to concede face*), то есть дать кому-то шанс вернуть утраченную честь и уважение 留面子 (*Liu mianzi*); «показать свое лицо» (*show your face*), то есть проявить уважение к кому-либо, 给面子 (*Gei mianzi*) [Staiano, 2023, p. 15].

Все эти концепции влияют на то, как КНР, исходя из своей системы ценностей, выстраивает международные отношения с зарубежными странами и международными организациями. Международные отношения для Китая – не преходящие и кратковременные связи, а прочные и долгосрочные отношения, оказывающие влияние на его правовую систему.

Интерес у читателя может вызвать та часть книги, в которой автор уделяет внимание верховенству права с китайской спецификой (*fazhi*). Согласно ст. 5 Конституции Китая, «Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством». Для КНР реализация *fazhi* представляет собой не просто символ, но старт длительного развития. Так, в марте 2015 г. Си Цзиньпином были сформулированы четыре основные задачи новой общей политики КНР: управление государством в соответствии с законом (верховенство права); построение общества умеренного благосостояния; усиление реформ; жесткий партийный контроль (борьба с коррупцией) (цит. по: [Staiano, 2023, p. 30–31]). За эти годы правовая система Китая развивалась в соответствии с его экономическими и социальными достижениями; в рамках правовой системы были установлены правовые гарантии для научного прогресса, а также гармоничного и мирного развития.

Привлекает внимание также специфика концепции верховенства права в Китае, которая раскрывается автором не только с точки зрения источни-

ков права, включая решения КПК, но и с позиций экономической эффективности, рассматриваемой как стабилизатор власти.

Рассматривая взаимосвязь национального права и международного права через призму верховенства права, М.Ф. Стейано отмечает, что в основе их комплексного взаимодействия лежит концепция «всеобъемлющего верховенства права» [Staiano, 2023, p. 52]. В связи с этим заметим, что особое внимание этому аспекту верховенства права было уделено на Центральной рабочей конференции по всеобъемлющему верховенству права (*Central Working Conference on the Comprehensive Rule of Law*), состоявшейся 16–17 ноября 2020 г. Конференция утвердила в качестве руководящего документа «Мысли Си Цзиньпина о верховенстве права» (*Xi Jinping's thoughts on the rule of law*), которые охватывают различные вопросы, связанные с верховенством закона, включая реформы, развитие и стабильность, внутренние дела, внешнюю политику и национальную оборону, а также управление партией, страной и вооруженными силами [Yu, 2021].

На практике новая идея «всеобъемлющего верховенства права», по мнению М.Ф. Стейано, направлена на построение нового типа международных отношений, ориентированных на интересы людей и государств. Воплощение этой идеи, считает она, будет способствовать политико-правовой согласованности между действием принципа верховенства права во внутреннем праве и приоритетом международного права с учетом позиции Китая в области международных отношений [Staiano, 2023, p. 52–53].

Оценивая положительно позицию автора относительно взаимосвязи принципа верховенства права, закрепленного как в национальном, так и международном праве, заметим, что

в научной дискуссии выделяются два различающихся подхода, касающиеся действия этого принципа на национальном и международном уровнях. Так, по мнению Карен Дж. Альтер и Джи Ли, эти подходы противостоят друг другу. Первый из них – коммерческий, частнопредварительный вариант верховенства права, сводящийся к исполнению контрактов, выплате компенсаций за нарушения контрактных обязательств и обеспечению урегулирования споров для участников бизнеса. Вторым – конституциональный и институциональный вариант верховенства права, который обязывает влиятельных политических деятелей, силы и руководящие органы соблюдать этот принцип в силу разделения властей и права, гарантированного национальной конституцией. С точки зрения этих авторов, идея Китая о всеобъемлющем верховенстве права как международном принципе является гипотетической, но логичной и привлекательной, однако западные ученые, включая большинство юристов и политологов, настроены значительно более скептически в этом отношении [The Cambridge Handbook..., 2023, p. 112].

По мнению М.Ф. Стейано, оригинальность понятия о верховенстве права «с китайской спецификой» определяется тем, что в контексте правовой системы КНР законодательно определены правила легитимации политических актов КПК. В последнее время проявляется тенденция передачи политической ответственности от КПК государственным институтам, то есть переход от политических к правовым формам власти и управления. Еще одной особенностью правопонимания,

в том числе принципа верховенства права, автор называет то, что в правовой системе Китая подлежат учету собственные традиции страны, лучший зарубежный опыт и юридическая практика, международные нормы и принципы, международные обычаи, хотя порядок применения (и имплементации) соответствующих норм определяется неформально и, добавим, избирательно [Staiano, 2023, p. 32].

Одна из тем, которую автор, как можно заметить, с большим интересом освещает в своей книге, – китайская концепция «Сообщество с общим будущим для всего человечества» (人类命运共同体).

Идея создания концепции «Сообщество с общим будущим для всего человечества» («Сообщество единой судьбы человечества») первоначально была заложена в 2012 г. в Белую книгу Китая «Китайское мирное развитие». Цель этого документа – объяснить основные особенности китайской стратегии развития для иностранных аудиторий. В речи Си Цзиньпина «Строительство Сообщества единой судьбы человечества» по случаю 70-летия ООН в 2015 г. эта формула была усовершенствована и ныне включает в себя пять направлений: политическое объединение, безопасность, экономическое развитие, культурные обмены и охрана окружающей среды⁴. Отсылка к этой концепции была включена в Конституцию КНР в процессе ее реформы в 2018 г. и, как полагает автор, отражает постепенное утверждение международного права в области прав человека в этой стране [Staiano, 2023, p. 49].

В книге М.Ф. Стейано инициатива «Сообщество с общим будущим для че-

4 Working Together to Forge a New Partnership of Win-win Cooperation and Create a Community of Shared Future for Mankind. Statement by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the General Debate of the 70th Session of the UN General Assembly, 2015, September 28. – New York: United Nations, 2015. – URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_zh_en_25.pdf (дата обращения: 17.09.2024).

ловечества» представлена как ключевая цель влияния Китая на международные отношения, создания нового международного правового порядка, включающего в себя три ключевых элемента китайской теории международных отношений: «взаимосвязь», «человеческий авторитет» и «симбиоз». «Сообщество» определяется как «совокупность государств, малых и больших, которые мирно сосуществуют друг с другом (взаимосвязь) на основе общих ценностей, вдохновленных ведущими странами, ответственными за международный порядок (власть человека), уважая и помогая друг другу (симбиоз)» [Staiano, 2023, p. 60–67].

Международное значение этой идеи и ее связь с такими концепциями, как стремление Китая к новому гуманизму и устойчивому развитию (Повестка дня ООН до 2030 г.), разъясняется на многочисленных международных саммитах. Кроме того, необходимость «нового типа» «демократизации» международных отношений Китай видит в установлении более справедливого международного правового порядка для глобального Юга. Концепция «Сообщество с общим будущим для всего человечества» предлагает строить дипломатические отношения с государствами и международными организациями на основе общих интересов, способствующих созданию нового многополярного порядка для защиты международной справедливости и правосудия, установления «нового типа» международных отношений [Staiano, 2023, p. 50–51].

В данной книге рассматривается еще один важный аспект – значение теорий международных отношений в процессе строительства «Сообщества

единой судьбы человечества». Внимание сосредоточивается на тех новых элементах китайских доктрин международных отношений, которые имеют уже эмпирические результаты и знаменуют начало нового этапа развития международных отношений на глобальном уровне. В связи с этим особое внимание М.Ф. Стейано сосредоточивает на инициативе (проекте) «Один пояс – один путь». Этот проект рассматривается как элемент воплощения концепции «Сообщество единой судьбы человечества» и способ преодоления практик выражения национального интереса каждого отдельного государства в международном праве и международных отношениях, заключенного в поствестфальской концепции суверенитета. Инициатива «Один пояс – один путь» выражается в стремлении к взаимодействию на международном уровне; она предлагает следовать дипломатии, основанной на общих интересах международного сообщества, способной обеспечить взаимовыгодное сотрудничество в целях установления более справедливого международного правового порядка. Проект включает в себя несколько приоритетов: развитие инфраструктуры, промышленности, освоение ресурсов, экономическое и торговое партнерство, финансовое сотрудничество, культурные обмены, охрана окружающей среды и морское взаимодействие. Как отмечает М.Ф. Стейано, 138 стран⁵ уже подписали Меморандум о взаимопонимании в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Эта инициатива, подчеркивает автор, разрушает традиционное разделение ролей между более сильными и слабыми странами, предоставляя право голоса народам регионов, которые долгое время игнорировались

5 По состоянию на начало 2024 г. более 140 стран участвуют в инициативе «Один пояс – один путь». В странах-участницах, большинство из которых – страны Глобального Юга, проживает почти 75% населения мира, и на них приходится более половины мирового ВВП.

при формировании норм международного права: Африки, Евразии, Латинской Америки [Staiano, 2023, p. 52–55].

Познавательное то, что в свете международного права и инициативы «Один пояс – один путь» автор коснулся вопроса об учреждении нового международного института – Международного коммерческого суда при Верховном народном суде Китая. Такой Суд был создан в 2018 г. Цели этого Суда – справедливое и своевременное рассмотрение международных коммерческих дел в соответствии с законом, защита законных прав и интересов как китайской, так и иностранных сторон в равной степени, создание стабильной, справедливой, прозрачной и удобной международной деловой среды, основанной на верховенстве права и практике рассмотрения Судом первых коммерческих споров.

Анализ материалов третьего Форума международного сотрудничества «Один пояс – один путь», который проходил в Пекине 17–18 октября 2023 г., показал, что сегодня этот проект превратился из регионального инфраструктурного плана, призванного соединить Китай со странами Евразии, в глобальную инициативу, направленную на поддержку финансирования и строительства инфраструктурных проектов практически во всех уголках мира. Как отмечают исследователи, двусторонняя торговля между Китаем и этими странами имеет решающее значение для его экономической и дипломатической повестки дня. Эта инициатива усиливает влияние Китая на мировую геополитику и гекономику, и главное – она отражает его борьбу за лидерство в условиях нестабильной международной обстановки. Еще ни одна из предыдущих инициатив в области развития не вызвала таких интенсивных дискуссий, как «Один пояс – один путь». Международная реакция на этот проект в значительной

степени разделилась по геополитическому признаку между странами Запада и глобального Юга. Хотя многие на Западе критикуют недостатки инициативы и подозревает геополитические цели Пекина, стоящие за ее реализацией, страны глобального Юга в подавляющем большинстве поддерживают эту китайскую инициативу и высоко оценивают ее достижения в улучшении инфраструктурных связей в развивающихся странах [Yi, 2024, p. 202].

Таким образом, полагаем, что права М.Ф. Стеяно, когда утверждает, что в Китае внутреннее и международное видение «подхода, ориентированного на интересы людей», с точки зрения глобального управления посредством «всеобъемлющего верховенства права» имеет основополагающее значение для понимания нового глобального порядка, который стремится объединить человеческие цивилизации на базовом уровне в целях соблюдения фундаментальных прав, создавая «сообщество с общим будущим для всего человечества» [Staiano, 2023, p. 52].

Как видим, политико-правовые инициативы Китая, описанные в данной работе, содержат важные идеи перехода государств к новым формам международных отношений и развитию человеческого потенциала; они ставят во главу угла не просто новый международный порядок, а проект развития человечества, который включает в себя концепции и проекции социальной справедливости. Для реализации этих глобальных инициатив актуален призыв М.Ф. Стеяно: «Мир больше не может мириться ни с войной как инструментом международных отношений, ни с ядерной угрозой. “Дух народов” сегодня достаточно развит и требует наступления “новой планетарной эры”» [Staiano, 2023, p. 67].

Таким образом, рецензируемая книга выполняет ценную научную функцию –

обогащает знанием специфики китайского права, новых китайских инициатив, исходящих из принципов социальной справедливости, нового гуманизма и всеобъемлющего верховенства права, направленных на трансформацию международных отношений и международного правопорядка под влиянием встречного движения национального и международного права.

Список литературы

Chen W. Xi Jinping Thought on the Rule of Law Is a New Development and New Leap Forward in the Sinicization of Marxist Theory on the Rule of Law // CSIS Interpret. – 2021. –

April 20. – 21 p. – URL: <https://interpret.csis.org/translations/xi-jinping-thought-on-the-rule-of-law-is-a-new-development-and-new-leap-forward-in-the-sinicization-of-marxist-theory-on-the-rule-of-law/> (дата обращения: 22.11.2024).

Staiano M.F. Chinese Law and Its International Projection: Building a Community with a Shared Future for Mankind. – Singapore : Springer, 2023. – 84 p.

The Cambridge Handbook of China and International Law / ed. by I. de la Rasilla, C. Cai. – Cambridge, United Kingdom ; New York, NY : Cambridge University Press, 2023. – 611 p.

Yu H. Understanding China's Belt and Road Initiative. – Singapore : Springer, 2024. – 227 p.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgf/2024.04.10

Chinese Law and Its International Projection

Elena V. ALFEROVA

PhD (Law), Leading Researcher, Head of the Department of Law & Legal Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: ealf@list.ru
ORCID: 0000-0003-1630-1070

Elena V. SKURKO

PhD (Law), Senior Researcher at the Department of Law & Legal Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS (INION RAN)
Nakhimovsky Prospect, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: e.skurko@mail.ru
ORCID: 0009-0004-1139-951X

CITATION: Alferova E.V., Skurko E.V. (2024). Chinese Law and Its International Projection. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 155–166 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgf/2024.04.10

Received: 18.10.2024.

Revised: 25.11.2024.

ABSTRACT. *The article presents a review of the book by M.F. Staiano “Chinese Law and Its International Projection: Building a Community with a Shared Future for Mankind”, published in Singapore in 2023. The book under review examines the peculiarities of the Chinese law, the evolution of which is influenced by national reforms and international law. On the one hand, the Chinese legal system is based on the traditional values of the Chinese culture. national law and the norms and principles of international law included in this system, on the other hand, the internal change in the Chinese law and the projects proposed by China to build a “Community with a shared future” and “Belt and Road Initiative” reflect the “feedback”, i.e. the impact of the postulates of the Chinese law on the development of international law*

and international relations in order to create a “Common future for mankind”. In its international relations, China, implementing various programs and action plans, is guided by its own hierarchical system of values and the importance of friendly relations with a particular state and international organizations. The author, based on Confucian philosophy and the attitudes of the Chinese Communist Party, tries to understand how and why this way the People’s Republic of China operates in the field of international relations. The concept of creating a “Community with a shared future” suggests building international relations based on common interests, the “comprehensive rule of law”; it promotes the establishment of a new multipolar world order to protect fundamental rights, international fairness and justice.

KEYWORDS: *Chinese legal system; Chinese law; Chinese legislation; international law; international relations; “Community with shared future for mankind”; “Belt and Road Initiative”; “Silk Road”; interaction of national and international law.*

References

Chen W. (2021). Xi Jinping Thought on the Rule of Law Is a New Development and New Leap Forward in the Sinicization of Marxist Theory on the Rule of Law. *CSIS Interpret*. April 20, 21 pp. Available at: <https://interpret.csis.org/translations/xi-jinping-thought-on-the-rule-of-law-is-a->

[new-development-and-new-leap-forward-in-the-sinicization-of-marxist-theory-on-the-rule-of-law/](#), accessed 22.11.2024.

Staiano M.F. (2023). *Chinese Law and Its International Projection: Building a Community with a Shared Future for Mankind*. Singapore: Springer, 84 pp.

The Cambridge Handbook... (2023). De la Rasilla I., Cai C. (eds.). *The Cambridge Handbook of China and International Law*. Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 611 pp.

Yu H. (2024). *Understanding China's Belt and Road Initiative*. Singapore: Springer, 227 pp.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 17 № 4 – 2024**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021 г.

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 30.11.2024
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 13,5 Уч.-изд. л. 12,6
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № __

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6